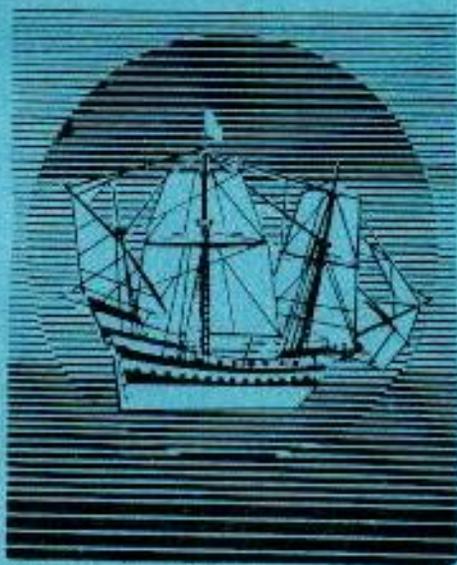

Н.Н. Туманович

**Европейские
державы
в Персидском
заливе
в 16-19 вв.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н.Н. Туманович

**Европейские
державы
в Персидском
заливе
в 16-19 вв.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор
Н. А. ХАЛФИН

В книге освещается история колониальной экспансии европейских держав — Португалии, Голландии, Франции и Англии — в зоне Персидского залива в эпоху первоначального накопления капитала. Рассматриваются по этапам английское проникновение и укрепление позиций Англии в этом районе, ее методы политического, экономического и военного воздействия.

Т 0504000000-063 61-82.
013(02)-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

Предисловие

Уже многие годы растет экономическое, военно-стратегическое и политическое значение зоны Персидского залива. Империалистические державы — США, Англия, ФРГ, Япония и другие, стремясь овладеть ее нефтяными богатствами, важными стратегическими позициями, прибегают к самым различным методам давления, таким, как массированное военное присутствие, экономическая блокада, тактика ультиматумов и шантажа. Они искусственно создают взрывоопасные кризисные ситуации, используют закулисные интриги, подкупы, обходные маневры, не останавливаясь даже перед истребительной войной против поднимающегося на борьбу населения.

Если же взглянуть на события сегодняшнего дня с исторической точки зрения, то нельзя не заметить, что при всем многообразии интересов и современных способов воздействия империализма основные цели, направления и методы держав, претендовавших на господство в районе Персидского залива, остаются теми же вот уже четыре столетия.

Персидский залив расположен на перекрестке мировых торговых путей. Благодаря удобному географическому положению на стыке Европы, Азии и Африки местное купечество издревле наживалось на посреднической торговле между странами Ближнего и Среднего Востока — Аравии, Турции, Ирана, Индии. В средние века по Персидскому заливу проходил кратчайший и наиболее удобный путь из Европы в Индию и на Дальний Восток. В эпоху первоначального накопления капитала богатства этого края, его широкие торговые связи манили европейских искателей наживы, людей разных занятий, чинов и званий — купцов, монахов, политиков, военных, путешественников и др. Вскоре после открытия морского пути в Индию Персидский залив стал очередным объектом колониальной экспансии европейских держав в восточном полушарии. Здесь, как и в других частях земного шара, они вели борьбу за гегемонию. Перевес в этой борьбе то у одной, то у другой стороны отражался на положении их торговых факторий и военных баз, тяготевших к Персидскому заливу. Португальцев сменили голландцы, следом появились французы и англичане. К середине XIX в. последние установили контроль над торговлей и судоходством в Персидском заливе.

С вступлением на путь империалистического развития Англия установила свой протекторат над всем южным берегом

Залива и некоторыми островами, монополию на вывоз товаров и размещение капиталов, превратив, таким образом, зону Персидского залива фактически в полуколонию. Однако по мере развития капитализма в других странах ожесточенная конкуренция между империалистическими державами охватила и этот регион. Основными конкурентами Англии здесь с конца XIX в. были Германия и США.

Борьба за Персидский залив была одним из узлов империалистических противоречий, приведших к первой мировой войне. Поражение Германии вывело ее из числа конкурентов Англии в деле колониальных приобретений; вместе с тем обострились противоречия между Англией и другими державами, в первую очередь Соединенными Штатами Америки. Особенно ожесточенной была борьба между этими государствами за овладение нефтяными ресурсами стран Среднего Востока.

Зона Персидского залива и в наши дни остается «горячей точкой» планеты, о чем свидетельствуют политические и военные события в этом районе в последние годы. Поэтому нам кажется весьма актуальным исследование политики европейских держав в зоне Персидского залива со времени их первого появления здесь.

В настоящей работе вкратце освещены этапы колониальной экспансии Португалии, затем Голландии, Франции и Англии в районе Персидского залива. При этом автор отдает себе отчет в том, что в силу ограниченной доступности зарубежных, в первую очередь английских и индийских, архивов и необходимости пользоваться главным образом опубликованными, нередко тенденциозно подобранными материалами ряд существенных деталей и важных моментов мог быть в работе упущен. Однако мы надеемся, что и при этом недочете книга окажется полезной для советского читателя, несмотря на многочисленные издания, посвященные Персидскому заливу, хлынувшие в последние годы на мировой книжный рынок: за тридцать лет, минувших с начала работы над монографией, основные вопросы, освещенные в ней, либо вовсе не были поставлены, либо неправильно трактуются в буржуазной историко-политической литературе. В то же время в советской научной литературе специальной монографии на эту тему пока нет.

Структура работы имеет одну особенность: в ней уделено больше внимания европейской экспансии в Иране. Это объясняется первостепенным значением, какое имели государственные образования на территории Ирана в рассматриваемый период в деле отражения этой экспансии в зоне Персидского залива.

Историография проблемы

Географическое, торгово-экономическое и военно-стратегическое значение Персидского залива привлекало к нему внимание во все времена. Литература о нем обширна и многообразна. Что же касается материалов к теме, поставленной во главу угла в настоящем исследовании, то следует сказать, что изучение европейской экспансии в районе Персидского залива в историческом аспекте было начато самими колонизаторами. Так, португальцы, а затем голландцы с практическими целями издавали мемуары своих конкистадоров и мореплавателей, составляли географические карты, делали описания путей и местностей этого района.

Вытеснив с берегов Залива своих предшественников, англичане продолжили их дело и в этом отношении. Но с начала XIX в. помимо многочисленных мемуаров путешественников и авантюристов в Англии стали выходить и работы обзорного характера. Попытки обобщения исторических фактов делались англичанами крайне тенденциозно; в дальнейшем же они не останавливались и перед прямой фальсификацией фактов ради оправдания британской агрессии. Вплоть до начала XX в. авторы английских книг по общим вопросам британской колониальной политики в странах Ближнего Востока, в частности в районе Персидского залива, как правило, лица, либо осуществившие эту политику на местах, либо руководившие ею из Лондона и Калькутты, в своих сочинениях заявляли себя откровенными апологетами колониализма Великобритании.

В большинстве работ, в той или иной степени касающихся английской экспансии в Персидском заливе, изданных в нашей стране, Франции, Иране и других, история колонизации района Персидского залива пока что не получила должного освещения.

* * *

Материалы, использованные для написания настоящей работы, могут быть разделены на две категории: 1) документы — тексты договоров, официальная переписка, дневники, мемуары непосредственных участников событий; 2) научно-историческая литература, касающаяся круга исследуемых вопросов.

Публикация текстов договоров европейских держав со странами, имеющими выход в Персидский залив, осуществлялась

неоднократно. При этом издатели, производя подборку документов, ставили перед собой разные цели. Для нашей темы интерес представляют договоры, конвенции и соглашения за период с XVI — по середину XIX в., заключенные европейскими державами с Ираном, Оманом, отдельными шейхствами Персидского залива.

Документы, так или иначе касающиеся политики европейских держав в районе Персидского залива, можно найти во французских изданиях Ж. Тьери (1866 г.) [141], а также Г. Мартенса и его продолжателей (1876—1900) [126].

На английском языке существует многотомный сборник договоров, изданный в Калькутте в 1892 г. Ачесоном, а затем перепечатанный с дополнениями в 1933 г. [92]. Публикация Ачесона требует осторожного подхода, так как в издании встречаются случаи неоправданного и неоговоренного пропуска целых статей договоров, что искажает смысл документов.

Некоторые договоры второй половины XIX в. изданы параллельно на персидском и французском языках Мутамином аль-Мулком в 1908 г. в Тегеране [131]. К сожалению, на персидском языке, насколько известно, издана лишь небольшая часть договоров, в том числе и относящихся к Персидскому заливу.

Официальная переписка между министрами, послами и прочими должностными лицами Ирана, Англии, России и других стран — меморандумы, ноты, инструкции, донесения и прочее — издана преимущественно на английском языке. Наиболее ранние грамоты иранских шахов и английских королей, письма агентов английских торговых компаний в Иране в XVI—XVII вв. можно найти в двенадцатитомном издании *Nakluyt Society* [110]. Среди более чем ста важных для нашей темы документов наибольшую ценность представляют донесения английских агентов из Ирана, отражающие британские устремления к Персидскому заливу.

Особо следует отметить «Инструкцию по открытию морей, островов и других земель, пригодную для всех стран» (см. ниже, с. 39), которая важна для характеристики причин, целей и методов экспансии Великобритании в эпоху первоначального накопления капитала на всем Востоке.

Официальная переписка между английскими послами в Иране и британскими властями в Лондоне и Калькутте, относящаяся к концу XVIII — началу XIX в., частично издана Дж. Кэем в двухтомной биографии посла Джона Малькольма, осуществившего при шахском дворе далеко идущие планы британского правительства [116]. Относя эти документы к разряду источников, следует иметь в виду, что книга издана в 1865 г., вскоре после англо-иранской войны 1856—1857 гг.; общей задачей Кэя при этом было оправдать агрессию англичан в Иране, Индии и других странах Востока. При издании корреспонденции Малькольма Кэй задался целью прославить его деятельность, для

чего соответствующим образом и подбирали бумаги. Поэтому как донесения Малькольма, так и инструкции ему напечатаны подчас не полностью, поданы читателю в соответствующем оформлении и редакции. Однако, несмотря на эти недочеты, документы, опубликованные Кэем, имеют вопреки его воле исключительную ценность для разоблачения экспансионистских устремлений англичан в районе Персидского залива в начале XIX в.

В качестве параллельного источника в работе использована переписка французских посланцев в Иран в конце первого десятилетия XIX в.— генерала Гардана и Жуаннина с министерством иностранных дел Франции, опубликованная в книге внука Гардана в виде приложения, составляющего более половины всего тома [109].

Для исследования английской политики в Иране и на Персидском заливе в связи с так называемым «гератским вопросом» 1837—1842 гг. важны письма, донесения и другие бумаги официальных лиц Англии и Ирана. Публикация их была начата в Лондоне в ходе англо-афганской войны 1838—1842 гг. по распоряжению тогдашнего министра иностранных дел Г. Д. Т. Пальмерстона и завершена в 1857 г. Обиходное название издания — «Синие книги», точный же заголовок двух ее подборок звучит несколько по-разному: «Корреспонденция, касающаяся Персии и Афганистана» (в одном томе) и «Корреспонденция, касающаяся взаимоотношений с Персией» (в двух томах) [101, 102]. В первой из них помещено около 300 документов за период 1834—1838 гг., во второй — примерно 150, хронологически продолжающих серию.

Не говоря уже о получившей печальную известность системе подтасовок в пальмерстоновском издании [4, с. 539], обращает на себя внимание и тот факт, что, хотя вторая из поименованных книг вышла в свет в 1857 г., последняя дата на документе, включенном в нее, — апрель 1840 г. И это отнюдь не случайность. Именно в это время шахское правительство было вынуждено вследствие английских происков в Герате разорвать отношения с Англией. Поставив тут точку вместо запятой, издатели стремились навязать читателю мысль об агрессивности иранского правительства и миролюбии английского. Действительное же положение дел никак не отвечало этому тезису, и если нам приходится упомянуть здесь об этом, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что пальмерстоновское издание документов было предпринято ради пропаганды британской колониальной политики¹.

Материалы английских и индийских архивов оказались для нас недоступными; только некоторые из них известны нам в передаче ряда авторов, имевших возможность пользоваться ими. Особенно существенны документы, цитируемые Дж. Б. Келли, о чем будет сказано ниже.

В числе неизданных документов для настоящей работы немаловажное значение имеют материалы русских архивов, хотя они относятся в основном к более позднему времени — начиная примерно с 60-х годов XIX в.².

Ценные материалы первой половины XIX в. собраны в детальном и потому весьма объемистом издании Лоримера — Бедвуда (изданы в начале XX в.) [133]. Эта публикация содержит сведения по истории, географии, политическим взаимоотношениям шейхств и княжеств района Персидского залива. В ее основу положены доклады и донесения официальных и негласных английских резидентов и агентов, которые либо представляли в портах Персидского залива, либо засылались в малодоступные районы, прилегающие к нему. Нет нужды повторять, что и эти чрезвычайно важные материалы требуют осторожного подхода и перепроверки, а в части трактовки событий политического характера — учета их тенденциозности.

Кроме официальных документов существенный материал для настоящей работы дают мемуары, дневники и частная переписка. Ниже в хронологическом порядке названы основные из этой группы источников и вкратце отмечено, чем именно ценен для данной работы каждый из них.

В конце XV в. в Персидском заливе побывал и принес на Русь известия о главном его торговом центре на о-ве Ормуз русский купец Афанасий Никитин. Сведения Никитина дают представление о торговле в Персидском заливе в период, предшествовавший появлению там португальцев [62].

В самом начале XVI в., в 1503 г., т. е. накануне португальского вторжения в Персидский залив, его район посетил итальянец Л. Вартема. Он был, насколько известно, одним из последних европейских путешественников, которые попадали в Залив, не огибая Африки. Вартема оказался в Персидском заливе непосредственно после посещения индийских портов, а затем Маската. В своем описании путешественник уделил также большое внимание Ормузу [144].

Первый и главный португальский завоеватель Персидского залива Афонсу д'Албукерки в своем дневнике методически изложил как историю появления португальской эскадры под его командованием в водах залива, так и события, непосредственно за этим последовавшие. Д'Албукерки подробно описал захват его войсками городов Маската, Калата, Куриата, Ормуза и методы осуществления португальского господства в этих краях [93].

В середине XVI в. англичане пытались проникнуть в Персидский залив с севера — через Россию и Иран. Записки, составленные английскими агентами, представляют собой весьма ценный источник для исследования путей и методов британской колониальной экспансии в районе Персидского залива на первом ее этапе. Особый интерес с этой точки зрения представляют

дневники Джекинсона, Бэрроу, Эдвардса и других, опубликованные в упоминавшемся сборнике «Хаклюйт». В этих дневниках четко прослеживается стремление английской буржуазии к овладению основными торговыми путями между Европой и Востоком.

Усиление британского капитализма, успешная борьба с португальцами и голландцами повысили в Англии интерес и к путешествиям по старым торговым путям Востока. В 1625 г., т. е. два года спустя после падения Ормуза, вышел в свет сборник путешествий, составленный преподобным Самуэлем Перчесом [135]. Последний, никогда не покидая Британские острова, всю жизнь собирал сведения о различных экспедициях по морю и суше. Особое внимание в этом своде известнейших путешествий уделено Индии, «островам пряностей», британскому флоту и прославлению его могущества. Интерес к своду Перчеса проявился в многократных его переизданиях. В нем можно почерпнуть сведения о ненавистном для населения района Персидского залива португальском гнете, о борьбе Англии с Португалией, некоторые подробности взятия Ормуза иранскими войсками и т. п.

Наиболее известным путешественником по Ирану в XVIII в. был француз Ж. Шарден. Его дневник содержит важный материал для внутренней истории Ирана, но, к сожалению, автор мало касается вопросов, связанных с проникновением европейцев в южные районы Ирана и Персидский залив. Однако высказывания Шардена, общие для всего Ирана, пополняют наше представление о взаимоотношениях иранских торговцев с европейцами в тот период [98].

В течение XIX в. в Персидском заливе с разными целями побывали многочисленные европейцы. Упоминавшиеся уже книги Кэя и Гардана содержат письма и записи в дневниках Малькольма и генерала Гардана: они дают фактический материал, освещающий английское военное вторжение в воды Залива в 1808—1809 гг.

Значительный интерес представляют мемуары англичанина Морьера, который посетил Иран в 1808—1809 гг. в составе посольства Джонса и затем снова приезжал в Иран в 1810 г. в качестве секретаря посольства Оузли [129, 130]. В своих мемуарах Морьер произвольно сообщает факты о провоцировании Джонсом волнений в Бушире. Сопоставленные с дневниками других путешественников того времени, эти мемуары помогают обнажить пружины английской экспансии в Персидском заливе под видом борьбы с пиратством.

Записки англичанина Букингэма ценны в той своей части, где рассказывается об английской карательной экспедиции 1816 г. против так называемых пиратов. Букингэм принимал непосредственное участие в ней и потому сообщает некоторые подробности как очевидец. Весьма характерна точка зрения

Букингэма на методы, применяемые во время подобных экспедиций. После того как английские суда прошли вдоль берегов Персидского залива, артиллерийскими обстрелами и десантами уничтожая все на своем пути, Букингэм цинично заявил, что только полное истребление местных жителей «может усмирить их» [96, с. 244].

Несмотря на стремление мемуаристов убедить читателей в беспринципном пиратстве населения района Персидского залива, рассказы о тех, кого они именовали «пиратами», вопреки намерениям авторов, показывают, что и в этом краю в XIX в. жители поднимались на справедливую борьбу с колонизаторами.

Капитан корабля «Эден» Ф. Лох, возглавлявший еще одну карательную экспедицию 1818—1819 гг., подробно описал ее в своем дневнике. Этот дневник хранился в семье Лохов около полутора лет, прежде чем британский представитель на Бахрейне Белгрейв получил разрешение издать его, с тем чтобы продемонстрировать читателям, «сколько британских жизней было принесено в жертву ради подавления пиратства» в Персидском заливе [95, с. 192]. К сожалению, Белгрейв не опубликовал полного текста дневника Ф. Лоха, как обычно поступают добросовестные издатели; он пошел по иному пути — пересказал его содержание, добавив к нему предисловие и исторические сведения о Персидском заливе, а также биографические — о ряде лиц, упомянутых Ф. Лохом. Материалы для дополнений были собраны Белгрейвом за 30 лет его пребывания на Бахрейне. В результате такой подмены читатель получил не источник из первых рук, а книгу еще одного заинтересованного лица, который спустя полтора столетия после описанных Лохом событий силится обосновать несостоятельный тезис о том, что ни в те времена, ни позже англичане якобы не имели на Персидском заливе никаких территориальных претензий.

Мы сохраняем эту работу среди источников ради ее стержня — детального и следовательного изложения хода событий экспедиции 1818—1819 гг., где Белгрейв следует Лоху, а также ради цитат из дневника последнего.

Записки названных и ряда других английских авторов, а также дневники русских — А. Соколова и В. Бороздны — участников посольства генерала Ермолова в Иран 1817 г. отражают также и общее положение в Иране в первой четверти XIX в., говорят о состоянии промышленности и торговли [73, 32]. Дневник Соколова, советника посольства Ермолова, ценен еще и тем, что его автор меткими замечаниями по поводу политики Англии в Иране в то время помогает правильному пониманию действий британских агентов при тегеранском дворе и на границах Ирана, например на побережье Персидского залива.

При исследовании английской агрессии в Иране в связи с так называемым «гератским вопросом» привлечены мемуары

британского разведчика в афганских княжествах, Индии и Средней Азии А. Бернса [97].

Наиболее ценным из восточных источников является «История имамов и сеидов Омана» Салиля ибн Разика. Это сочинение в рукописном виде на арабском языке в 1860 г. приобрел англичанин Баджер, в то время член комиссии, созданной Англией для расчленения владений Омана на Маскат и Занзибар. В 1871 г. оно было издано в Лондоне в переводе Баджера на английский язык и с его же комментариями [137].

Салиль ибн Разик — единственный из доступных нам восточных авторов, посвятивший свой труд истории одного из крупнейших княжеств района Персидского залива — Омана. Известно, что Оман ранее, чем другие шейхства, превратился в британскую военную базу. Труд Салиля ибн Разика помогает характеризовать английскую политику в зоне Персидского залива как колониальную. Это ставит «Историю имамов и сеидов Омана» в особое положение среди других использованных нами трудов восточных авторов, которые не затрагивают вопроса английской экспансии и мало касаются общих проблем англо-иранских отношений XVI—XIX вв.

Сочинение Салиля ибн Разика делится на три части: первая охватывает период с 661 по 1774 г.; вторая — с 1741 по 1820, третья — с 1804 по 1856.

В книге Салиля ибн Разика, в частности, рассказывается о борьбе населения Персидского залива против португальцев, о походе Надир-шаха в 1737 г. по побережью Залива и о других важнейших событиях истории Персидского залива. Особенно ценными являются разделы, относящиеся к первой половине XIX в. Только у Салиля ибн Разика мы могли почерпнуть сведения, исходящие не от англичанина, о карательных экспедициях вдоль берегов Персидского залива в 1809, 1816 и других годах, о борьбе местного населения против колонизаторов, об интригах англичан в Омане, о навязанных ими шейхам Персидского залива неравноправных договорах.

Комментарии переводчика и издателя Г. Баджера, в свою очередь, представляют значительный интерес, так как в обширных подстрочных примечаниях он нередко привлекает в качестве дополнительного материала недоступные нам *Bombey government selections*, где печатались отчеты о варварских экспедициях англичан вдоль берегов Персидского и Оманского заливов, донесения английских агентов и другие документы. Довольно подробные выписки Баджера из этой публикации оказались весьма ценными для данной работы.

Из числа источников на персидском языке нами привлечены сочинения иранских историков XIX в. Казалось бы, роль колонизаторской политики европейских держав, особенно Англии, в жизни Ирана должна найти отражение в их трудах, однако общей и характерной для этих сочинений особенностью является

крайняя скудость сведений, касающихся взаимоотношений Ирана со странами Европы вообще и английской экспансии в районе Персидского залива в частности. Книга «Тарих-и мунтазам-и Насири» Мухаммед Хасан-хана по своему замыслу выходит за рамки обычных сочинений иранских придворных историков [58]. Своей целью Мухаммед Хасан-хан ставил изложить параллельно историю стран Азии и Европы, коснуться взаимоотношений Ирана с европейскими странами. Сочинение это было литографировано в Тегеране в 1880—1883 гг. Оно состоит из трех томов: в первом события излагаются с 1-го года хиджры по XIII в. по европейскому летосчислению, во втором — с XIII в. до 1769 г. и в третьем события доведены до времени, непосредственно предшествующего публикации «Тарих-и мунтазам-и Насири».

Оставляя в стороне первый том труда Мухаммед Хасан-хана, выходящий хронологически за рамки настоящей работы, следует отметить, что и во втором и в третьем томах сведений о европейском проникновении в район Персидского залива немного.

Так, во втором томе автор лишь вскользь упоминает о появлении в Персидском заливе в начале XVI в. флота д'Албукерки, не дает описания событий, связанных с установлением португальцами колониционного режима, хотя он как иранский историк мог иметь в своем распоряжении документы, отражающие ход португальского завоевания. В книге нет даже упоминания о восстании населения побережья и островов Персидского залива против португальского господства, что достаточно хорошо известно из других источников. Автор не остановился и на таких важных для истории Ирана моментах, как изгнание португальцев с Ормуза в 1622 г. и политика Надир-шаха и Керим-хана в районе Персидского залива в XVIII в.

В третьем томе Мухаммед Хасан-хан упоминает, правда, о различных европейских посольствах, посетивших Иран в начале XIX в. Однако он не идет дальше поименования Гардана, Малькольма, Джонса и других, не раскрывает причин и целей той или иной миссии в Иран.

В силу сказанного это сочинение могло быть использовано лишь в общих чертах; более конкретные материалы почерпнуты в «Тарих-и мунтазам-и Насири» лишь в разделе, повествующем о событиях 1837—1857 гг., т. е. в связи с поисками англичан в Герате.

Сочинение Хасана Фесаи «Фарс-наме-и Насири» делится на две части — историческую и географическую [83]. В первой автор кратко освещает историю провинции Фарс с VII до конца XIX в., во второй дает довольно подробное географическое описание ее. Систематическое изложение истории провинции Фарс и входящего в ее состав северного берега Персидского залива с прилежащими островами в связи с общей историей Ирана — такова основная ценность сочинения Хасана Фесаи. В геогра-

фической части Персидскому заливу уделено всего три листа (лл. 315—318).

Труды иранских историков «Хакаи́к ал-ахбар», «Раузат асафа» и «Насих ат-таварих» для нашей работы представляют интерес главным образом в тех разделах, где авторы касаются событий, связанных с «гератским вопросом» [51, 65].

Что касается западной исторической литературы, использованной нами, то ближе всего к исследуемой теме подходят монографии о Персидском заливе А. Уилсона и Дж. Келли³. Книга Уилсона заслуживает особого внимания по следующим причинам. Во-первых, автор ее непосредственно осуществлял политику Англии в этом районе; во-вторых, его труд, насколько известно, — первое монографическое обобщение истории района Персидского залива; в-третьих, книга отражает взгляд самих англичан на колониальную экспансию в районе Залива незадолго перед второй мировой войной; в-четвертых, она как бы подытоживает ряд работ английских авторов, которые рассматривали вопрос о британской экспансии в Персидском заливе как часть общего вопроса колониальной политики Англии; наконец, в-пятых, в монографии Уилсона в хронологическом порядке собрано значительное количество фактического материала по истории проникновения европейских держав в район Персидского залива, особенно за период до XIX в. [147].

Основная мысль Уилсона, пронизывающая весь его труд, — наличие неких прав Англии на Персидский залив. Автор стремился подвести читателя к суждению об отсутствии «должного», т. е. удобного англичанам режима в этом районе земного шара и об «исторической миссии» англичан, которые де волею судеб, сами того не желая, были вынуждены приносить жертвы во имя утверждения такого режима. Ради обоснования выдвинутых положений Уилсон в своей книге неоднократно прибегал к заведомому искажению исторических фактов. Тенденциозность подачи материала проявляется уже в самом построении работы: из 275 ее страниц около 200 отведено истории этого района до XIX в. Автор подробно останавливается на экспансии Португалии и Голландии, не упуская случая представить роль англичан в этот период в выгодном освещении. Например, он пишет, что португальцы были изгнаны с Ормуза горсткой храбрецов англичан, тогда как действительная роль последних в этом деле была если не предательской, то двусмысленной.

Истории же английской экспансии в Персидском заливе в XIX в., превратившей этот район фактически во владение Великобритании, Уилсон отводит всего пятую часть книги, причем подменяет историю повествованием о якобы бескорыстной борьбе англичан сначала с пиратством, затем с работорговлей, пытается изобразить их карательные экспедиции по побережьям и островам как восстановление правопорядка, а навязанные шейхам грабительские обязательства как договоры дружбы.

Касаясь периода конца XIX в., когда Англия установила протекторат над шейхствами Персидского залива, Уилсон нарочито завышает реальную власть шейхов, изображает их независимыми и полновластными, стремясь тем самым завуалировать подчинение Маската, Бахрейна, Кувейта власти Великобритании; при этом он преследует еще одну цель — отрицание каких бы то ни было прав Ирана не только на островные и прибрежные территории Персидского залива, но и на мореплавание в нем.

Таким образом, история этого района Уилсоном искажена. Тем не менее его монография имеет значение для нашей работы не только как яркая иллюстрация фальсификаторских приемов английских авторов, но и потому, что в многочисленных ссылках на источники, которыми Уилсон пользовался при составлении книги, встречаются факты, зачастую изобличающие его.

Книга Уилсона на долгие годы стала для англичан, писавших о Персидском заливе, своего рода справочником и эталоном. Без ссылок на нее, как правило, не обходятся авторы, затрагивающие в той или иной мере вопросы английской политики в странах, прилегающих к бассейну Индийского океана, а таких в последние десятилетия появилось немало.

Обобщение сделанного в этом направлении за сорок лет после Уилсона мы находим в книге Дж. Келли, специально посвященной политике Англии в отношении стран района Персидского залива в течение XIX в. [117]. Хронологические рамки работы позволяют рассматривать ее как продолжение и углубление избранной Уилсоном темы. Последний, однако, писал более с позиции практика, тогда как Келли ставил перед собой сугубо исследовательские задачи. В течение многих лет он основательно изучал материалы английских и индийских архивов, а также широкий круг литературы; свой труд он представил на соискание ученого звания.

Книга Келли покоится на солидном фундаменте; обширные и подробные выписки из архивных документов предоставляют нам подчас единственную возможность познакомиться с ними. И в этом отношении значение работы, проделанной Келли, трудно переоценить. Немаловажны и детали различных операций и событий в зоне Персидского залива в рассматриваемый Келли период, которые мы смогли найти только в его книге. Но и это исследование написано с позиций воинствующего колониализма. Через всю книгу Келли-ученого красной нитью проходит мысль Келли-колонизатора, считающего, что население района Персидского залива не способно самостоятельно решать свою судьбу. Достаточно прочесть недоуменно-негодующие строки Келли о нежелании шахского правительства уступить англичанам острова Кешм или Харк, которые англичане-де сделали бы процветающими (см. с. 67), как на память приходит «Инструкция по

открытию морей» 1580 года, и мы убеждаемся, что за четыре столетия между царствованием королей Елизаветы I и Елизаветы II строй мышления англичан консервативного толка в вопросах британского колониализма изменился поразительно мало. Здесь Келли проявляет странную беспомощность, пытаясь, например, объяснить упомянутую позицию шахского правительства отнюдь не естественной заботой о суверенитете своей страны, а приводящими обстоятельством. При безусловной ценности базиса, на котором покоится книга Келли, оценка и трактовка им событий зачастую оказываются для нас совершенно неприемлемыми.

Довольно обширной книгой о Персидском заливе является труд многолетнего британского резидента в Омане С. Майлса «Страны и племена Персидского залива». Как следует из названия, это двухтомное сочинение носит скорее описательный, чем исследовательский характер. Книга вышла в свет после смерти С. Майлса, не имеет ссылок на источники, хотя носит компилятивный характер. Поскольку она содержит ряд фактических данных о шейхствах Персидского залива, книга Майлса представляет немалый интерес, что подтверждается, в частности, ее переизданием уже в наши дни [127]⁴.

Вопросы европейского проникновения в этот район затрагиваются в ряде английских книг, касающихся политики Англии на Востоке, и в общих работах по истории Ирана. Из числа последних заслуживает внимания двухтомная «История Персии» Дж. Малькольма [123]. Автор ее, уже упоминавшийся в связи с посмертной публикацией его биографии Дж. Кэем,— непосредственный организатор и руководитель агрессивных действий Великобритании в Персидском заливе в первом десятилетии XIX в.— выработал план захвата главных опорных баз побережья и подчинения прилегающих к Заливу стран. Этот план сделался основой британской политики в районе Залива в первой четверти XIX в. Говоря о попытках англичан утвердиться на Персидском заливе в начале XVII в., Малькольм изложил действительный ход событий, представив участие англичан в деле изгнания португальцев из Ормуза как великодушную помощь Ирану, тогда как действительной целью этой акции был захват позиций конкурентов. Смысл подобной трактовки совершенно очевиден — обосновать претензии Англии на господство в регионе и оправдать ее военный нажим на прилежащие к Заливу страны.

Хотя для истории изучения вопроса английской экспансии в Персидском заливе книга Малькольма дает не так уж много, общие положения концепции этого выразителя британской колониальной политики явились исходными для многих других английских авторов, которые на все лады перепевали теорию о мнимой угрозе Индии, чтобы оправдать колониальные захваты Великобритании в этом районе земного шара. Согласно этой

концепции, изображающей английскую агрессивную политику как «оборонительную», экспансия Англии на огромной территории — от Пенджаба до Египта и от мыса Доброй Надежды до Кавказа — вызывалась якобы лишь необходимостью предупредить проникновение в эти страны других европейских государств, которые-де могли угрожать оттуда английскому господству в Индии.

Из числа наиболее видных представителей такой теории во второй половине XIX в. были Р. Уотсон и Г. Маркхэм [145, 124]. Первый, по его собственному утверждению, просто продолжил «Историю Персии» Дж. Малькольма; при этом он точно таким же образом умолчал о явных актах английской агрессии в зоне Персидского залива в первой четверти XIX в. Уотсон и Маркхэм представили вторжение английских войск в Персидский залив в тридцатых годах прошлого века как малозначительный эпизод. Оба они изображали и это вторжение и англо-иранскую войну 1856—1857 гг. как действия, направленные в интересах обороны Индии. Оба пытались оправдать карательные экспедиции английского флота в Заливе против свободолюбивых местных племен борьбой с пиратством, работорговлей и т. п. Маркхэм заявлял даже, будто концессия Рейтера в Иране имела цель избавить страну от голода и «русских интриг» [124, с. 524].

Те же перемены мотивов защиты Англии на Персидском заливе от русских, французов, пиратов, работорговцев и т. п. повторял и ярый империалист Г. Роулинсон, который «украсил» свой труд злобными выпадами в адрес России, чем логически завершил ход рассуждений своих предшественников [136]. В этом аспекте к нему тесно примыкал и известный своими руссофобскими позициями английский политический деятель лорд Керзон, дослужившийся на поприще колонизаторской деятельности до поста вице-короля Индии. В книге «Персия и персидский вопрос» он лицемерно утверждал, что персы, арабы, турки якобы желали установления английского протектората над Персидским заливом, что будто бы «британское имя в водах Залива — синоним порядка и свободы» [103, т. I, с. 11].

Концепция «оборонительной политики» Англии на Персидском заливе остается господствующей у английских авторов и в XX в., в том числе даже у исследователей прогрессивного направления, разоблачающих захватническую политику Англии в районе Персидского залива в XX в. [33, с. 56].

Перечисленные книги не исчерпывают, конечно, английскую литературу, в той или иной мере касающуюся европейского проникновения в район Персидского залива. Названные авторы лишь наиболее четко отражают основные направления; прочие, например Чирол, Черчилл, Сайкс и многие другие, более или менее повторяют то же самое, не прибавляя нового. Причем делают это некритически, а другие — в целях фальсификации.

Среди последних особенно выделяется Лоу — командующий английской эскадрой в Персидском заливе в 40-х годах XIX в., который под предлогом борьбы с пиратством и работорговлей пытался оправдать лично им возглавлявшиеся варварские бомбардировки прибрежных поселений [122].

Фактическое отсутствие военно-морского флота у Ирана, хозйиничанье европейских держав в Персидском заливе, эксплуатация месторождений нефти в районе Залива, образование на южном его берегу молодых арабских государств — эти и многие другие проблемы не могли не привлечь внимание иранских авторов. Но еще в 30—40-е годы нашего века книга о Персидском заливе, принадлежащая перу иранца, была редкостью. К 60—70-м годам такие книги исчисляются уже десятками. При этом правильное понимание политики европейских держав в районе залива приходит к их авторам не вдруг; нередко они оказываются в плену концепций, принадлежащих англичанам.

Иранский адмирал Баяндур, одним из первых опубликовавший работу по истории Персидского залива (1938 г.), помимо не критического повторения тенденциозных измышлений англичан об угрозе Индии пытается обосновать своего рода теорию «автоматического» установления английского господства. Сообщая о фактах вопиющих беззаконий Англии в отношении местного населения, Баяндур неправильно истолковывает их. Не отрицая стремления Англии к захватам в районе Персидского залива, он тем не менее считает, что «ввиду слабости иранского правительства Англия волей-неволей (выделено нами.— Н. Т.) установила свою власть на Заливе» [23]. Таким образом, Баяндур вместо разоблачения сущности английской агрессии выдвигает на первый план слабость Ирана, вместо показа пружин захватнической политики маскирует ее и изображает, быть может помимо своей воли, колонизаторскую экспансию как установление некоего правопорядка. Эта вредная теория в основе своей повторяет распространенную англичанами фальсификацию об их бескорыстной борьбе с пиратством и работорговлей и об установлении протектората Великобритании как блага для местного населения.

Довольно типична книга Муктадира «Ключи Персидского залива», увидевшая свет в 1954 г. [57]. На 160 страницах автор смог лишь бегло осветить двухтысячелетнюю историю этого района. При этом Муктадир пользовался книгой Уилсона, что отразилось на высказанных им в книге исторических воззрениях.

Несколько книг о современном положении Персидского залива написал Исмаил Нурзаде Бушехри⁵. В одной из них, «Побережье и острова Персидского залива», он касается происшедших там исторических событий, в частности упоминает о борьбе населения Залива с португальцами, сообщает подробности взятия Ормуза иранскими войсками в 1622 г. Особенно

любопытен пересказ Бушехри неизвестного нам сочинения шейха Мухаммеда ан-Набахани ат-Таи «Тухфат ан-набаханийе», посвященного, видимо, истории Бахрейна. К сожалению, Бушехри не раскрывает содержание этого весьма интересного источника. Кроме того, он тоже часто сбивается на повторение английских концепций.

Пожалуй, наибольшего внимания из трудов современных иранских авторов, использованных в работе, заслуживает книга Маншура Гургани «Английская политика на Персидском заливе и Бахрейнских островах» [38]. Правда, она посвящена не истории английской экспансии на Персидском заливе в целом, а в основном захвату Англией Бахрейнских островов. В предисловии автор прямо указывает, что Англия захватила эти острова в XIX в., воспользовавшись двумя обстоятельствами — отсутствием у Ирана флота и слабостью его правительства — и «удерживает их донныне» (т. е. до 1928 г.) по причине бездеятельности Лиги наций. Задачей автора было разоблачение агрессивной роли Великобритании в регионе.

Хотя с методологической точки зрения работа Гургани не отвечает высоким научным требованиям (хронологические ошибки, непоследовательность изложения, отсутствие объяснений причин английской экспансии), тем не менее книга его является обвинительным актом против злодеяний, совершенных английскими колонизаторами на Персидском заливе. Гургани правильно указывает, что целью англичан при заключении договоров с местными шейхами (фактически навязанных последним) было стремление утвердить свою власть в зоне Залива. Автор не ставил конкретной задачи сформулировать основные причины и принципы английской экспансии на Заливе в отдельные периоды, увязать ее с экспансией в Иране и т. д., но он правильно показал политику Великобритании в отношении Бахрейнского архипелага как политику насилия, интриг, шантажа и захватов. С этой точки зрения работа М. Гургани заслуживает высокой оценки. Недаром в своем предисловии он обращался к патриотам Ирана, ко всему народу с призывом помочь ему в сборе сведений по истории аннексии Бахрейнских островов.

Заслугой другого иранского автора, А. Фаруги, является очерк 1200-летней истории Бахрейнского архипелага (книга была издана на английском языке в Нью-Йорке в 1951 г.). Как и М. Гургани, А. Фаруги настроен патриотически. Он справедливо пишет, что обещание португальцев помочь Ирану флотом в борьбе с Турцией на море оказалось на деле пустым звуком, упоминает о частых восстаниях местного населения против колониального режима Португалии и о решающей роли иранской армии при овладении Ормузом. В книге приводятся интересные сведения о вмешательстве европейцев во взаимоотношения Ирана с Оманом и единственное в своем роде наблюдение о поме-

хах, которые они чинили делу создания иранского флота в середине XVIII в. Уместное напоминание Фаруги о знаменитых европейских пиратах подводит читателя к мысли о лицемерии утверждений англичан по поводу их борьбы с пиратством и работорговлей в районе Залива, которая на словах велась во имя установления порядка, а на самом деле ради барышей от торговли и создания военного плацдарма. Совершенно справедливо замечание Фаруги, что договоры, заключенные в начале XIX в. с шейхами зоны Персидского залива, превращали британский флот в полицейскую силу на Заливе и позволили Англии «от роли партнера постепенно перейти к роли арбитра» [106, с. 77].

Приблизительно в таком же плане построил свою работу и Мустафа Худжаста (книга издана в Ширазе в 1959 г. на персидском языке). Ограничив себя хронологически рамками двух веков, он имел возможность подробно остановиться на оманобахрейнских отношениях, на попытках Ирана утвердить свою власть на Заливе в XVIII—начале XIX в. и вмешательстве в это дело английских чиновников всех рангов. Как и Бушехри, Мустафа Худжаста пользовался сочинением «Тухфат ан-набаханийей», хотя конкретных ссылок на него в книге не содержится.

Для настоящей работы наиболее существенным в книге М. Худжаста являются приведенные в ней конкретные примеры разжигания англичанами смут на Заливе, отмеченное в ней намерение маскатского имама избавиться от английской опеки в 1838 г., а также то обстоятельство, что автор понял действительные цели англичан при заключении очередного договора с бахрейнским шейхом (1846/47 г.), по которому шейх обязывался «воздерживаться от работорговли» [86, с. 44]⁶.

В ином аспекте построены книги некоторых иранских ученых-юристов, посвятивших свои труды рассмотрению статуса Бахрейнского архипелага.

Доктор права Исмаили, писавший на французском языке, ставил своей целью доказать права Ирана на Бахрейн после так называемого «Бахрейнского инцидента». Выпущенная в свет в 1936 г. его книга может рассматриваться как ответ Уилсону и другим английским фальсификаторам. Буржуазная ограниченность автора и рассмотрение им английской агрессии в Персидском заливе преимущественно с юридической точки зрения, к сожалению, мешают Исмаили политически правильно осмыслить описываемые события. Но, рассматривая приемы британской дипломатии и военщины, пущенные в ход в связи с попытками англичан захватить Бахрейнские острова и в XIX и в XX вв., Исмаили правильно отмечает, что они использовали любые уловки (в том числе «пиратство» и «работорговлю») для оправдания собственных захватов в районе Залива. Исмаили подчеркивает, что за фразами англичан о «независимом Бах-

рейнском государстве скрывалось их стремление овладеть этим архипелагом» [105, с. 160—161].

Примечательна работа иранского ученого новой формации Феридуна Адамийата, который тоже подходит к проблеме Бахрейнских островов с правовой точки зрения. Мы, однако, оставляем в стороне этот аспект книги, как выходящий за рамки нашей работы, и остановимся на исторических взглядах, высказанных автором. В отличие от многих соотечественников, писавших на основании европейских исследований, Ф. Адамийат обратился к первоисточникам — изучению английских и иранских официальных бумаг, хранящихся в государственных архивах обоих государств. Это позволило ему глубже вникнуть в вопросы европейского вмешательства в дела Персидского залива. Хотя Адамийат тоже пишет, что нападение пиратов Персидского залива на английские корабли якобы «вынудило британцев к действию», путая тем самым предлог и причину отдельных английских акций и политики в целом, во многих других узловых вопросах он идет значительно дальше соотечественников в деле разоблачения британской политики в Персидском заливе как захватнической. Так, он называет появление английского флота в Персидском заливе интервенцией, а пребывание его в водах Залива в 1819 г. — оккупацией; он обоснованно пишет о вмешательстве британских чиновников во внутренние дела шейхств и о системе подкупов, применяемой ими для подчинения шейхов; столь же трезво он подходит и к оценке договоров между англичанами и шейхами. Ф. Адамийат сумел понять, что оформление шейхств «как отдельных политических единиц» в 20-е годы XIX в. прикрывало фактическое установление над ними британского протектората в соответствии с исконной политикой «разделяй и властвуй» [91, с. 121].

Отмеченные моменты выделяют труд Ф. Адамийата среди других книг иранских авторов о Персидском заливе.

В связи с протестами иранского правительства против векового хозяйничанья англичан на Бахрейнском архипелаге в 1957 г. вышли новые книги, посвященные статусу, истории и экономике этих островов. Так, доктор Гулям-Риза Тадджабаш издал на французском языке в Париже книгу, касающуюся правовой стороны этого вопроса. Правда, для целей настоящей работы эта книга не содержит новых данных, ибо в историческом обзоре автор следует трудам предшественников, отводя этому обзору, по-видимому, второстепенную роль (название одной из глав — «хронологический этюд» — косвенно подтверждает это мнение). Среди общих выводов автора существенным представляется утверждение, что независимость шейху Бахрейна была «навязана вооруженной рукой» [140, с. 242].

Военный инженер Джехангир Каиммаками для написания книги на аналогичную тему привлек документы министерств иностранных дел Ирана и Франции, благодаря чему высказал

свежий взгляд на проблему Бахрейна. Отмечая, что до него недостаточно подробно были освещены события на Персидском заливе в XIX в., он решил посвятить свою работу периоду 1805—1895 гг. Достоинство книги Дж. Каиммаками — в выявленных характерных приемов, посредством которых англичане смогли за полстолетия сделаться вершителями судеб народов Персидского залива: учреждение консульств и торговых факторий, шумиха вокруг пиратства и работорговли, требование надзора за судоходством, присвоение полицейских функций английским флотом, провоцирование конфликтов между шейхами и важнейшее, с точки зрения автора, — разделение побережья Залива между «независимыми» шейхствами, «находящимися под непосредственным покровительством» английского правительства [46].

Как видим, среди специальных работ об островах Персидского залива особое внимание иранских авторов выпало на долю Бахрейнского архипелага, хотя имеются обзорные работы и справочные издания, посвященные и другим островам, например Харку [39]. Есть немало книг о портах Персидского залива, где рассматриваются самые различные вопросы — от археологических находок до рыболовства. Для нас же наибольший интерес представляют издания, построенные в историческом плане.

Например, крупный чиновник, занимавшийся вопросами истории, географии и экономики Персидского залива, Мухаммед Али Садид ас-Салтане Кабаби (1874—1947) собирал о г. Бендер-Аббасе, где он последние годы жил, все сведения, которые ему удавалось извлечь из сочинений восточных и европейских авторов⁷; эти материалы были изданы в 1963 г. в двух томах Ахмедом Иктидари. К сожалению, материал в издании не систематизирован ни по территориальному признаку, ни хронологически, ни тематически, что мешает по достоинству оценить столь обширный свод сведений, осложняет доступ к этому большому и важному труду. Круг источников, использованных собирателем в аспекте избранной нами темы, не выходит за пределы известных.

В связи с неослабевающим интересом к проблемам Персидского залива растет и число различных книг о нем для юношества, справочников, описаний путешествий последних лет, планов реконструкции портов и т. п. В 1963 г. иранские ученые, причастные к обсуждению проблем Персидского залива, собрались на семинар, в результате чего был опубликован двухтомный сборник статей о Персидском заливе. Он содержит 24 статьи, главным образом по географии, истории и экономике этого района.

Обзорная статья доктора Али Акбара Бинаи посвящена 2500-летней истории Персидского залива, но основное внимание автор уделил экспансии европейских морских держав в этом районе. Он основывается на воззрениях, ведущих свое проис-

хождение из английских источников, но высказывает совершенно верное положение о том, что шейхи Персидского залива зачастую были исполнителями британской политики [84, т. I с. 223].

В статье «Несколько слов о дипломатической истории Персидского залива» доктора Азизи встречаются интересные факты и новые для нас имена, почерпнутые, видимо, из источников нам недоступных. Основной недостаток статьи — некритическое отношение автора к концепциям, оправдывающим английскую колониальную политику. Автор более объективен в оценке колониальной экспансии голландцев и португальцев, проходя мимо бьющего в глаза факта, что основные приемы этих колонизаторов — подавление выступлений местного населения, грабежи, требование «талонов на право торговли», полицейские функции флота — были унаследованы «умеренными и мягкими по его мнению, англичанами [84, т. II, с. 19—20].

К сожалению, в целом результаты семинара не дают оснований для оптимистического суждения о том, что в деле изучения вопросов английского колониализма иранские ученые в последние годы сделали заметный шаг вперед.

В Иране публиковались и общие работы, в которых в той или иной степени затрагивается проблема европейской экспансии в зоне Персидского залива. Касаясь, например, англо-иранских отношений, некоторые авторы сообщают факты об английской агрессии на Заливе и разоблачают тем самым несостоятельность утверждений о мирном проникновении в этот район. Правда, такие авторы не всегда четко формулируют свои справедливые положения.

Наиболее полно из общих работ иранских авторов является «История дипломатических отношений Ирана и Англии XIX веке» Махмуда Махмуда [49]. Последний недостаточно критически использовал в своем труде английские источники и литературу. Следуя за концепциями англичан и ограничиваясь рассмотрением фальсифицированного материала «Синих книг» М. Махмуд упускает важные факты, характеризующие захватническую сущность британской политики в Иране. Вопрек своему стремлению обличить эту политику как колонизаторскую М. Махмуд нередко оказывается в плену английской пропаганды. Так, говоря об английской политике в Иране в начале XIX в., М. Махмуд следует пресловутой английской версии «обороны Индии»; продиктованной интересами обороны он считает также и миссию Малькольма в 1800 г., при этом автор не упоминает о вторжении в Персидский залив в 1808 г. английских войск под командованием того же Малькольма. Это серьезное упущение автор истории англо-иранских отношений сделал, очевидно, потому, что английские источники, которым он пользовался, либо замалчивают этот акт агрессии, либо называют его «дипломатической миссией». Правда, М. Махму

пишет, что уже в начале XIX в. англичане стремились закабалить Иран, превратить его в свою колонию, как это было сделано с Индией. Однако это справедливое утверждение, не подкрепленное убедительным фактическим материалом, повисает в воздухе.

Англо-иранские отношения в связи с «гератским вопросом» даны М. Махмудом в виде последовательного пересказа многих документов из «Синих книг», к которому он добавляет недостаточно критические комментарии. Часты случаи, когда автор следует за «Историей афганской войны» Дж. Кэя. Вслед за англичанами М. Махмуд повторяет, что оккупация о-ва Харк английскими войсками в 1839—1842 гг. была будто бы вызвана походом иранского шаха на Герат и потому носила оборонительный характер. В то же время М. Махмуд, освещая подготовку англичанами англо-иранской войны, совершенно справедливо определяет действия британских агентов в Герате и Маскате как подстрекательские.

В целом, несмотря на ряд недостатков, труд М. Махмуда является серьезной попыткой иранского ученого осветить один из самых острых для Ирана вопросов — английскую колониальную экспансию. М. Махмуд отметил ряд моментов, когда она проявилась особенно наглядно — в 1814, 1856—1857 гг. Большой интерес представляет точка зрения М. Махмуда на английскую экспансию в XIX в. как на стремление превратить Иран в английскую колонию. Таким образом, М. Махмуд правильно понял цели английской политики в Иране.

Книга К. Байани «Сношения Ирана с Западной Европой в эпоху Сефевидов» написана по-французски и издана в 1937 г. в Париже [94]. Работа разбита на две неравные по объему части. Первая, содержащая всего 50 страниц, посвящена событиям царствования сефевидских правителей; здесь же приведена точка зрения автора на положение Ирана и Европы в XVII в. Буржуазный ученый Байани объективистски излагает историю европейской экспансии, в социальных же вопросах скатывается на позиции идеализма, преувеличивает роль личности в истории.

Вторая часть содержит собственно историю сношений Ирана со странами Европы. В ней содержатся обильные фактические данные, почерпнутые из многочисленных источников. Байани сообщает краткие, но ценные сведения о различных путешественниках, посетивших Иран в эпоху Сефевидов, например об англичанах, побывавших в этой стране в конце XVI в. Более подробно, чем в других исследованиях, освещена деятельность голландцев в Иране в XVII в. Автор совершенно справедливо считает, что иранские войска были решающей силой в деле овладения главной португальской базой в Персидском заливе — Ормузом — в 1622 г. Особенно ценными представляются сведения о конфликте между Ираном и Голландией в 1645 г.,

когда голландцы захватили о-в Кешм, оказав тем самым давление на Иран и принудив его к заключению выгодного для них торгового договора.

В обширном библиографическом перечне, приложенном Байани к его работе, более 150 наименований. Наиболее существенно то, что в его распоряжении были некоторые недоступные нам источники — документы лондонских и парижских архивов, а также рукописи на персидском и турецком языках; в числе последних упомянута, например, рукопись Кадри «Джанг-наме-йи Кешм». Байани ознакомился также с широким кругом научной литературы на восточных и европейских языках, опубликованной в годы, предшествовавшие изданию его книги.

Труд Байани, содержащий ценные фактические данные по истории внешних сношений Ирана в XVI—XVII вв., представляет значительный интерес для данной работы в разделах, касающихся ранних этапов европейской экспансии в районе Персидского залива.

Работа Насролла Фалсафи, написанная по-персидски, уже по одному названию — «История взаимоотношений Ирана с Европой в эпоху Сефевидов» — перекликается с книгой Байани [81]. Так же как и у Байани, для нас наибольший интерес представляет та часть ее, где автор перечисляет многочисленные посольства, появлявшиеся при дворе Сефевидов, и описание взятия Ормуза в 1622 г. Ценность работы Фалсафи значительно умаляют частые выписки из монографии Уилсона о Персидском заливе, причем автор не всегда указывает на факт цитирования.

Заслуживает внимания и двухтомная книга Наджефкули Муэзи, несмотря на то, что автор в части, касающейся внешних сношений, подробно останавливается лишь на именах лиц, выезжавших из Ирана в Европу и из Европы в Иран без объяснения причин той или иной поездки [59]. Наряду с изложением общеизвестных событий Муэзи сообщает и интересные факты, например о нападении багдадского паши на Мохаммеру в 1837 г., о восстаниях в Хорасане на протяжении первой половины XIX в. и т. д. К сожалению, он не останавливается на происках англичан в Иране. Причина политической близорукости автора кроется не только в его буржуазной ограниченности, но и в том, что Муэзи в своем труде опирался на книги английских авторов.

Книга упоминавшегося Ф. Адамийата посвящена анализу деятельности иранского премьер-министра середины XIX в. Амира Низама [18]⁶. Хотя Ф. Адамийат мало касается английской экспансии в Иране, а о событиях, имевших место в районе Персидского залива в середине века, пишет и того меньше, но в вопросах трактовки политики Англии в Иране и разоблачения происков британского колониализма в этом районе он стоит намного выше соотечественников, занимавшихся специально ис-

торней англо-иранских отношений. Еще в 1949 г. Ф. Адамийат справедливо писал, что англичане стремились любым путем добиться господства в Персидском заливе. «Для этого они постепенно, шаг за шагом, двигались вперед и каждый раз требовали одну уступку за другой». Ф. Адамийат правильно наметил те ступени, по которым англичане шли к такому господству: сначала так называемая борьба с пиратством, а затем с работорговлей, военные действия под этими предложениями не только на море, но и на побережье и в конце концов установление непосредственного контроля над всем Персидским заливом при отсутствии у Ирана флота [18, т. I, с. 406].

Говоря о книгах Баяндура, Муктадира, Бушехри, Махмуда, Фалсафи и некоторых других, мы старались показать, что иранские авторы, некритически следовавшие за проповедниками английской пропаганды, чаще всего оказывались на поводу английского империализма. Куда ведет такая близорукость, видно на примере Махди Муджтахеди. В его книге «Иран и Англия» 10 глав, не считая введения, заключения и приложения. Периоду, хронологически совпадающему с рамками настоящей работы, отводятся лишь начальные главы. По поводу англо-иранских отношений Муджтахеди недвусмысленно писал: «Нам нужно всемерно постараться, чтобы привлечь милость нашего сильного соседа. Если они (англичане.— *Н. Т.*) делают в нашу сторону один шаг, то нам следует пройти им навстречу сто шагов» [56, с. 6]. Констатируя факт, что Англия еще не превратила Иран в свою колонию, подобно Индии и многим другим, Муджтахеди впадает в неумеренный восторг по поводу такого «миролюбия» англичан и предлагает Ирану добровольно пойти под «покровительство» последних.

Муджтахеди повторяет досужие домыслы английских политиканов о «русской опасности» Ирану, о стремлении России к Персидскому заливу еще в начале XIX в. Известно, что таким маневром англичане пытались отвлечь внимание не только Ирана, но и мировой общественности от собственных происков в этом регионе. В своем рвении обелить кровавые деяния английских колонизаторов Муджтахеди явно противопоставляет себя большинству других иранских авторов. Говоря о событиях начала XIX в., он затушевывает вопрос об английских экспедициях в Персидском заливе в 1809 и 1818—1820 гг., даже не упоминает об оккупации англичанами о-ва Харк в 1838—1842 гг. и излагает всю ситуацию таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о правомерности действий Англии. Даже нападение английских войск на Иран в 1856 г. представлено Муджтахеди как законная акция со стороны Англии. Таким образом, в своей книге Муджтахеди проявляет себя ярким апологетом колониальной политики англичан.

Названными книгами не исчерпывается литература иранцев, посвященная Персидскому заливу; рассмотрение всего написан-

ного в стране на эту тему невозможно в рамках одной вводной главы. Однако основные исследовательские направления, избранные иранскими учеными, можно на примере перечисленных книг проследить достаточно четко. Надо надеяться, что дальнейшая работа в Иране над первоисточниками и усвоение критического взгляда на проблемы британского колониализма принесут в ближайшем будущем свои плоды.

В связи с ростом национального самосознания народов, населяющих страны южного и юго-западного побережья Персидского залива, свою лепту в дело изучения проблем региона стали вносить и уроженцы этих стран. В первую очередь это относится к ученым Кувейта и Ирака. Работы кувейтцев носят пока обзорный характер, в большинстве своем они сосредоточены на политико-экономических вопросах середины нашего века⁹. Иракцы же уделяют внимание и XVIII столетию — времени англо-голландского соперничества в водах Залива. Особым интересом к проблемам региона объясняется организация при Басрийском университете в феврале 1974 г. специального Центра по изучению проблем Персидского залива. В задачи Центра входит среди прочего исследование истории цивилизаций в этом районе, самобытной культуры его народов (литературы, фольклора, музыки). Центр постоянно собирает материалы о Заливе, издает журнал, библиографические справочники специального профиля, публикует статьи (в том числе в переводах с европейских языков на арабский), проводит конференции.

В ряды изучающих проблемы Персидского залива вступил в последние десятилетия и индийские ученые, рассматривающие эти проблемы в тесной связи с британской колониальной политикой в Индии. Первые шаги индийцев на этом пути, однако, еще недостаточно твердые; обычно они следуют по пути проторенному английскими авторами. Вводная глава в книге Р. Кумара «Индия и Персидский залив», в основном сосредоточенной на второй половине XIX в., позволяет представить себе позицию автора в целом как примиренческую. Народам района Персидского залива он отводит пассивную роль, зато вникает в нужды и амбиции португальских и особенно английских завоевателей. Так, специальную поездку португальского вице-короля Индии в Персидский залив он объясняет тем, что преобладающее в Заливе совершенно необходимо для морской державы, владеющей Индией [120].

Проанглийски, главным образом на основании книг Малкольма, Кэя, Роулинсона, Сайкса и других теоретиков и практиков британского колониализма, излагает Р. Кумар этапы проникновения англичан во все сферы жизни района Персидского залива. Однако в его работе нет-нет да и проскользнет ироническое замечание по поводу того или иного английского деятеля или сам собой напрашивающийся вывод, которого англи

ские авторы предпочитают не делать. В отличие от последних Р. Кумар воздает должное миссии мирзы Мехди Али-хана в Тегеран в последние годы XVIII в., отмечает чванливость и надменность Малькольма, превышение им своих полномочий. Р. Кумар понимает нежелание Фатх Али-шаха уступить англичанам остров в Персидском заливе, поскольку персы, как пишет он, имели перед глазами пример Индии. (Ср. выше соображения Келли по этому вопросу.) Появление английского флота в водах Персидского залива в 1809 и 1819—1820 гг. в книге Р. Кумара названо военными экспедициями, конечной целью которых было «положить конец власти» арабских племен на Оманском берегу [120, с. 17]. Генеральный договор 1820 г., заключенный британским резидентом с шейхами Залива, Р. Кумар расценивает как важнейшую историческую веху, в результате которой в руках англичан была сосредоточена вся полнота власти на Персидском заливе.

Литература на русском языке по истории зоны Персидского залива немногочисленна. Лишь на рубеже XIX—XX вв. русские исследователи стали затрагивать тему европейской экспансии в этом районе, причем не в специальных работах, а преимущественно в книгах мемуарно-публицистического характера, посвященных Ирану в целом. К их числу принадлежат книги И. Ильенко, Мисль Рустема, И. Стрельбицкого и др. [43, 53, 74]. Отдельные замечания, касающиеся данной темы, встречаются в экономико-статистических очерках Ирана М. А. Томары, П. А. Риттиха, Д. Кафтырева [77, 66, 47].

Специально истории района Персидского залива посвящена работа С. Сыромятникова «Очерки Персидского залива», представляющая собой введение к задуманной автором большой монографии, которая, к сожалению, так и не вышла в свет. Несмотря на краткость очерков, толковое изложение в них ранних этапов европейской экспансии в Персидском заливе показывает, что автор правильно намечал освещение отдельных вопросов, связанных с колониальной экспансией в этом районе [75].

Темы нашего исследования в общих чертах или некоторых частностях касались и советские востоковеды, чьи труды по конкретным историческим проблемам так или иначе затрагивали район Персидского залива. К ним относятся, например, П. П. Бушев, изучивший хронологически небольшой, но чрезвычайно острый исторический период англо-иранской войны 1856—1857 гг.; Г. Ахмеджанов, рассматривавший так называемый «гератский вопрос» в его развитии; М. А. Игамбердыев, занимавшийся международными отношениями Ирана в начале XIX в. [34, 20, 42 и др.].

Резонанс, который получают в мире события последних десятилетий на Персидском заливе, нашел определенный отклик и в советской политико-экономической и справочной литерату-

ре. В 1950—1970 гг. вышел в свет ряд работ о Бахрейне, Кувейте и княжествах Персидского залива, основной задачей которых является ознакомление читателя с современным положением в зоне Персидского залива; исторический обзор в них сделан схематически [28, 29, 30, 31, 50, 90]. При отсутствии специальных советских исторических исследований о европейской политике на Заливе в XVI—середине XIX в. общие работы, касаясь этого периода, содержат неизбежные в таких случаях упрощения и неточности.

Экспансия европейских государств в районе Персидского залива в XVI—XVIII вв.

Персидский и Оманский заливы, разделяющиеся сильно выступающим п-вом Эль-Джибаль, представляют собой обширное узкое внутреннее море бассейна Индийского океана, вытянутое с северо-запада на юго-восток. Собственный Персидский залив расположен между 24 и 30° северной широты и 48 и 56,5° восточной долготы¹. Длина Залива по оси Ормузский пролив—Шатт-эль-Араб—1100 км; наибольшая ширина в восточной его части, отделяющейся от западной п-вом Катар,—примерно 400 км, в западной—180 км. Ширина входа в Залив—Ормузского пролива—85 км.

Залив находится на материковой отмели. Его глубина уменьшается с востока на северо-запад. В Ормузском проливе она составляет 70—80 м, тогда как у устья Шатт-эль-Араба едва достигает 10 м [54, т. I, № 41—42]. Дно залива в северо-западном углу глинистое, отстойное; у южных берегов—каменистое, частично песчаное. В некоторых местах на дне у северного побережья имеются каменные, а у южного—коралловые рифы. Коралловые и известковые отмели встречаются у Бахрейнских островов.

В Персидском заливе больше 50 островов. Самые крупные из них—Кешм и Манама (Бахрейн), входящий в Бахрейнский архипелаг. Острова в большинстве песчаные и каменистые. Часто это скалы, выступающие над поверхностью воды в 50—90 км от берега. У южного побережья много мелких плоских островков и отмелей².

Северный берег залива обрывист и представляет собой параллельные гряды крутых горных цепей, через которые стекают немногочисленные сравнительно небольшие несудоходные реки. Полоса земли между горами и Заливом (так называемый гармир) лишена летом осадков и относится к наиболее жарким местам земного шара³. Северо-западный угол имеет низкие берега из осадочных пород, образовавшихся из наносов Шатт-эль-Араба. Южное побережье—песчаная пустыня, изредка прерываемая оазисами.

Климат Персидского залива один из самых труднопереносимых на земле. Здесь чрезвычайно жаркие и в то же время

влажные летние периоды со средней температурой 35—40°⁺. Жара сопровождается пылью при малейшем ветре⁵. Зимой температура воздуха опускается ниже нуля. По мере похолодания увеличивается влажность воздуха. Среднегодовая температура в северной части Залива +24, а в южной +27°. Осадков в общей сложности выпадает мало. Колебания ежегодного выпадения осадков от 127 до 737 мм [23, с. 6].

Население побережья и островов Залива — в основном персы и арабы; здесь живут также турки, индийцы, белуджи, евреи и др.

В XVI—XIX вв. крупнейшие порты Персидского залива находились в северо-западном его углу и на северном берегу. В связи с нефтеразработками в середине XX в. на Аравийском полуострове выросли новые города и на южном побережье Залива. Демографический взрыв последних десятилетий докатился и до района Персидского залива, где население заметно увеличилось [112].

Персидский залив издавна был известен добычей и поставками на мировой рынок жемчуга. Жемчужные отмели у Бахрейнского архипелага в средние века способствовали богатству и процветанию всего района. Хотя добыча жемчуга не требовала сложных орудий, промысел этот чрезвычайно труден и опасен; в Персидском заливе им занимались лишь взрослые мужчины. Жемчуг вплоть до конца XIX в. был одной из важнейших статей экспорта стран Персидского залива.

Воды залива богаты рыбой: насчитывается более сорока видов промысловых рыб. Рыбная ловля испокон веков была основным занятием и средством существования жителей многих прибрежных селений. На рынок поступала преимущественно сушеная рыба.

Третьим важным продуктом экспорта Персидского залива были финики. Некоторые сорта дешесных фиников и сейчас считаются лучшими в мире. Наиболее богатыми урожаями славятся прибрежные районы побережья и оазисы.

С давних пор на рынок Залива из внутренних районов поступали некоторые виды зерновых и фруктов, особенно цитрусовых. Выращивали здесь и особые породы лошадей, мулов, ослов. Ремесленники поставляли прекрасные шелковые ткани, ковры, некоторые виды холодного оружия.

Как видно из приведенного перечня основных товаров этого региона в средние века, число их невелико. Тем не менее торговый оборот в те времена в Персидском заливе был очень большим. Это объяснялось тем, что на рынках залива — в Басре, Кише, Ормузе, Маскате — продавались не только иранские и арабские товары, но и продукты производства Европы, Африки и Дальнего Востока: из Европы поступало стекло, свинец, медь, железо и всевозможные изделия из него, шерстяные и хлопчатобумажные ткани; из Африки, Индии и Китая — шелка

благонония и пряности, слоновая кость, черное дерево, орехи, хлопок, драгоценные камни и т. д.

Процветание района Персидского залива уже на заре мореплавания было следствием его удобного географического положения. Суда, шедшие из Индии, достигали путем каботажного плавания Оманского залива. Далее они проникали по заливу на 2500 километров в глубь Азиатского материка. От устья Шатт-эль-Араба товары везли по Евфрату, судоходному до северной границы Месопотамии. Единственным сухопутным участком на пути из Индии в Европу были 200 километров, отделяющие в этом месте Евфрат от Сирийского побережья Средиземного моря. Караванный путь сокращался еще более, если товары перевозили по р. Оронт, впадающей в Средиземное море.

Трудно определить, когда было положено начало международной торговле по Персидскому заливу. Уже в древности индийские товары попадали по нему в Средиземное море. На этом пути возникли Ниневия, Вавилон, Ктесифон, позже Антиохия на Оронте, затем Пальмира. Во времена арабского халифата их славу переняли Басра, Багдад, Диярбакыр, Халеб (Алеппо). Международная торговля по Персидскому заливу не прекращалась и тогда, когда Европа погрузилась в мрачное средневековье. В XIII—XVI вв. размах торговли в Персидском заливе достиг кульминационной точки.

На протяжении долгих веков, предшествовавших появлению европейцев в его водах, на пустынном и безводном южном побережье Залива находились владения разрозненных арабских шейхов, которым лишь изредка, и то на короткое время, удавалось объединиться под властью сильнейшего из них. Турки, владевшие землями в районе Басры — Багдада, имели выход в Персидский залив по Шатт-эль-Арабу.

Единственным крупным государственным образованием, с давних пор имевшим широкий выход к Заливу, был Иран. Острова и прибрежная полоса на севере Персидского залива входили в состав феодальных государств, создававшихся на территории Ирана. В иранском государстве периода монгольского владычества (XIII—XIV вв.), в империи Тимура и Тимуридов накануне появления европейцев в водах Залива (XV в.) северный берег с прилежащими островами представлял административную единицу, выплачивавшую центральной власти часть доходов от торговли и обязанную поставлять вооруженные отряды в случае войны.

В отдельные периоды иранским правителям удавалось распространить свою власть до островов южного побережья, например до Бахрейнского архипелага. Зато во времена междоусобиц и ослабления центральной власти шейхи Персидского залива стремились отложиться от Ирана.

Естественно, что в этих условиях пути каботажного плава-

ния тяготели к северному побережью. В средние века все основные торговые центры находились на севере Залива. Это были последовательно Сираф, Киш, Ормуз⁶. Сираф сохранял свое значение до середины IX в., когда был разрушен землетрясением⁷. В X—XIII вв. торговый центр переместился на о-в Киш. К концу этого периода началось соперничество Киша с Ормузом, завершившееся победой последнего. В XIV—XV вв. Ормуз был не только средоточием торговли на Персидском заливе, но и рынком, на который сходились, по довольно распространенному выражению, «купцы семи климатов». О богатстве Ормуза было известно и венецианцу Марко Поло (XIII в.) [63, с. 211, 65, 184, 194], и тверскому купцу Афанасию Никитину (XV в.) [62, с. 55, 63—64]. Португальцам принадлежит крылатое изречение: «если бы мир был золотым перстнем, то Ормуз был бы его алмазом».

Первоначально город Ормуз стоял на северном берегу Ормузского пролива, близ нынешнего Бендер-Аббаса. В начале XV в. жители его по неизвестной причине переселились на близлежащий остров, который в то время именовался Джеруном. Название города перешло в дальнейшем и на остров⁸. И в XIII и в XX вв. путешественники, побывавшие на Ормузе, отмечали, что на земле мало столь неподходящих для человеческого жилья мест: небольшой, около 20 км в окружности, остров скалист, не имеет ни пресной воды, ни растительности. Нестерпимая жара стоит здесь большую часть года [95, с. 4]. Роль же главного торгового рынка Персидского залива Ормуз был обязан удобному положению при входе в Залив и своей неприступности, благодаря которой он представлял надежное убежище для торговцев.

Значение Ормуза в торговле Индии и Китая с Европой до статочно видно из того, что все попытки европейцев захватить в свои руки посредническую торговлю района Персидского залива связаны именно с ним. Еще в 1306 г. генуэзцы намеревались строить на Ормузе корабли [75, с. 13]. Ормуз был главной целью экспедиции португальского конкистадора Афонсу д'Албукерки в начале XVI в. На Ормуз были устремлены взоры агентов лондонских компаний, пытавшихся с конца XVI в. перенести торговлю португальцев в Персидском заливе.

Накануне появления здесь европейцев торговля через Малую Азию, Персидский и Оманский заливы была сосредоточена в руках местного купечества — персов, турок и арабов⁹, отправлявших суда в Маскат, Индию, Африку. С посреднической торговли они получали огромные доходы.

В XV в. Западная Европа вступила в эпоху первоначального накопления капитала. К этому времени возникла, по выражению Ф. Энгельса, «в некотором роде мировая торговля» [с. 407]. При этом, однако, прежние торговые пути в одних местах оказались прерванными, а в других не могли удовлетво-

рить возросшие потребности. Караванные пути через Среднюю Азию и Монголию были заброшены в результате распада империи Тимуридов. Торговля по Красному морю находилась под контролем Египта, в Персидском заливе, как уже отмечалось, — в руках местных купцов. Торговые связи через Малую Азию и Сирию после падения Константинополя оказались захваченными турками. Из европейских стран только Венеция сохранила при посредничестве турецких купцов долю участия в торговле с Востоком. Нарушение связей с Востоком толкало европейское купечество на поиски новых путей туда — в обход прежних.

Первой державой, начавшей искать эти пути, была Португалия, которая сыграла значительную роль на ранних этапах процесса первоначального накопления капитала, связанных с великими географическими открытиями. Расположенная в стороне от средиземноморской торговли Португалия более других государств Европы была заинтересована в открытии морского пути на Восток вокруг Африки. Жажда обогащения господствующих классов увеличивалась по мере роста торговли и проникновения денежных отношений в хозяйственную жизнь страны. Уже в самом начале XV в. португальцы снаряжали экспедиции к берегам Африки. Португалия оказалась и первой европейской державой, приступившей к колониальным захватам. Ее колониальная экспансия началась в 1415 г. с захвата Сеуты. Португальские купцы грабили побережье Африки, вывозя золото и слоновую кость, а с 1442 г. начали работоторговлю. В конце XV в. на путь колониальных захватов вступила и Испания, также заинтересованная в поисках новых путей на Восток.

Португальцы и испанцы соперничали друг с другом, открывая новые земли и захватывая важные опорные пункты во всех частях света¹⁰. В 1486 г. португалец Бартоломеу Диаш достиг мыса Доброй Надежды, а в 1497—1498 гг. его соотечественник адмирал Васко да Гама первым из европейцев обогнул Африку. В начале XVI в. португальцы, воспользовавшись открытием Васко да Гамы, захватили в свои руки важнейшие торговые связи Аравийского моря.

Новый морской путь из Европы в страны Востока значительно подорвал торговлю Египта, Турции, Венеции; удешевление стоимости транспортировки грузов до 60% нанесло удар и торговле местных купцов в Персидском заливе [127, т. I, с. 140]. В то же время торговые связи Ирана с Европой, ослабевшие после падения Константинополя, с начала XVI в. оживились, приняли более систематический характер.

Для Ирана первые годы XVI в. ознаменовались вступлением в новую полосу исторического развития. После продолжительного периода междоусобиц и феодальной раздробленности коренные области были объединены в одно государство ардебильскими шейхами, основавшими династию Сефевидов. Первый шах этой династии, Исмаил (1502—1524), долгое время

был занят борьбой за централизацию и упрочение своей власти. Наиболее опасным внешним врагом его была Турция, воины с которой поглощали основные силы нового государства, давая возможности уделить должное внимание положению, ставшему на юге.

Район Персидского залива на рубеже XV—XVI вв. представлял собой крупное феодальное объединение, включавшее земли аравийского побережья от п-ва Катар и островов Бахрейнского архипелага до мыса Рас-эль-Хадд, а на севере — побережье Лурестана и ряд островов, среди которых важнейшие Кешм и Ормуз. Административно-хозяйственным центром этого объединения оставался Ормуз. Под властью ормузского правителя находились шейхи — правители отдельных областей как персидского, так и аравийского побережий Залива. Но хотя он и собирал дань с подвластных ему территорий, сам правитель, в свою очередь, считался вассалом иранских шахов, выплачивая ему дань.

Первые португальские путешественники и купцы проникли в Персидский залив еще до открытия Васко да Гама. Так, в 1487 г. сюда прибыло посольство Ковильхао, которое возвращалось из Индии на родину через Ормуз; в 1503 г. Ормуз посетил Вартема, оставивший его описание. Тогда же там побывал упомянутый выше Афонсу д'Албукерки, появление которого положило начало мрачной эпохе португальского владычества в Персидском и Оманском заливах¹¹. После этого посещения д'Албукерки составил план «завоеваний, аннексий, торговли и морского господства», осуществление которого считал возможным ввиду политической раздробленности и слабости народов, населяющих этот район [127, т. I, с. 140].

Идея д'Албукерки о создании здесь колониальной империи сулившей несметные доходы, была одобрена правящими кругами Португалии, и в 1506 г. конкистадор отправился с эскадрой из Лиссабона в Индийский океан, намереваясь претворить ее в жизнь. У мыса Рас-эль-Хадд в середине восточной оконечности Аравийского п-ва он сжег 30—40 рыболовных судов, пришедших сюда из Ормуза, Калата и других прибрежных городов и двигался далее в направлении с юго-востока на северо-запад. Правителя Калата — тогда главного города Оманского побережья — д'Албукерки принудил отказаться от уплаты дани Ормузу и признать зависимость от Португалии. Затем был нанесен удар по г. Куриату, жители которого ожесточенно сопротивлялись. Пользуясь несомненным превосходством своей артиллерии, португальцы сожгли город и суда, стоявшие в гавани. С целью запугать местное население, захватчики проявили особую жестокость, убивая без разбора безоружных жителей, отрезая пленным уши и носы [93, т. I, с. 61—62, 71].

Та же участь постигла и Маскат, хотя его жители пытались задобрить португальцев и предупредить кровавую расправу

выслав к д'Албукерки депутацию [93, т. I, с. 82]. Конкистадор потребовал безоговорочной сдачи Маската, не удовлетворившись готовностью выплачивать ежегодную дань. Сознательно затягивая переговоры, он приказал тайно обследовать укрепление города и подготовиться к атаке. Бомбардировка Маската артиллерией, расчистившая путь нападавшим, решила исход сражения. Население отчаянно сопротивлялось; среди убитых было много женщин и детей. Португальские мародеры перетаскивали награбленное на свои корабли [127, т. I, с. 147]. Население г. Сохара при приближении португальской эскадры разбежалось, а его правитель тоже обязался выплачивать Португалии дань, которую он ранее платил Ормузу. Город Хор-Факкан был разграблен и сожжен, а его жители взяты в плен, многие изувечены [93, т. I, с. 98].

Характерно, что в то время, когда простое население сопротивлялось захватчикам, представители господствующих классов подчас шли на сделку с завоевателями ради сохранения своего положения и имущества. Так, среди дымившихся развалин Маската нетронутым остался стоять лишь дом правителя, нашедшего с д'Албукерки общий язык; такой же ценой сохранил свое положение и губернатор Сохара.

В октябре 1507 г. португальский флот подошел к Ормузу. Занятый на западных границах своего государства, шах Исмаил не имел сил для борьбы на два фронта. В помощь ормузскому правителю он направил всего 500 солдат, что, конечно, не могло спасти Ормуз от захвата [93, т. I, с. 246]. На город была наложена тяжелая контрибуция — 1,5 тыс. золотых туманов — и ежегодная дань в 4,5 тыс. туманов [81, с. 11]. Захватчики запретили местным судам торговать в водах Персидского и Оманского заливов без разрешения португальских властей. На острове ими было начато строительство крепости для своего гарнизона¹², а в г. Ормузе основана торговая фактория [23, с. 13].

Однако завоевательный поход 1507 г. вдоль берегов Персидского и Оманского заливов оказался лишь первой попыткой португальцев закрепиться в этом районе. Упорное сопротивление местного населения и разногласия среди самих захватчиков принудили их покинуть Ормуз в 1508 г. На обратном пути в Индию им пришлось снова дважды брать Калат, где за время их отсутствия местные правители восстановили свою власть [127, т. I, с. 153]. С уходом португальцев восстали под руководством раиса Хамида и ормузцы. Раис Хамид бросил в тюрьму португальского ставленника Сейф ад-Дина и стал править от имени шаха Исмаила [84, т. II, с. 4].

Как уже отмечено, в этот период Иран вел многолетнюю войну с Турцией. Турецкая армия тех лет была одной из сильнейших — она неоднократно наносила поражения войскам европейских государств. В конце 20-х годов XVI в. турки взяли Бу-

дапешт (1526 г.) и осадили Вену (1529 г.). В борьбе с Турцией Исмаил искал союзников; в свою очередь, европейские монархи перед лицом турецкой угрозы были заинтересованы в союзе с шахом¹³.

Особенный урон иранским войскам наносили турецкие пушки, поэтому шах стремился усовершенствовать свою артиллерию. Зная об этом, д'Албукерки пытался наладить взаимоотношения с правящей верхушкой Ирана. В 1509 г. он, тогда уже вице-король Индии, направил в Иран посла Рун Гомеза¹⁴, а в 1513 г. — Мигуэля Феррейру. Д'Албукерки предлагал Ирану артиллерию, армию и флот португальцев для борьбы с Турцией¹⁵. Из Ирана для переговоров с ним о помощи был направлен в Гоа специальный посланец шаха [93, т. IV, с. 88—89]

Однако подлинной целью вице-короля была отнюдь не реальная помощь Ирану. Он вел политику дальнего прицела, рассчитывая на то, что затруднения в войне с Турцией дадут ему возможность вырвать у шаха территориальные уступки за одну лишь посулу помощи. Поэтому д'Албукерки затягивал переговоры с Исмаилом, выжидая момент для претворения в жизнь своих захватнических планов. Выгодная для д'Албукерки ситуация сложилась в 1514 г., когда перспектива дальнейшей борьбы с султаном вынудила Исмаила заключить с португальцами договор о помощи, в обмен на которую шах соглашался временно уступить им Ормуз [93, т. IV, с. 153—154].

Однако, когда португальская эскадра поспешила захватить город, жители встретили их огнем и успешно отбили натиск нападавших. В следующем году д'Албукерки направил к Ормузу новую экспедицию из 26 кораблей с 2200 солдатами и борту [23, с. 14]. Не имея достаточных сил, ормузский правитель был вынужден после длительных переговоров сдать город и португальцы оккупировали весь остров¹⁶. Комендантом форта был назначен Педру д'Албукерки. Было завершено строительство крепости, начатое еще в 1507 г.¹⁷

Вторично захватив Ормуз, португальцы в последующие годы упрочились и в других стратегически важных пунктах Персидского и Оманского заливов, на северном и южном побережье островов. Крупнейшими из таких пунктов были Сохар, Маска, Калат и Бахрейн, где захватчики возвели крепости и поставили свои гарнизоны. Опираясь на них, а также на военные эскадры периодически появляющиеся в Заливе, колонизаторы могли осуществлять свою власть над всем районом. На захваченных городах была наложена непомерная контрибуция, взыскание которой сопровождалось злоупотреблениями и насилиями. Португальцы подчинили себе и торговлю, принудив местных купцов в обязательном порядке постоянно иметь при себе специальный паспорт, выданные португальским губернатором. В течение столетнего хозяйничанья португальцев в водах Персидского залива их административно-политическим и торговым центром

военной базой оставался Ормуз. Уже через 15—20 лет после завоевания они господствовали во всех сферах хозяйственной жизни Ормуза; воспользовавшись финансовыми затруднениями правителя, вызванными их вмешательством во внутреннюю жизнь города, колонизаторы отобрали у него функции сбора таможенных пошлин [23, с. 15; 84, т. II, с. 6]. Свое владычество в этих краях португальцы закрепляли особыми неравноправными договорами. При этом захватчики вмешивались во взаимоотношения местных правителей, сделав их власть фактически номинальной [197, т. I, с. 156—159]. В подвластных португальцам районах такие правители должны были давать клятву верности королю Португалии и не могли даже переезжать с места на место без разрешения португальского губернатора [147, с. 122—123].

Вымогательства и злоупотребления португальских офицеров, чиновников, агентов, купцов неоднократно приводили к восстаниям, жестоко подаваемым. Так, в 1522 г. одновременно восстали жители Ормуза, Калата, Маската, Курната, Сохара и Бахрейна, во главе с правителем Ормуза, перебив португальские гарнизоны¹⁸. В дальнейшем, однако, повстанцы потеряли инициативу, связь между отдельными районами восстания была нарушена. В их среде не было единства. Так, правитель и господствующая верхушка Маската пошли на сделку с португальцами ради номинальной независимости от Ормуза, предав тем самым интересы народа. Воспользовавшись всем этим, португальцы быстро снарядили эскадру и поочередно подавили все очаги восстания. На Ормузе было восстановлено владычество колонизаторов.

Помимо непосредственных военных акций португальцы укрепляли свое господство и более гибкими методами, в числе которых особенно часто использовались разного рода интриги и подкупы. Так, им удалось приобрести влияние среди шейхов, стремившихся отложиться от Ормуза; до поры до времени они поддерживали союз этих шейхов против правителя Ормуза. Их руками португальцы вновь захватили отложившийся было Сохар. Сами шейхи получили «независимость», т. е. независимость от правителя Ормуза, но оказались в полном подчинении у португальского губернатора [127, т. I, с. 162—163].

Португальское иго вызвало новую волну восстаний в 1526 г. в Калате, Маскате и других местах. Восстания были подавлены флотом захватчиков. Однако их экспедиция против восставшего Бахрейна в 1529 г. была разбита повстанцами.

Смена шахов в Иране не отразилась на положении в районе Персидского залива. Вступивший в 1524 г. на престол шах Тахмасп (1524—1576) в течение своего более чем полувекового царствования не сумел организовать борьбу против португальцев [82, с. 15]. Неоднократные вторжения турок в Иран создавали благоприятную обстановку для хозяйничанья португальцев в

Персидском заливе. Вторая четверть XVI в. была временем и безраздельного владычества в районе Аравийского моря; они продолжали расширять здесь зону своего влияния.

Стремясь к созданию опорных пунктов и в северо-западно углу Персидского залива, португальцы в 1528 г. послали в Ба ру корабли под командованием Товареша Сузы, который пытался вмешаться в борьбу местных правителей, но уже в следующем году был вынужден возвратиться на Ормуз. Тогда португальцы захватили порты Линге на северном берегу и Кувейт западном углу Персидского залива¹⁹.

К середине XVI в. в Персидском заливе возросла активность турок. В 1534 г. Сулейман Великолепный захватил у персов Багдад, а в 1550 г. турки овладели Катаром и Басрой. Это было лишь началом осуществления далеко идущих планов султана, направленных на включение в состав Османской империи всего Аравийского полуострова, и в частности западного и юго-западного побережий Персидского залива.

С этой целью в район Маската была направлена турецкая эскадра во главе с крупнейшим флотоводцем Пири-реисом. Турки захватили Маскат, причем португальский губернатор был взят в плен²⁰. Затем был осажден Ормуз. Португальская эскадра, появившаяся в Заливе, в свою очередь, разрушила Катиф, преследуя турок, попыталась овладеть Басрой. Морское сражение турок с португальцами в 1552 г. не дало решающего успеха ни одной из сторон, но уже в следующем, 1553 г. португальцам удалось захватить врасплох флот противника у Маската и разгромить его.

В 1559 г. турки атаковали Бахрейн. На помощь губернатору иранский шах послал 300 своих солдат, но когда стало ясно, что турок удалось отбить, в борьбу вмешались португальцы дабы успеть пожать плоды победы, добытой чужими руками [140, с. 38].

Характерно, что изнывавшие под гнетом португальских колонизаторов местные жители сочувствовали туркам, поскольку те, во-первых, были одной с ними веры, а во-вторых, как справедливо замечает англичанин Белгрейв, не проявляли такой непомерной жестокости, как европейские пришельцы — португальцы [95, с. 8].

Временное появление турок в Персидском и Оманском заливах все же не поколебало власть португальцев, хотя во второй половине XVI в. они иногда успешно нападали на португальские гарнизоны и даже ненадолго устанавливали свою власть в отдельных местах. Например, в 1581 г. они захватили Маскат [147, с. 126]. Однако к тому времени положение колоний Португалии изменилось в связи с тем, что в 1580 г. она сама была присоединена к Испании. Формально все португальские владения в восточном полушарии стали принадлежать Испании, которая таким образом превратилась в гигантскую колониальную

империю; фактически же португальцы сохранили захваченные территории в своих руках²¹. Тем не менее мощь Португалии в этот период была уже не та, что в начале века. Объединение с Испанией никак не оживило ее производительных сил, поскольку испанская монархия к концу XVI в. сама клонилась к упадку. Внутренняя слабость метрополии обусловила в конечном итоге исход колониальной борьбы Португалии и Испании со странами, вставшими на путь буржуазного развития, — Голландией, Англией и Францией. Но почти до конца XVI в. возможности этих стран были еще недостаточными для решительного удара по все еще могущественным колониальным державам Португалии и Испании.

Будучи не в состоянии открыто соперничать с испанцами и португальцами на занятых ими путях в страны Востока, английские купцы старались обойти конкурентов посредством поисков новых морских путей. «Видя, как удивительно растет богатство испанцев и португальцев благодаря открытию новых стран и изысканию новых торговых рынков, они (английские купцы. — Н. Т.) предположили, что смогут добиться того же самого, и задумали совершенно новое и необыкновенное морское путешествие», — писал Клемент Адамс, имея в виду экспедицию Уиллоуби [110, т. II, с. 250]. Экспедиция ставила целью открытие северо-восточного пути в Китай, но в силу обстоятельств²² привела англичан в глубь России, откуда они проникли и в Иран. Инструкция Себастиана Кэбота, основателя «Компании купцов-предпринимателей», составленная для участников экспедиции, красноречиво свидетельствует, что англичане с завистью смотрели на своих конкурентов и настойчиво стремились к ограблению Индии, Китая и всех стран, в которые им удастся проникнуть. В Англии на экспедицию возлагали большие надежды, полагая, что это предприятие «принесет прибыль не меньшую, чем те доходы, которые дало Португалии завоевание Индии» [110, т. II, с. 204].

Характерна инструкция главы компании Ричарда Хаклюйта, данная в 1580 г. начальнику экспедиции Пэту, под названием «Письменные указания... для открытия северо-восточного пролива, пригодные также для будущих предприятий по открытию земель». В ней говорилось: «Было бы хорошо, если бы мы отыскали какой-нибудь небольшой остров в Скифском море, где мы смогли бы обосноваться, укрепиться и безопасно торговать. Оттуда в будущем мы сможем снабжать языческие народы этих стран нашими товарами, не пресыщая их и не рискуя тем, что все наши товары окажутся в их кишках» [110, т. III, с. 264].

Как видим, англичане вынашивали планы захвата территорий и учреждения там своих торговых и военных баз в разных частях света задолго до того, как стали их практически осуществлять. Не меньшими были аппетиты англичан и в отношении еще не открытых проливов. Хаклюйт предвкусывал басно-

словные барыши от таможенных сборов, которые в случае овладения важным проливом удалось бы получить. Особое внимание было обращено на сбор разведывательных данных о других государствах: о размерах флота, его мощности, величине судов о боееспособности корабельной артиллерии, вооружении населения и т. п. С помощью таких сведений составитель «Указаний» имел в виду облегчить соотечественникам захват территории на море и на суше. С той же целью им были приведены практические советы и рекомендации в ведении дел с местными влиятельными лицами. Так, Хаклюйт считал, что при этом следует прибегать к утонченной лести, угодливости и различным подаркам. В подробном списке товаров, предлагаемых для вывоза из Англии, перечислялось все возможное — от чугуна до ночных колпаков [110, т. III, с. 273]. «Указания» Хаклюйта оказались действительно пригодными для всех «будущих предприятий». Английские колонизаторы применяли их в последующих операциях во всех частях света, в том числе и в Персидском заливе, захватывая острова, проливы и другие стратегически важные территории.

Однако в тот момент английским планам открытия северо-восточного морского пути на Дальний Восток не было суждено осуществиться. Северное побережье Восточной Европы и Азии было к тому времени уже освоено русскими поморами и принадлежало сильному централизованному русскому государству.

Одновременно со снаряжением морских экспедиций англичане не делали попытки проникнуть на Восток по суше. В 1558 г. агент купеческой компании Энтони Дженкинсон попал через Москву в Бухару, откуда намеревался пробраться в Иран. Тогда ему это осуществить не удалось. На следующий год была снаряжена новая экспедиция лондонского купеческого общества, имевшая целью дойти до Ирана (восьмая по счету, начиная с экспедиции Уиллоуби). Эта экспедиция положила начало англо-иранской торговле и серии настойчивых попыток англичан захватить в свои руки торговлю со странами Востока, проходившую по Персидскому заливу.

Стремясь найти и освоить новые торговые пути, английские купцы надеялись подорвать и перехватить торговлю Ирана через Турцию, а затем вытеснить из этого района португальских торговцев. Они ставили своей целью овладение торговыми путями как на севере, так и на юге Ирана, т. е. через Кавказ и через Ормуз, рассчитывая таким путем в короткий срок изменить ход всей торговли с Востоком²³.

С 1561 по 1581 г. английская компания снарядила в Иран шесть экспедиций²⁴. В этот период, исключая 1574—1579 гг. в стране постоянно находились английские торговые представители.

Экспедиция Дженкинсона 1561 г. оказалась неудачной. Поначалу Дженкинсону удалось привлечь к себе вассала Ирана:

ширваншаха Абдаллу. При его содействии Дженкинсон надеялся получить особые привилегии в торговле англичан с Ираном через Россию. Не исключена возможность, что Дженкинсон через влиятельных лиц делал попытки склонить шаха к продолжению войны с Турцией, что «очень содействовало бы успеху дела», — отмечал он в одном из писем [110, т. III, с. 29]. Однако вскоре между Ираном и Турцией был заключен мирный договор. Шах выгнал Дженкинсона с единственной аудиенции, которую тому дал, и даже хотел выдать английского агента турецкому султану. Дженкинсона спасло лишь заступничество ширваншаха Абдаллы. Спустя четыре месяца ему было разрешено покинуть Иран, и Дженкинсон поспешил восвояси; о каких-либо привилегиях не могло быть и речи.

Экспедиция в 1563—1565 г. также не принесла лондонским купцам серьезного успеха. Глава ее — Оллок был убит на пути в Шемаху при неясных обстоятельствах. Тем не менее это не остановило англичан: стремление во что бы то ни стало добраться до Ормуза росло с каждой новой экспедицией, как бы ни были малы ее успехи. Все донесения английских агентов того периода пронизаны мыслью достичь Ормуза: в них подсчитаны расстояния от того или иного города до Ормуза, стоимость провоза товаров оттуда до Лондона и т. д. Английский агент Эдвардс, едва получив грамоту шаха, узаконившую пребывание в Иране его соотечественников, составил план дальнейшей разведки. Он высказывал сожаление, что не имел возможности передать кому-нибудь свои дела, чтобы самому отправиться на Ормуз. Эдвардс писал: «Товары, которыми купцы станут торговать в Персии, по-видимому, дадут большие доходы; с течением времени, возможно, даже большие, чем дает португальская торговля в Восточной Индии... Лежащий в Персидском заливе город и остров Ормуз — самый знаменитый торговый город всей Восточной Индии, куда свозят товары со всей Индии. Эти товары можно перевезти в более короткий срок и с большей безопасностью по суше и рекам через Персию до Каспийского моря, затем через Россию... а оттуда водным путем в Англию» [110, т. III, с. 62, 147].

В 1566 г. англичане добились получения привилегии на торговлю в Иране. Их купцы были освобождены от пошлин, им гарантировалось покровительство местных властей. В 1568 г. английским купцам была дана дополнительная грамота, упорядочившая наем возчиков для транспортировки товаров и, что особенно важно, предоставившая им право на постройку в любом городе домов для собственного пользования, т. е. право на строительство контор-факторий.

Однако положение англичан в Иране в тот период оставалось весьма шатким. Хотя они и получили шахские привилегии, при существовавшей степени самостоятельности отдельных правителей те в сношениях с англичанами часто поступали по свое-

му усмотрению, «считая шахские привилегии, которые им мешают, за соломинку на ветру» [110, т. III, с. 152—154].

Добившись права на организацию факторий, англичане пытались проложить дорогу дальше. Во время экспедиции в 1568—1574 гг. главный агент Бенистер безуспешно старался получить разрешение на провоз товаров в Индию. Спустя некоторое время Плэмтри тайно послал караван с товарами в Китай. Однако на шестой день пути караван был настигнут специальным отрядом шахского наместника, который принудил его повернуть обратно.

Наступивший затем пятилетний перерыв (1574—1579) был вызван, очевидно, возникшим недоверием английского купечества к возможностям наладить торговые отношения с Ираном через Россию. В 1579 г. была организована еще одна экспедиция во главе с Эдвардсом и Бэрроу; первый умер на пути в Иран, второй был ограблен, возвращаясь из Ирана. Неудача в этой экспедиции в Иран побудила англичан окончательно отказаться от сухопутного пути к Ормузу.

Итак, английские планы проникновения в страны Среднего и Дальнего Востока через Россию и Иран оказались неосуществленными, так же как и попытки открыть северо-восточный путь в Китай. Главной причиной неудачи англичан было то обстоятельство, что на пути их колониальной экспансии находилось сильное русское государство. Английский король Яков I (1603—1625) хотел воспользоваться ослаблением центральной государственной власти в «смутное время» и в период польской интервенции (начало XVII в.). При английском дворе был составлен план военного вторжения в Россию, оккупации Архангельска, Холмогор, Усть-Сысольска, Казани, Астрахани, Ярославля, Нижнего Новгорода и других городов и установления в них английского управления. Первым шагом к осуществлению этих планов были миссии в Россию Джона Меррика и Уильяма Рассела. Однако, пока Меррик находился в пути, русский народ изгнал интервентов, центральная власть стабилизировалась в результате чего миссия Меррика провалилась.

Таким образом, подобно тому как несколько столетий назад Русь спасла Европу от нашествия монголов, так в конце XVI—начале XVII в. она явилась непреодолимым барьером на пути английской экспансии в страны Востока по рассматриваемому пути. В то же время попытки проникновения англичан на Восток являются иллюстрацией того, что на рубеже XVI—XVII вв. в арсенале их политики были уже такие методы, к которым они прибегли в XIX в., когда установили свой контроль в районе Персидского залива и диктовали свои условия Ирану.

Серьезным препятствием в организации сухопутного торгового пути через Россию и Иран был для англичан вопрос коммуникаций на столь большой территории, на которой господ

ствовала феодальная раздробленность: на пути опасности подстерегали купеческие караваны почти на каждом шагу, товары неоднократно приходилось перегружать с барж и речных судов на вьючный скот и телеги, в каждом мелком или крупном государстве купцы сталкивались со своими порядками, мерами веса, длины, пошлинами и т. п. Немаловажно и то обстоятельство, что окрепшие английские торговые компании к концу XVI в. не удовлетворялись более крохами прибылей, получаемых в результате использования ими обходных торговых путей, а требовали, по мере роста промышленности, львиной доли доходов от мирового товарооборота, хотя бы ценой смертельной вооруженной борьбы с конкурентами.

Поэтому с 80-х годов XVI столетия англичане устремились к Персидскому заливу с юга — по пути своих соперников португальцев. Если ранее они пытались обойти монополию конкурентов с помощью контрабанды и пиратства, то в 80—90-х годах этого века английские пираты, поощряемые и оснащаемые британским правительством, по существу, вели неофициальную войну Англии против Португалии, сделавшись элементом все возраставшей агрессивной политики лондонских торговых компаний²⁵. В их операциях против португальцев, а также испанцев участвовали и суда британского королевского флота. Целью операций было не только ограбление вражеских торговых судов, но и систематическое уничтожение военных кораблей.

Нараставшая борьба англичан и голландцев с испанцами и португальцами достигла своего кульминационного момента в 1588 г., когда первые вследствие своего тактического и технического превосходства разгромили испанский флот — Великую Армаду. В результате было поколеблено господство Испании и на море и на суше. Для английских компаний открывалась возможность вытеснения своих конкурентов из их колоний уже не посредством проникновения обходными путями, а нанося им удары на главных торгово-стратегических коммуникациях. «Этот... метод ведения войны,— замечает А. Мортон,— использованный также в XVII—XVIII вв., заложил основание Британской империи; он... применялся в ряде войн, основная тяжесть которых была переложена Англией на плечи ее континентальных союзников» [55, с. 171].

Изменение соотношения сил в Европе отразилось и на положении португальцев в Персидском заливе. В этом районе к концу XVI — началу XVII в. сложились благоприятные условия для борьбы с португальским господством.

После смерти шаха Тахмаспа в Иране в течение одиннадцати лет продолжались феодальные смуты; ими воспользовались внешние враги Ирана. Особенно опасным было наступление войск турецкого султана Мурада, которые в 1578 г. захватили северо-западные районы Ирана. В этих сложных условиях в 1587 г. одна из феодальных группировок объявила шахом мо-

лодого наместника Хорасана Аббаса. Не имея сил для борьбы на несколько фронтов, шах Аббас решил разгромить врагов поодиночке. В 1590 г. он заключил мир с турками, уступив им Закавказье и значительную часть Азербайджана, и полученные перерыв использовал для борьбы с узбекскими кочевыми племенами (иранские войска разбили их в 1597 г.), а также для проведения необходимых стране реформ. Эти реформы были направлены в первую очередь на укрепление центральной власти.

Положение же трудящихся масс при шахе Аббасе, которого льстивая придворная историография называла «великим», не было облегчено. Вся тяжесть налогов ложилась на плечи крестьянства и ремесленников. В стране неоднократно вспыхивали восстания, которые Аббас беспощадно подавлял. Однако укрепление центральной власти, бывшей, по выражению Энгельса, «представительницей порядка в беспорядке» [7, с. 411], некоторое ограничение власти беглербеков, управлявших отдельными областями государства, и реорганизация армии были объективно прогрессивными мероприятиями.

Упрочившись на восточных границах государства, Аббас сосредоточил силы против давнего врага на западе — Турции. Реорганизация армии и усиление артиллерии помогли ему одержать верх в войне 1602—1612 гг., закончившейся Стамбульским миром, по которому Иран вернул захваченные турками районы. Турции был нанесен ощутимый удар, однако правящие круги Ирана не имели уверенности, что смогут удержать отвоеванные земли, поэтому и после Стамбульского мира Иран был заинтересован в союзниках на случай новой ирано-турецкой войны. Дипломатическая деятельность Ирана в Европе была направлена к одной цели — заключению антитурецкого союза и получению помощи для борьбы с Турцией. Именно эту цель преследовали посольства шаха к английскому, голландскому, испанскому и другим дворам Европы ²⁶.

Укрепление Ирана способствовало повышению заинтересованности европейских стран в политических и торговых сношениях с ним. Так, к шаху отправил посольство португальский король ²⁷. Испытав удары от голландцев и англичан, чувствуя ослабление своего бывшего могущества, португальцы всеми силами пытались помешать появлению в Персидском заливе соперников и в то же время старались заручиться поддержкой в столице Ирана ²⁸. Особенно часто посещали двор шаха Аббаса I посольства из Испании, в зависимость от которой попала Португалия (1580—1640) ²⁹.

В свою очередь, Англия, Голландия и Франция были заинтересованы в прямой торговле с Ираном, минуя посредничество турецких и португальских купцов. На рубеже XVI—XVII вв. с образованием в названных странах ост-индских компаний новые колонизаторы стали открыто выступать против торговли

монополии Португалии в Персидском заливе и также направляли в Иран свои посольства.

Воспользовавшись передышкой в войне с Турцией, шах Аббас стал готовить силы для борьбы с португальцами. До этого основная торговля Ирана с Европой шла через Турцию (Тебриз — Трабзон — Багдад — Халеб), и в числе причин долголетних войн Ирана с Турцией проблема обладания торговыми путями занимала не последнее место. Торговые же связи Ирана через Персидский залив находились под контролем португальцев, принуждавших персов покупать португальские товары по назначенным ими ценам, перевозить их на португальских судах [103, т. II, с. 418]. Свободная торговля по Персидскому заливу в начале XVII в. была одной из важнейших экономических проблем региона.

Собираясь подорвать гегемонию Португалии в Персидском заливе, шах направил губернатору Фарса Аллаверди-хану приказ собирать войска³⁰. За неимением собственного флота он предполагал воспользоваться кораблями англичан и голландцев, находившимися в Заливе, рассчитывая при этом сыграть на соперничестве между Голландией и Англией. Именно в этой связи следует рассматривать пребывание в тот период при шахском дворе англичанина Стила и голландца Висниха³¹. В октябре 1615 г. шах выдал агентам английской Ост-Индской компании Стилу и Глоузеру фирман на право учреждения фактории в Джаске³². В том же году первая партия английских товаров, главным образом шерсти, была доставлена туда Эдуардом Конноком³³. Три года спустя шах предоставил англичанам в лице Томаса Беккера монополию на торговлю шелком [84, т. II, с. 97], а продажа шелка испанцам и португальцам была прекращена [23, с. 17]. При переговорах с англичанами помощь флотом Ирану в деле изгнания португальцев была оговорена особо³⁴. В 1619 г. были основаны английские торговые фактории в Джаске, Бендер-Аббасе, Ширазе и Исфахане. Тогда же шах подтвердил прежние льготы англичанам³⁵.

Почти одновременно шах предоставил торговые привилегии и голландцам, а в 1623 г., несмотря на яростное сопротивление англичан, подписал договор о свободном плавании голландских кораблей в Персидском заливе. Противопоставляя англичанам голландцев, шах хотел ограничить влияние первых на торговлю Ирана. Кроме того, после событий 1622 г., как будет показано далее, шах не мог более полагаться на верность англичан заключенным договорам и предполагал на случай их возможного вероломства опереться на голландцев³⁶. Помимо прочего, такая позиция шаха должна была побудить англичан к более активным действиям против португальцев из опасения, что голландцы, воспользовавшись моментом, смогут получить в обмен на свою помощь льготы, в которых англичанам было отказано. И последнее, но едва ли не самое существенное для Ирана обстоя-

тельство: в борьбе с Турцией шах надеялся найти в лице голландцев сильных европейских союзников. В этой связи тогда же им был послан в Голландию купец Муса-бек³⁷.

Столетнее хозяйничанье португальцев в районе Персидского залива породило всеобщую ненависть к ним местного населения. И на северном, и на южном побережьях, и на островах местные племена с оружием в руках неоднократно выступали против захватчиков. Даже в более спокойные периоды жители отказывались продавать им товары. Особенно враждебно было настроено население в портах Нехилу и Бендер-Риг [147, с. 141]. Во время очередного восстания на Бахрейне в 1602 г. местный правитель Рукн ад-дин Масуд обратился за помощью к губернатору Фарса Аллаверди-хану, и тот прислал отряд под командованием Муин ад-дина Фали [140, с. 38]. Португальский гарнизон был опрокинут совместными силами восставших и присланного отряда, порт захвачен, а оставшиеся в живых португальцы вынуждены были спасаться бегством³⁸.

В 1607 г. тот же Аллаверди-хан захватил колодцы близ Бендер-Аббаса, откуда на безводный Ормуз доставляли воду и где португальцы построили укрепления. На сей раз португальцы откупилась, и Аллаверди-хан отошел, удержав за собой некоторые важные позиции близ Бендер-Аббаса. Восемь лет спустя Аллаверди-хан изгнал португальцев из города и цитадели Бендер-Аббаса и тем самым очистил персидский берег залива на этом участке от захватчиков [83, л. 142]. В 1616 г. войска шаха освободили от португальцев Сохар, а в 1619 г.— Рас-эль-Хайму³⁹.

Одновременно чувствительные удары португальцам наносили их конкуренты. В 1601 г. голландцы разбили их флот у Маската. Дважды — в 1612 и 1615 гг.— португальский флот терпел поражения в районе Сурата [94, с. 236, 78]. В июне 1629 г. в Персидский залив прибыла большая португальская эскадра под командованием Руи Ферейра д'Анрада. Целью этих военных сил было, по словам Белгрейва, «подавить активность английских корсаров» [95, с. 10] и дать подкрепление гарнизону Ормуза. В сражении с английским флотом у Джаска 28 декабря 1620 г. португальцы и на этот раз потерпели жестокое поражение. Руи Ферейра укрылся на Ормузе, а португальские корабли делали рейды вдоль северного побережья Залива, грабя города, сжигая деревни, убивая мирных жителей, с тем чтобы террором запугать население. Однако результаты этих жестокостей были прямо противоположными.

Успешная борьба коренного населения с португальцами на обоих берегах Залива и поражения их флота подготовили почву для изгнания Португалии из ее основной цитадели в Персидском заливе — с о-ва Ормуз. С конца 1620 г. Ормуз был фактически блокирован: иранское побережье против острова находилось в руках Аллаверди-хана, а форт, который после потери

Бендер-Аббаса спешно выстроили португальцы на Кешме (откуда Ормуз получал теперь пресную воду и продовольствие), был осажден персидскими войсками под командованием Имам-кули, несмотря на то что испано-португальское правительство требовало снять осаду, угрожая войной. В начале февраля 1622 г. Имам-кули обратился к капитанам английских кораблей, пришедших в Бендер-Аббас с просьбой поддержать осаду с моря, чтобы нейтрализовать действия португальской эскадры, стоявшей между Кешмом и Ормузом [84, т. II, с. 96]. Вопреки тому, что английская помощь была обусловлена договором о предоставлении англичанам монополии на торговлю шелком, они потребовали дополнительно следующих уступок: после изгнания португальцев с Ормуза передать им крепость со всеми укреплениями, артиллерией, военным снаряжением, припасами, складами и т. п.; оплатить половину всех военных расходов; предоставить им половину таможенных сборов Бендер-Аббаса и освободить их от уплаты таковых; дать разрешение на постоянное присутствие двух английских военных кораблей в Персидском заливе ⁴⁰.

Принятие этих требований означало фактическую замену одних колонизаторов другими. Имам-кули в ответ прибег к угрозам, заявив, что в случае отказа поддержать военные действия персов англичане будут лишены всех полученных ими привилегий, а шелк, закупленный ими в Исфахане, — конфискован [23, с. 18]. 11 февраля крепость на Кешме была взята иранскими войсками штурмом. В крепости разместился иранский гарнизон, при котором находились четыре английских наблюдателя. Показательны для определения доли участия англичан в этих военных действиях их потери — три человека [147, с. 146]. Руи Ферейра и другие взятые в плен португальцы были отправлены в центр британских владений в Индии — Сурат в качестве заложников [135, т. V, с. 253].

Неделю спустя персидские войска высадились на Ормузе и захватили город. Португальский гарнизон заперся в цитадели. Осада продолжалась два месяца. Против Ормуза стояли на рейде английские и голландские корабли в качестве символической поддержки осаждавших. В середине апреля персы взорвали часть стены крепости, и португальцы, не ожидая штурма, 21 апреля поспешили начать через голову осаждавших переговоры с англичанами о сдаче. 23 апреля португальский гарнизон капитулировал.

Принимая весьма скромное участие в овладении Ормузом, англичане были куда более активны в разграблении крепости, присвоив себе, кроме того, роль посредников, а в последовавших затем переговорах с иранским правительством требовали различных привилегий в качестве компенсации за потери. Потери их и в самом деле были весьма большими — до трех четвертей личного состава. Однако лишь 20 англичан погибли во

время боевых действий, остальные же — от жары, чрезмерного употребления персидской водки (арака) и болезней⁴¹.

Как было отмечено, в случае отказа англичан поддержать осаду персидских войск Имам-кули угрожал конфисковать их товары и ликвидировать привилегии. Таким образом, англичане, сами заинтересованные в изгнании конкурентов с Ормуза, приняли участие в военных действиях, так сказать, «из-под палки», но в такой мере и с таким расчетом, чтобы в дальнейшем иметь возможность оправдаться перед Испанией, с которой Англия официально находилась в мирных отношениях, и требовать вознаграждения от Ирана. Оправдаться перед испанским правительством было тем более легко, что фактически англичане сыграли лишь роль посредников. Что же касается иранского правительства, то шах подтвердил фирман 1617 г. данный Конноку; англичанам была предоставлена монополия на торговлю шелком, их товары освобождались от уплаты таможенных сборов в Исфахане. В дальнейшем шах разрешил им взять в Бендер-Аббасе два любых дома под факторию, а не вести строительство самим, с тем чтобы помешать англичанам превратить такую постройку в крепость.

Голландцы, в свою очередь, также требовали привилегий, и в 1623 г. с ними был заключен торговый договор⁴².

Впоследствии под влиянием англичан в исторической литературе честь взятия Ормуза и изгнания португальцев из Персидского залива была приписана «горстке храбрецов», англичан⁴³; участие же иранских войск и роль местного населения в борьбе с португальцами сводились к нулю. Не говоря уже о вздорности утверждения, что «горстка храбрецов» могла изгнать трехтысячный гарнизон, следует отметить, что, во-первых, в английских документах, современных этому событию, подробно говорится о том, что персы были основной силой в деле овладения крепостью⁴⁴, во-вторых, непосредственное участие англичан свелось к предоставлению иранцам пороха для подрыва крепостной стены и поджогу одного португальского корабля в момент, когда исход осады был предрешен (г. Ормуз находился в руках иранских солдат, гарнизон, осажденный в цитадели в течение более двух недель, терпел большой урон в живой силе из-за голода, жары, отсутствия питьевой воды и болезней)⁴⁵; в-третьих, участие англичан во взятии Ормуза, как это стало ясно позднее, с первого до последнего момента носило двусмысленный характер.

Падение Ормуза имело большой резонанс в Европе, и особенно при мадридском дворе; оно предвещало крушение колониальной системы португальцев в Персидском заливе и заметно подорвало их господство в водах Оманского залива. В последующие десятилетия XVII в. ввиду общего ослабления Португалии англичане не столько продолжали борьбу с ними в зоне Залива, сколько старались помешать Ирану отвоевать все за-

хваченные теми земли; уже на этом этапе англичане пытались занять место теряющих свои позиции португальцев. Когда персы предложили англичанам принять участие в освобождении Маската, те отвергли предложение «красивыми» словами и сверх того предъявили невыполнимое условие — передачу им Ормуза [99, т. III, № 372]. В свете двусмысленных действий англичан представляется вероятным, что отнюдь не случайным был побег захваченного в плен Руи Ферейры. Собрав на Ормузе разрозненные португальские отряды, Руи Ферейра возглавил сопротивление наступавшим войскам Ирана. Его действия были настолько успешными, что ему удалось снова захватить Сохар и Хор-Факкан, разрушить иранские селения на берегу Оманского залива, между Джаском и Бендер-Аббасом, помешать внешним сношениям Ормуза.

После первых побед иранского оружия над португальцами испанский король Филипп III отправил в Исфahan посольство Гарсии да Сильва Фигуэроа в надежде упрочить сильно пошатнувшийся престиж Португалии, однако Аббас не уделил посольству должного внимания. Провалилась и попытка португальцев в 1631 г. отвоевать Ормуз [84, т. II, с. 96—100]. В 1640 г. они потеряли Басру, захваченную турками [125, с. 7].

Надеясь закрепиться на оставшихся позициях, португальцы построили в 7 км к северо-западу от Линге форт и основали там торговую факторию, сохранив право на освобождение своих товаров от таможенных сборов. В эти годы они делали также ставку на эксплуатацию жемчужных отмелей Бахрейна. В 30—40-х годах XVII в. шахи Ирана Сефи I и Аббас II продолжали поддерживать отношения с португальцами, играя на противоречиях между ними, с одной стороны, и голландцами и англичанами — с другой. Все еще сильный португальский флот они хотели использовать против быстро возраставшего влияния англичан и особенно голландцев [84, т. II, с. 100], хотя этот флот больше занимался грабительскими рейдами вдоль персидского и арабского побережья обоих заливов, разоряя жителей и усугубляя всеобщую ненависть населения к португальцам [95, с. 13].

Вынужденные в конце концов покинуть Линге, португальцы пытались сделать центром своих владений Маскат. Комендантом крепости был назначен все тот же Руи Ферейра⁴⁶. В Маскат был привезен племянник бывшего ормузского правителя, которого португальцы надеялись использовать в качестве марионетки, принудив жителей арабского побережья признать его своим имамом. Однако португальцам не удалось поднять Маскат до торгового уровня, который имел прежде Ормуз, так как англичане и голландцы были заинтересованы в торговле через Бендер-Аббас, куда и переместился главный торговый центр района Персидского залива. Кроме того, местные купцы, помнившие притеснения, чинимые португальцами, избегали областей,

где еще сохранилось португальское господство [127, т. I, с. 209, 191—192].

40-е годы XVII в. были временем окончательного изгнания португальцев из района Персидского залива⁴⁷. В 1643 г. оманцы овладели Сохаром. Собрав к 1648 г. значительные силы, правитель Омана осадил Маскат и принудил португальцев капитулировать [147, с. 155]. По условиям капитуляции португальцы обязались выплатить большую контрибуцию и разрушить укрепления в важных опорных пунктах побережья — Суре и Куриате. Арабские суда получили право беспошлинной торговли. Португальский гарнизон продолжал оставаться в Маскате около года. В 1649 г. оманцы снова осадили маскатскую крепость. В январе 1650 г. португальский гарнизон капитулировал и покинул Маскат.

Крушение португальского господства в районе Персидского залива было обусловлено несколькими причинами: во-первых, кризисом в самой метрополии, наметившимся еще со второй половины XVI в., а следовательно, и ослаблением в войнах с конкурентами; во-вторых, тем, что население побережья и островов Персидского и Оманского заливов поднялось на борьбу с захватчиками и наравне с иранскими войсками стало решающей силой в деле изгнания конкистадоров из региона [81, с. 14]; в-третьих, страны, ставшие на путь буржуазного развития и колониальной экспансии,— Голландия, Англия и Франция — также внесли сюда свою лепту. Участие Голландии и Англии в изгнании португальцев, особенно до взятия Ормуза иранскими войсками, было опосредованным и в общем незначительным. Что же касается Франции, то ее посольство впервые появилось при шахском дворе только в 1628 г.: узнав о падении Ормуза, Франция предложила Ирану политический и торговый союз против испано-португальцев [94, с. 88]. Военных действий против португальцев в Персидском заливе французы не вели. Хотя в борьбе с Португалией и Испанией Голландия, Англия и Франция были объединены общим стремлением уничтожить португальско-испанское колониальное и торговое господство во всех частях света, между ними существовали серьезные противоречия. Каждая из этих стран, встав, в свою очередь, на пути колониальной экспансии, стремилась захватить как можно больше, заняв место, оставленное прежними колонизаторами, оттеснив соперников. К моменту изгнания португальцев из Персидского и Оманского заливов, т. е. к середине XVII в., перевес в борьбе между тремя «союзниками» оказался на стороне Голландии. Франция была сильнее Голландии на суше, но значительно отставала в торговле. Англия также уступала Голландии как по размерам колониальных владений, так и по товарообороту и количеству кораблей, занятых в торговле. Голландия являлась образцовой капиталистической страной XVII столетия, колониальная система которой получила значительное раз-

внтне, и, несмотря на то что англичане проникли в Персидский залив значительно раньше голландцев, успехи, достигнутые Голландией в XVII в. в мировой торговле, отразились и на ситуации в Персидском и Оманском заливах.

Борьба между голландцами и англичанами была связана здесь со стремлением каждой из сторон овладеть правом таможенных сборов в Бендер-Аббасе. Англичане, выторговавшие себе право на половину таможенных сборов, получили затем от иранцев отказ. В 1626 г. шах не разрешил англичанам построить крепость на Ормузе. В 1627 г. голландцы получили право на торговлю иранскими шелками на условиях более выгодных, чем англичане.

Появление французского посольства в Иране не оказало влияния на соотношение сил в Персидском заливе. Основными соперниками здесь по-прежнему выступали голландцы и англичане, причем последние постепенно отступали под нажимом конкурентов. По смерти шаха Аббаса I привилегии англичанам были сокращены, тогда как голландцы получили дополнительные льготы [94, с. 127].

В конце 30-х годов голландцы достигли решительного превосходства. Голландские товары преобладали на рынке Бендер-Аббаса. В 1641 г. в борьбе за монополию экспортной торговли Ирана они стали иногда продавать европейские товары ниже себестоимости [147, с. 163]. В ответ шах отобрал у голландцев право сбора таможенных пошлин в Бендер-Аббасе.

Тогда голландцы, достигшие к середине XVII в. преобладания в Персидском заливе, прибегли к вооруженным угрозам Ирану. Глава голландской торговой фактории в Исфахане Карел Констант организовал в 1645 г. нападение на о-в Кешм, блокировав иранские пути торговли шелком. Однако удержаться на острове голландцы не смогли из-за губительных климатических условий, послуживших причиной многочисленных смертей среди них. Положение голландцев усугублялось присутствием в заливе английских кораблей. В то же время эта демонстрация силы побудила шаха, не располагавшего флотом, способным противостоять голландцам, пойти на уступки последним [84, т. II, с. 101] и подписать новый договор, по которому Голландия получила право на беспошлинную торговлю шелком в любом месте Ирана по установленным ею ценам⁴⁸.

Под давлением конкурентов англичане были вынуждены значительно сократить число своих торговых операций в Исфахане, а в 1645 г. перенести основную базу своей торговли из Бендер-Аббаса в Басру. В 1649 г. восемь голландских кораблей обстреляли английскую факторию в Басре, причинив ей большие разрушения. В том же году эскадра из одиннадцати голландских кораблей беспрепятственно прошла в Бендер-Аббас, доставив туда такое количество товара, что английская торговля практически была подавлена⁴⁹.

К середине XVII в. Голландия достигла высшей точки своего могущества. Во второй половине века Англия стала постепенно набирать темпы промышленного развития, становясь все более опасным соперником Голландии. Между этими странами началась ожесточенная борьба, в том числе и в районе Персидского залива. В первой англо-голландской войне (1652—1654) англичане дважды терпели здесь поражения: у мыса Джаск (в 1653 г.), где было потоплено три их корабля, и у Бендер-Аббаса (в 1654 г.), где они потеряли два корабля [84, т. II, с. 101].

Однако, несмотря на эти успехи, участь Голландии в борьбе с Англией была решена тем же фактором, который обеспечил ранее победу Голландии над Португалией: более ранним развитием в Англии первой фазы капиталистического способа производства, мануфактурной. В Голландии к началу XVII в. появились первые мануфактуры, в то время как в Португалии условия для их развития тогда еще не было. Торговая гегемония Голландии (в том числе в колониях), которая обеспечивала рынок сбыта растущим мануфактурам и быстрое первоначальное накопление капиталов, стала в XVII в. основой ее первенства в промышленном развитии. Но уже в начале XVIII в. голландские мануфактуры были обойдены английскими, и преобладание Голландии как в промышленности, так и в торговле закончилось. История ее падения, по словам К. Маркса, являлась историей подчинения торгового капитала промышленному, ибо если в собственно мануфактурный период торговая гегемония обуславливала промышленную, то позже уже промышленная гегемония влекла за собой торговую [3, т. 23, с. 764].

Усиление Англии и ее конечная победа в англо-голландских войнах отразились и на положении в Персидском заливе. В конце XVII — начале XVIII в. позиции англичан укрепились за счет голландцев. Необходимо отметить, что в то время англичане еще не успели проявить на деле сущность своей колониальной политики и тем самым дискредитировать себя в глазах населения района. Голландцы же наглядно продемонстрировали свою систему колонизации, представлявшую «бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей» [3, т. 23, с. 750], чем и вызвали противодействие всех слоев общества. Даже правящая верхушка Ирана боролась с чрезмерным влиянием голландцев, стараясь противопоставить им англичан. В 1699 г. шах Султан Хусейн пожаловал льготы английской фактории в Исфагане, подчеркнув свое стремление к расширению торговых связей с Англией. Голландцам, которые незадолго перед тем захватили Кешм, было отказано в их просьбе построить свое укрепление в Бендер-Аббасе [14, с. 173].

В то время как вторая половина XVII в. была для Англии периодом успешной борьбы с Голландией на торговом поприще и военных побед над нею в союзе с Францией⁵⁰, в Иране в те годы проявились признаки ослабления государства Сефевидов.

При шахе Сулеймане (1667—1694) правительство не предпринимало необходимых мер для упрочения границ. Значительно сократилась внешняя торговля страны, несмотря на то, что шахский двор стремился привлечь в Иран больше иностранных, особенно европейских, купцов, предоставляя им льготы и привилегии. На рубеже XVII—XVIII вв. общий упадок экономики в целом был уже виден во всех областях хозяйственной жизни Ирана.

Главной причиной упадка была безудержная феодальная эксплуатация крестьянства, не сопровождавшаяся ростом производительных сил. Крестьянские хозяйства разорялись. Наблюдался застой в развитии крупного феодального землевладения, дробившегося раздачей земли в аренду. Господствовала пятичленная система арендной платы. Крестьяне бежали в города от непосильной эксплуатации, что губительно сказывалось на сельском хозяйстве. Ремесленное производство также переживало глубокий кризис. Результатом общего упадка хозяйственной жизни было возрастание влияния духовенства, застой в культурном развитии страны. На торговлю Ирана помимо указанных причин оказало влияние и перемещение мировых торговых путей. Раньше иранское купечество и государственная казна получали большие доходы от посреднической торговли; на этом посредничестве было основано, в частности, богатство Ормуза. К XVIII же в. Персидский залив оказался в стороне от главного морского торгового пути вокруг Африки.

В XVIII в., когда передовые государства мира уже встали на путь промышленного развития, сохранение феодального способа производства, кризис производительных сил задержали процесс дальнейшего развития Ирана. Постепенное отставание его на протяжении всего XVII в. было в дальнейшем усугублено превращением его в государство, зависимое от капиталистических европейских держав.

Ослабление Ирана в конце XVII — начале XVIII в. использовали англичане в целях расширения и укрепления своих позиций на Персидском заливе. В то же время в этом районе усиливалось и французское влияние.

С момента первого появления французов при дворе шаха Аббаса они неоднократно пытались закрепиться в Персидском заливе. Важным этапом на этом пути было основание ими в 1664 г. фактории в Бендер-Аббасе и получение торговых привилегий.

На рубеже XVII—XVIII вв. главными мировыми соперниками в борьбе за колониальное господство стали Англия и Франция. В ряде столкновений англичан с голландцами французы принимали участие на стороне англичан, так как наравне с ними были заинтересованы в подрыве голландской торговой монополии. Но и в этот период уже проявлялись противоречия между Англией и Францией, стремившимися самостоятельно

завладеть большими богатствами, выгодными торговыми связями, позициями, оставляемыми Голландией. Острая конкуренция переросла в войну, вошедшую в историю под названием «Войны за испанское наследство» (1701—1713). Ареной ее была в основном Европа, но конкуренция Англии и Франции проявлялась и в захваченных ими колониях — во всех областях, где английские и французские агенты и купцы сталкивались друг с другом.

В начале XVIII в. французы значительно активизировали свои действия в районе Персидского залива. В 1708 и 1715 гг. они добились заключения выгодных договоров с последним сефевидским шахом Султаном Хусейном [92, т. X, с. 3]. Французские купцы были освобождены от пошлин и налогов, местные власти гарантировали сохранность их имущества.

В этот период в Иране, пользуясь слабостью центральной власти, правители отдельных областей старались отложиться от нее, стать самостоятельными; они вели к тому же междоусобную борьбу за расширение своих владений в районе Персидского залива. Особенно больших успехов достиг в этом правитель Омана⁵¹. Его действия приняли настолько угрожающий характер, что шах Султан Хусейн начал готовить экспедицию против Омана. И так как шах нуждался в морском транспорте для переброски войск через Залив, в договор с Францией 1715 г. была включена статья об уступке ей доли от жемчужных промыслов Бахрейна за помощь в борьбе с Оманом [84, т. II, с. 32].

Однако французы не собирались выполнять и этот выгодный для них договор, и после трехлетних проволочек шахское правительство решило искать помощи флотом у португальцев в Гоа. В результате в борьбе Ирана с Оманом за Бахрейн сложилась любопытная ситуация: оманцев вооружали англичане и голландцы; португальцы же с оговорками и неохотой, но все таки предоставили суда для транспортировки шахских отрядов через Залив. Таким образом, в 1718 г. Бахрейн был подчинен власти Ирана, и управление островами поручено шейху Джаббару из порта Тахири, что на северном берегу Залива [106 с. 66—67].

Но закрепить свой успех иранцы не смогли, хотя начавшаяся со смертью оманского султана междоусобица и развязывала им руки: вскоре после этих событий в самом Иране сложилось опасное положение в связи с нашествием афганцев.

Восставшие в 1722 г. против власти Сефевидов афганские племена захватили столицу Ирана Исфахан, а также юго-восточные районы страны. Этим не замедлили воспользоваться англичане и голландцы: в 1727 г. англичане оккупировали Кешм, а голландцы — Ормуз [147, с. 175]. Только начавшееся на рубеже 30-х годов отражение афганского вторжения приостановило вмешательство европейцев.

Борьбу с афганцами возглавил Надир-шах, захвативший в 1736 г. иранский престол. Успешно завершив изгнание афганцев, Надир приступил к восстановлению господства Ирана над районом Персидского залива. Учитывая опыт предшественников, которым для ведения здесь военных действий приходилось обращаться за транспортными средствами к иностранным державам, он решил создать национальный иранский флот. Для этого на берегу Залива во вновь основанном порту Бушире были построены судовые верфи, причем корабельный лес приходилось доставлять по горным дорогам из северных провинций Ирана. Не дожидаясь завершения строительства⁵², правительство Ирана закупило четыре боевых корабля, два транспорта и несколько небольших судов. Иранский автор наших дней с гордостью пишет, что впервые после 900-летнего перерыва в водах Персидского залива появился иранский морской флаг с изображением красной персидской сабли на белом поле [106, с. 68].

В том же, 1736 г. четырехтысячный отряд иранцев высадился на Бахрейне, отложившемся от Ирана во время афганского нашествия, и снова подчинил шаху эти острова. Власть Ирана была вскоре восстановлена по всему заливу от Басры до Мекрана [23, с. 23]. Однако попытки шаха подчинить Оман в последующие годы не привели к желаемым результатам.

За всеми предприятиями Надир-шаха в Персидском заливе зорко следили и англичане и голландцы, активно вмешиваясь как в дело создания иранского флота, так и в ход военных действий. Фаруги рассказывает о мятеже 1740 г. на иранских судах, когда англичане открыто поддержали мятежников; позднее к ним присоединились и голландцы, примкнувшие вначале к лояльно настроенным экипажам. Характерно, что на переговорах об условиях прекращения мятежа представителем мятежников выступал англичанин; при этом иранский адмирал вынужден был вести переговоры с матросами иранского флота на английском языке через переводчика [106, с. 69].

В масштабах Ирана в целом укрепление государства при Надир-шахе не могло не сказаться на взаимоотношениях с европейскими державами: деятельность европейцев была ограничена рамками подтвержденных шахом привилегий.

Наряду с действиями, способствовавшими укреплению Ирана, Надир-шах в течение десяти лет своего правления вел разорительные завоевательные войны в Турции, Индии и Средней Азии, не принеся народным массам ничего, кроме новых тягот. В результате завоеваний Надир-шаха в состав Ирана были включены огромные территории на востоке и западе страны. Однако образованное Надир-шахом государство представляло непрочный конгломерат народов и племен и распалось вскоре после убийства его основателя (1747 г.).

Последовавший за смертью Надир-шаха период междоусобиц вновь сократил торговлю Ирана. Современный иранский

автор Таджбахш совершенно справедливо пишет, что европейцы, главным образом англичане, были во время царствования Надир-шаха крайне недовольны «присутствием существенно местной силы, опасной для их политико-коммерческих интересов» [140, с. 40]. Однако после его смерти им пришлось и вовсе покинуть Иран: в 1750 г. была закрыта английская фактория в Исфахане, а в 1752 г. — голландская в Бушире. Англичане покинули Бендер-Аббас в 1763 г.; за три года до того ушли оттуда и голландцы. Центр европейской торговли в Персидском заливе временно переместился на территорию Турции — в Басру. Последним толчком к отъезду англичан из Бендер-Аббаса было разрушение (в 1759 г.) их фактории французами — один из эпизодов Семилетней войны (1756—1763), решившей вопрос о колониальной гегемонии и монополии в торговле в пользу Англии.

В 60—70-х годах XVIII в. центральная власть в Иране стабилизировалась. Разоренная страна нуждалась в развитии торговых отношений, поэтому верховный правитель тех лет, не принявший титула шаха, — Керим-хан Зенд старался укрепить торговые связи с иностранными, в том числе европейскими, государствами. Специальным фирманом в 1763 г. английской Ост-Индской компании было разрешено основать торговую факторию в Бушире и восстановить ранее существовавшую факторию в Ширазе, а также предоставлялась возможность учреждать подобные фактории как в районе Персидского залива, так и в любом городе Ирана. Как явствует из предварительного соглашения между англичанами и шейхом Бушира Садуном, последний фактически был готов исполнять в вопросах торговли роль английской марионетки. Помимо освобождения от пошлин, разрешения на постройку фактории в Бушире и монополии на ввоз шерстяных тканей шейх передавал англичанам некоторые полицейские функции: разрешал им задерживать всех лиц, тайно ввозящих эти ткани. Более того, шейх Бушира ставил под исключительный контроль англичан всю торговлю порта, а представителям других европейских государств запрещалось селиться в Бушире, пока там находится английская фактория. При этом служащие фактории признавались состоящими под защитой британского правительства⁵³. Шейх обязался наблюдать, не торгуют ли какие-либо английские купцы вне фактории, тем самым предлагая себя в качестве агента Ост-Индской компании, готового бороться с конкуренцией в среде самих англичан⁵⁴.

Столь широкие привилегии могли быть следствием либо подкупа, либо прямого сговора шейха с англичанами, что представляется вполне вероятным. Еще в 1762 г., когда вопрос о ликвидации английской фактории в Бендер-Аббасе был решен, агент Ост-Индской компании Дуглас, высказывая свои соображения о перемещении ее в Бушир, писал, что местный прави-

тель «желает, чтобы мы там поселились»⁵⁵. В 70-х годах вмешательство англичан в дела Бушира обострило взаимоотношения с ним Керим-хана настолько, что тот перешел к открытым военным действиям против англичан. В английской литературе вопрос о соглашении с шейхом Бушира упрощен: дело представлено так, будто Керим-хан только подтвердил это соглашение [147, с. 78]. В действительности же фирман не был простым подтверждением соглашения. Ост-Индской компании предоставлялся в нем участок земли под факторию; какие земли имелись в виду, специально не было оговорено, но естественно предположить временное предоставление участка из фонда государственных земель. Это предположение подтверждается, между прочим, оговоркой относительно участка под сад, который разрешалось купить у частного лица, если в области не было государственных земель. Англичане, однако, не получали юридических прав собственности на саму факторию. Шейх Бушира разрешал фактории иметь свою артиллерию — до 21 орудия, число, необходимое для производства салюта флагу⁵⁶; Керим-хан ограничил их калибр.

В отношении внутренних административно-хозяйственных, судебных и религиозных дел англичанам было гарантировано невмешательство местных властей; но пункт, в предварительном соглашении с шейхом гласивший о том, что служащие фактории будут находиться под защитой британского правительства, Керим-ханом опущен. Торговые привилегии выражались в полном освобождении компании от ввозных и вывозных пошлин и предоставлении монополии на ввоз через Персидский залив шерстяных тканей; однако эти привилегии были оговорены важным условием — не ввозить товаров других стран под видом английских; в случае же тайного ввоза таких товаров они подлежали конфискации. Иранские купцы, покупавшие у англичан товары, уплачивали им 3% стоимости этих товаров в качестве пошлины.

Таким образом, говорить о простом подтверждении Керим-ханом соглашения с шейхом Садуном было бы неправильно. Тем более неправильно видеть в фирмане Керим-хана расширение привилегий англичан: была лишь расширена территория, на которую распространялись эти привилегии. Что же касается содержания самих привилегий, то некоторые из пунктов предварительного соглашения были в фирмане опущены, часть других иначе сформулирована, суживая его действие.

Убедившись, по-видимому, что он имеет дело с компанией, не останавливающейся перед различного рода интригами в стране, Керим-хан в том же, 1763 г. сделал добавления к фирману, еще более ограничившие привилегии англичан: им было запрещено вывозить из страны монету; их обязывали продавать товары крупнейшим купцам Ирана (английская компания при монопольном определении продажных цен оказалась, в

свою очередь, перед фактом установления местными купцами монопольных покупных цен); они должны были «хорошо обращаться с мусульманами». Особенно показательны последние два пункта этих добавлений. Первоначально как шейх Бушира, так и Керим-хан, обязуясь выдавать англичанам их дезертиров (солдат, матросов, слуг), не обязывали к этому же английских чиновников.

Теперь же англичанам запрещалось, во-первых, помогать врагам Ирана и, во-вторых, брать под свою защиту мятежных подданных Керим-хана и вывозить их из Ирана (что лишний раз говорит о попытках англичан вмешиваться во внутренние дела Ирана).

Хотя фирман Керим-хана 1763 г. свидетельствует о том, что дипломатические отношения Ирана и Англии во второй половине XVIII в. были еще равноправными, с торгово-экономической точки зрения он отражал значительную разницу в положении контрагентов. В дальнейшем англо-иранская торговля в Персидском заливе все более становилась средством постепенного экономического закабаления Ирана Великобританией. Наводнение иранского рынка товарами промышленно более развитой страны задерживало и подавляло процесс становления местной промышленности. По мере развития промышленного капитализма в Англии все более отстававший Иран терял возможность ликвидировать предоставленные льготы и привилегии и вообще изменить условия монопольной торговли. Кроме того Ост-индская компания к 1763 г. «превратилась в силу военных и территориальную» [5, с. 152]⁵⁶. Щупальца компании потянулись из Индии во многие прилегающие районы.

Фирман Керим-хана укрепил позиции англичан в Персидском заливе, что не замедлило сказаться на положении их основных конкурентов в этом районе — голландцев: дни последних были уже сочтены. Еще в 1753 г. голландцы во главе с бароном Книппхаузенем арендовали у шейха Бендер-Рига эмира Муханны о-в Харк, где они выстроили форт. Здесь находился центр голландской торговли в районе Персидского залива после ликвидации их факторий в Бушире, Басре и Бендер-Аббасе. В 1765 г. голландский форт на острове был осажден эмиром Муханной, отложившемся от Керим-хана. Муханна изгнал голландцев, и тем самым с их претензиями на господство в Персидском заливе было покончено. Желая вернуть Харк под свою власть, Керим-хан обратился, как и в других аналогичных случаях, к англичанам с просьбой о помощи флотом. Поведение англичан и на этот раз было типичным: они приняли пассивное участие наблюдателей военной операции Керим-хана. Когда же Харк был взят и Муханна бежал (1769 г.), англичан потребовали уступить остров им. Как и в 1622 гг., это означало замену одних колонизаторов другими⁵⁷. Керим-хан ответил отказом, и англичане демонстративно выехали из Бушира в Бас

ру, чем причинили значительный ущерб торговле Ирана. В 1771 г. консул Ост-Индской компании в Иране даже требовал, чтобы в Персидский залив была направлена эскадра, «дабы наказать Керим-хана за беспокойство, причиняемое английским агентам, и подавить пиратство, которому он потакает» [147, с. 185]. Под «беспокойством» разумелось нежелание Керим-хана подчиниться английскому диктату, а под «пиратством» — антианглийские выступления местных сил.

Как видим, уже за три десятилетия до фантастических планов Наполеона в отношении стран Востока англичане искали повод для ввода военных кораблей в Персидский залив, имея в виду отнюдь не интересы «обороны Индии»; и почти за пятьдесят лет до начала так называемой «борьбы с пиратством» была начата обработка общественного мнения в пользу этой кампании, также имевшей целью не ограждение от пиратства (им с успехом продолжали заниматься сами англичане, например, в Средиземном и других морях), а неприкрытое вмешательство в дела суверенного государства.

К 1773—1775 гг. враждебные действия между иранцами и англичанами приняли характер необъявленной войны. Когда вспыхнувшая эпидемия чумы принудила англичан погрузить имущество басрийской фактории на два корабля и поспешить в Индию, один из кораблей был по распоряжению Керим-хана захвачен и доставлен в Бендер-Риг. Арестованных служащих Ост-Индской компании отправили в столицу Шираз, где они год содержались в тюрьме. Активно выступили против англичан и северобережные племена Залива.

В мае 1775 г. англичане предприняли демонстрацию силы. Английские суда блокировали дельту Шатт-эль-Араба, совершали рейды против арабского племени кааб, выступавшего в поддержку Керим-хана, который в это время двинул войска против Басры; один из английских кораблей вошел в Персидский залив. Демонстрация преследовала также цель помешать осаде Басры Садык-ханом, братом Керим-хана. Тем не менее в апреле 1776 г. Басра пала, а английская фактория, видимо, по настоянию Керим-хана, была перенесена снова в Бушир [147, с. 184]. Последнее обстоятельство красноречиво свидетельствует, что в походе на Басру не последнее место отводилось перемещению торгового центра района Персидского залива на исконно иранскую территорию.

Внутренняя политика Керим-хана способствовала укреплению государственной власти: в его правление был несколько ограничен произвол на местах, поощрялось ремесленное и делались попытки организовать фабрично-заводское производство. Эти меры способствовали оживлению хозяйственной жизни Ирана, его производительных сил.

По смерти Керим-хана в 1779 г. в стране начался новый период феодальных распрей и борьбы за власть. Период крат-

современного правления племянника Керим-хана — Джафар хана — был использован англичанами для получения фирманом, которым все ограничения Керим-хана были ликвидированы. Новым фирманом в 1788 г. англичанам предоставлялось право беспешлиной и неограниченной торговли [92, т. X, с. 35—36]. Тогда же в Бушир был назначен резидент — капитан Андерс [127, т. II, с. 274].

Таким образом, время правления Керим-хана было последним периодом равноправных отношений Ирана с иностранными государствами. Последовавший в 80—90-х годах XVIII в. новый период феодальных смут и анархии вновь отбросил Иран назад. Несмотря на консолидацию власти в 1795 г. в руках шаха Ага Мухаммада, основателя династии Каджаров, Иран в результате своей слабости при возросшей агрессивности европейских держав не смог уже в дальнейшем добиться равноправных отношений с ними.

Весьма отрицательным для политической обстановки в Иране на рубеже XVIII—XIX вв. стало и то, что при отсутствии национального флота и мощной береговой обороны южная граница Ирана протяженностью в две тысячи километров стала представлять собой ворота, широко раскрытые для неприятеля. В то время как сравнительная узость Ормузского пролива позволяла «закупорить» Персидский залив даже небольшими силами. Если к этому прибавить, что враждебный Ирану флот мог опираться на базы, недостижимые для иранских войск, то становится ясно, что создались предпосылки превращения Персидского залива в военный плацдарм, место сосредоточения и развертывания враждебных Ирану сил, осуществляемых без какой-либо серьезной помехи с его стороны.

Соперничество европейских держав при тегеранском дворе в начале XIX в.

Британская политика на Среднем Востоке на рубеже XVIII—XIX вв. вступила в новый этап. Главным объектом колониальной экспансии Англии на Востоке в последней трети XVIII в. была Индия. Вытеснив конкурентов-французов и подавив сопротивление феодальных княжеств, англичане к концу XVIII в. захватили ключевые позиции в этой огромной и богатейшей стране. Их дальнейшая экспансия шла по двум направлениям: во-первых, они укрепляли свои позиции в глубине Индии; во-вторых, используя Индию как источник ресурсов, как основную базу, повели наступление на прилежащие районы, в первую очередь на Персидский залив, который «являлся после Индии новым полем приложения английской предприимчивости» [147, с. 195]. Персидский залив, в свою очередь, рассматривался в планах английской буржуазии как отправная база дальнейшего наступления на Иран, Аравию, Турцию, Среднюю Азию и другие страны и территории Ближнего и Среднего Востока.

Апологеты британского капитализма изображают дело так, будто проникновение Англии в Афганистан, районы Красного моря и Персидского залива было следствием оборонительной политики, порожденной захватническими планами Наполеона¹. При этом они молчаливо исходят из предпосылки, что бесчинства в Индии Клайва (60-е годы XVIII в.), кровавые деяния Гастингса (80-е годы), войны Корнуолиса (90-е годы) якобы не имели связи с последующей англо-французской борьбой, особенно обострившейся в последние годы XVIII в. Изображая борьбу Англии на рубеже XVIII—XIX вв. как оборонительную, они отрывают события этого времени от предшествующих, умышленно фальсифицируют историю британской колонизации Индии и экспансии в других странах Востока. Если уместно говорить о нападающей и обороняющейся стороне в борьбе двух империалистических хищников, то в данном случае нападающей стороной была именно английская.

В 1793 г. перепугавшаяся английская аристократия, поддержанная плутократией, развязала против революционной Франции агрессивную, так называемую «антиякобинскую войну».

«Аристократия видела в подавлении революции свое святое дело; плутократия нашла в войне источник огромных прибылей, удобный предлог для захвата рынков, чтобы сбыть свои товары и завладеть теми французскими, испанскими, голландскими колониями, которые считались наиболее доходными с торговой точки зрения и уязвимыми — с военной. Они стремились установить неограниченное господство Британии над морями, чтобы иметь возможность разорить торговлю любой другой нацией конкуренция которой могла служить препятствием для их собственного обогащения» [9, с. 566]. Одновременно с войной в Европе начались военные действия и в колониях. Овладев рядом опорных пунктов на индийском побережье, в том числе главной французской базой Пондишери, англичане вытеснили французов с материковой Индии.

Французская буржуазия также искала рынки сбыта для своих товаров, источники сырья для растущей промышленности. Борьба Англии и Франции за монополию в торговле, за колониальное господство шла с переменным успехом на протяжении всего XVIII в. По мере развития обеих стран, противоречия между ними обострялись. Великая французская буржуазная революция дала мощный толчок промышленному производству в Франции, ранее уступавшей Англии. В период 1796—1815 гг. англо-французские противоречия привели к так называемым наполеоновским войнам. Говоря о последних, а также об авантюристических планах Наполеона, необходимо иметь в виду социальные силы, орудием которых явилось наполеоновское правительствo, задушившее революцию и сохранившее только ее результаты, которые были выгодны крупной буржуазии. В начале XIX в. войны Англии и Франции велись за торговую промышленную и военно-политическую гегемонию в Европе, других частях мира, в том числе в колониях. Одним из очагов англо-французской борьбы за колонии был район Персидского залива.

На рубеже XVIII—XIX вв. район Персидского залива представлял собой однородного целого. Если до этого его история была тесно связана с истoрией Ирана, то с начала XIX в. южное побережье и прилежащие острова все в большей степени обособляются от собственно Ирана. Причина этого явления крылась в двух обстоятельствах: во-первых, в слабости Ирана, во-вторых, в английском вмешательстве.

В силу внутренней слабости в Иране проявлялись центробежные тенденции, создавались мелкие полунезависимые владения на побережье и островах Персидского залива. Кратко истории шейхств южного побережья от Омана до Кувейта конце XVIII — начале XIX в. посвящена следующая глава, здесь же мы хотим подчеркнуть, что, прикрываясь разговорами миролюбия и обороне, английские колонизаторы с первых лет XIX в. готовили в районе Персидского залива основание для

будущего здания колониальной империи на Ближнем Востоке. Раздираемые противоречиями и феодальными распрями, шейхства южного побережья не представляли преграды на пути английской агрессии; единственным государством этого района, ослабленным кровопролитными междоусобицами, но еще способным оказать какое-то противодействие, был Иран. Поэтому именно против Ирана англичане и сосредоточили в начале XIX в. силы, с тем чтобы нейтрализовать его и установить свое господство в Персидском и Оманском заливах.

Иран на рубеже XVIII—XIX вв. являлся страной, в которой преобладали феодальные производственные отношения. Феодальная раздробленность сохранялась в Иране на всем протяжении XVIII в. и позже. Борьба за власть между различными группировками в центральных районах страны сопровождалась усобицами на окраинах. Бесперывные смуты подрывали производительные силы страны, разоряя основных товаропроизводителей — крестьянина в деревне и ремесленника в городе. Важной причиной отсталости Ирана было и то, что значительный процент его населения составляли кочевники, среди которых преобладали патриархально-феодальные отношения с пережитками родового строя. Господствующие классы страны — феодалы, и оседлые, и тем более кочевники препятствовали централизации страны. Развитию капитализма в деревне мешали остатки сельской общины, система передачи крупных земельных владений в аренду мелкими участками. Не было необходимых условий для накопления купеческого капитала.

С утверждением на троне первого Каджара шаха Ага Мухаммада были объединены иранские земли на севере; существенно изменилась и политика иранских правящих кругов в отношении района Персидского залива. Правда, далеко не сразу были подчинены отдаленные провинции, в том числе южные прибрежные области. На протяжении всего XVIII в. они неоднократно пытались обособиться, пользуясь ослаблением шахской власти. В то время как между феодальными группировками, объединившимися, с одной стороны, вокруг Лутфа Али-хана Зенда, с другой — вокруг Ага Мухаммада Каджара, шла ожесточенная борьба, феодальные правители северного берега Персидского залива, лавируя между борющимися группировками, пытались сохранить свою независимость от центральной власти. Феодальные распри возникали и между шейхами, каждый из которых стремился поживиться за счет соседа. Мелкие и крупные междоусобицы создавали удобное поле деятельности для английских колонизаторов.

Дипломатическая, политическая и военная деятельность Великобритании на Ближнем Востоке в первой четверти XIX в. была направлена на колонизацию района Персидского залива, причем в первую очередь обращалось внимание на Иран. Планы проникновения в район Персидского залива англичане строи-

ли в общих чертах еще в конце XVI в. Соответственно им действовали британские резиденты и агенты, пытаясь завладеть тем или иным островом (в XVII в.— Ормузом, в XVIII в.— Харком и Кешмом), учреждая фактории, резиденции, базы. Непосредственным создателем и исполнителем конкретного плана колонизации района Персидского залива в начале XIX в. был офицер колониальной армии в Индии Джон Малькольм — одна из самых мрачных фигур, когда-либо появившихся на горизонте Персидского залива со времен д'Албукерки.

Карьера Малькольма в Индии была типичной для английского офицера: с 1783 г. и особенно в войнах с княжеством Майсур Малькольм зарекомендовал себя такими «подвигами», как истребление жителей целых индийских селений. Рвение, проявленное Малькольмом, не осталось незамеченным — за восемь лет он выслужился от капитана до генерала; в дальнейшем он был назначен на пост губернатора Бомбея — второй по значению в колонии после генерал-губернатора. В руках Малькольма во время его деятельности на этом посту находились все нити английской политики на Ближнем Востоке. Материалы, собранные им об Иране, Малькольм обобщил в написанной им в старости «Истории Персии», которая служила серьезным справочным пособием не одному поколению колонизаторов.

План колонизации района Персидского залива, составленный Малькольмом в первые же годы XIX в., был основан на регулярно поступавшей подробной информации о положении в этом районе, которую поставляли британские агенты, осевшие здесь в результате двухвековой разведывательной деятельности Англии на Ближнем Востоке. Основные положения плана следующие:

1. Государства и феодальные княжества Персии, Восточной Турции и Аравии следует считать не «настоящими правительствами», а «странами, которые любая нация, чьим интересам это содействует», может использовать в своих целях. Именно Англии, по убеждению Малькольма, надлежало стать такой нацией, с тем чтобы установить свою власть в названных странах, превратив их в орудие своей политики, а затем в колонии.

2. «С учреждением базы в Персидском заливе, который затем должен стать рынком нашей торговли, местом наших политических переговоров и складом военных припасов, мы сможем утвердить местное влияние и применить силу, которая не только изгонит другие европейские нации из этого района, но и даст нам возможность вести переговоры и военные операции в таких масштабах, какие мы пожелаем... Нам нужно укрепиться в Персидском заливе, чтобы быть способными внушать те чувства надежды и страха, которые должны испытывать все государства в этой части (земного шара.— *Н. Т.*) еще до того, как мы сможем надеяться установить с ними какие-либо отноше-

ния... выгодные для нас. Если мы упрочимся... в Персидском заливе, мы добьемся в дальнейшем всего, чего пожелаем. Отсюда можно угрожать Персии, Аравии и Турции» [116, т. I, с. 407, 432].

3. Малькольм предлагал приступить к осуществлению колониальных захватов немедленно, дабы опередить конкурентов, и прежде всего нанести удар по о-ву Харк. Он писал: «Чем больше я смотрю на этот остров, тем больше убеждаюсь, что он может стать одним из процветающих поселений в Азии; расположенный в нескольких часах пути от Бушира, Бендер-Рига, Басры и Бахрейна... он при сильном правлении делается бойким местом для купцов Турции, Аравии и Персии. Хотя он и невелик, остров сможет прокормить многочисленное население, которое там будет, когда он станет торговым рынком... Я не могу смотреть на этот остров, не думая о том, что, вероятно, враги вынудят английское правительство овладеть им, и тут же мне приходит на ум, что именно я буду главным инструментом в выполнении этого плана» [116, т. I, с. 424].

4. Изучение двухвекового опыта английской колониальной политики подсказало Малькольму еще одно положение: он предлагал обратить особое внимание на то, что появление военных сил колонизаторов в ближневосточных странах неизбежно повлечет за собой «мгновенное возбуждение» (т. е. противодействие) местных властей и населения. Чтобы предупредить антианглийское сопротивление, Малькольм рекомендовал содействовать междоусобицам и сопровождающей их разрухе. «Следуя этой системе, английское правительство укрепитя в Персии, Турции и Аравии и в дальнейшем сможет осуществлять здесь свою политику при незначительных затратах», — заключал Малькольм свои рассуждения.

Таким образом, в плане Малькольма совершенно четко названы цели, которые преследовали англичане, добиваясь контроля над районом Персидского залива: сделать его рынком сбыта своих товаров, политическим центром Англии на Ближнем Востоке, военной базой, опираясь на которую они смогут противостоять любым конкурентам и предпринять военные действия против Ирана, Аравии, Турции в таких масштабах, какие позволили бы им хозяйничать здесь так же, как в Индии.

Не менее ясно перечислены и средства к достижению этих целей: первый шаг — захват о-ва Харк и превращение его в опорный пункт; второй шаг — вмешательство во внутренние дела прилегающих стран, с тем чтобы привести их в состояние полной анархии и междоусобицы, предупредить антианглийскую борьбу и облегчить себе подчинение этих стран; третий шаг — открытый диктат в Иране, Турции, Аравии, превращение района Залива в целом в колониальное владение и плацдарм для дальнейшей экспансии².

Как видим, весь план Малькольма пронизан чисто агрес-

сивными устремлениями, а вопрос об «обороне Индии» нигде им ни разу даже не поставлен. Оно и понятно: свой план Малькольм писал не для широкой публики, а для своих хозяев, которым ни к чему была словесная мишура; их интересовало существо дела. Что же касается авантюристических планов Наполеона в отношении Индии, то самими англичанами они принимались в расчет главным образом в спекулятивных целях. Эти планы сослужили хорошую службу английской пропаганде в течение доброго столетия ими, как шитом, прикрывалась в глазах мирового общественного мнения британская колониальная политика на Ближнем Востоке. Для оценки же существа английской доктрины «обороны Индии» характерны рассуждения Малькольма, начинающиеся с того, что при «сильной власти» такие-то страны можно сделать «процветающими» (подобно голодающей Индии), и заканчивающиеся ханжескими сетованиями в адрес мифических врагов, козни которых «вынуждают» англичан захватить эти страны.

В английской исторической литературе план Малькольма расценивается как дело руки чудака-одиночки, не учитывавшего где сугубо мирных, торговых интересов Англии в Персидском заливе в первое десятилетие XIX в. и поэтому не получившего одобрения правительства [117, с. 98]. Подобная оценка не соответствует действительности. Малькольм составлял план колонизации Персидского залива в качестве официального должностного лица. Он отдавал себе полный отчет в этом, заявляя что радеет об интересах своего правительства и «британской нации». Положения плана были утверждены на военно-политическом совете при генерал-губернаторе Индии 30 август 1808 г., специально посвященном вторжению в Персидский залив, и приняты английским правительством [116, т. I, с. 433-435, 438], которое наделило Малькольма особыми полномочиями для осуществления его плана. Позже его как человека, правильно понимающего цели и задачи британской политики на Ближнем Востоке, назначили на пост губернатора Бомбея. Мало того, дальнейшая политика Англии в районе Персидского залива проводилась в соответствии с этим планом, хотя для осуществления его в полном объеме потребовалось около 60 лет. Единственный упрек, какой могут сделать английские авторитеты плану Малькольма,— его чрезмерная откровенность и попытка поторопить события.

Обратимся к последним годам XVIII в.— к соперничестве Англии и Франции при тегеранском дворе в период наполеоновских войн. В июле 1796 г. в Тегеран прибыли представители новой, буржуазной Франции — Оливье и Брюгьер. Будучи по роду занятий натуралистами, они тем не менее вели переговоры об упрочении торговых и политических связей с Ираном, в которых Франция была заинтересована еще более, чем прежде. Однако, несмотря на то что они представили иранскому везиру

на утверждение договоров, заключенные еще в 1708 и 1715 гг., т. е. за 80 лет до этого, и пытались подтолкнуть Иран к войне с Россией, эту миссию, по-видимому, следует рассматривать не более как дипломатическую разведку, зондирование почвы после долгого перерыва в официальных отношениях. Об этом же говорят и ее результаты: Оливье и Брюгьер отбыли фактически ни с чем, если не считать устных заверений в намерении иранских властей оказывать содействие французским торговым факториям в Исфахане, Ширазе и на берегах Персидского залива⁴.

Два года спустя англичанами в Тегеран был направлен вновь назначенный резидентом в Бушире мирза Мехди Али-хан (перс на английской службе) с инструкциями генерал-губернатора Индии Уэлсли всемерно укреплять влияние Англии в Иране, противодействуя возможному влиянию Франции. Заключив по пути следования англо-оманский договор, посол прибыл ко двору Фатх Али-шаха, где, спекулируя на антимоноархических и антирелигиозных принципах французской республики, добился заключения договоров Англии с Ираном. Но, хотя Мехди Али-хан добросовестно выполнил инструкции Уэлсли, последний вслед ему направил с теми же задачами Малькольма. Современный индийский автор Кумар пишет, что это объяснялось недоверием Уэлсли к дипломату восточного происхождения [120, с. 12]. Думается, однако, что такое объяснение слишком поверхностно. Очевидно, дело не столько в личности Мехди Али-хана, сколько в намерении англичан вести переговоры в совершенно ином ключе, как сказали бы в наши дни, «с позиции силы».

В свете сказанного назначение Малькольма главой миссии весьма показательно. Совершенно очевидно, что такой до мозга костей военный человек, «энергичный солдат» [116, т. I, с. 402] не предназначался для ведения чисто дипломатических переговоров; на миссию Малькольма были возложены не столько дипломатические, сколько военно-разведывательные задачи, причем не только в Иране, но и в Омане.

Военные цели миссии Малькольма заключались в том, чтобы отколоть Иран и Оман от назревавшей антианглийской коалиции, ядром которой были индийские княжества и афганские племена [109, с. 40; 13, д. 5, л. 8]. Подготовкой к этому явилось заключение англо-оманского договора 1798 г., положившего начало превращению оманского правителя в послушное орудие британской политики. Одна из его статей разрешала англичанам возвести военную крепость в Бендер-Аббасе, которым сеид Омана владел на правах аренды у иранского правительства; сеид разрешал им держать в Бендер-Аббасе гарнизон численностью до 800 сипаев при 50 английских офицерах с любым количеством пушек [106, с. 75—76]. Благодаря этому Бендер-Аббас стал в руках англичан не только базой для операций

в Персидском и Оманском заливах, но и сухопутным плацдармом на территории собственно Ирана.

Заключение этого враждебного Ирану договора вынудило шаха направить в Майсур хаджи Халиль-хана для заключения соглашения о взаимопомощи. Однако ко времени прибытия хаджи на место силы правителя Майсура были уже разгромлены англичанами. Шахский посланец погиб в Индии при неясных обстоятельствах, но причастность англичан к его убийству вытекает с несомненностью из того факта, что генерал-губернатор Индии выплатил шаху денежную компенсацию за это убийство⁵. В 1800 г., находясь в Омане проездом в Иран, Малькольм добился подтверждения предыдущего англо-оманского договора. Целью его визита в Оман помимо прочего было оказать дополнительное давление на шахское правительство.

Состав миссии Малькольма в Иран, деятельность его членов во время пребывания в Бушире и на пути в Тегеран лишены раз указывают на то, что помимо политических целей перед миссией ставились и задачи стратегической разведки: изучить общее положение в Иране, изыскать возможности, чтобы ввести Иран в русло английской политики, принудить иранские правящие круги подчиниться английскому диктату, превратить Иран в плацдарм экспансии в район Каспийского моря и Среднюю Азию.

В конце января — начале февраля 1800 г. миссия Малькольма, насчитывавшая, по сообщению русского консула Скабичевского, около тысячи человек, прибыла в Бушир⁶. Четыре месяца пребывания в этом порту Малькольм посвятил изучению истории и стратегического положения Персидского залива [91, с. 44]. Члены миссии разъезжали по всему району, собирая военные сведения, обследуя острова и берега Залива, консультируясь с британскими агентами, осевшими в различных пунктах, налаживая связи с местными правителями, которых они подстрекали отложиться от центрального правительства. Таковыми же были действия миссии по мере продвижения по стране от Бушира до Тегерана. Следуя политике «кнута и пряника» одновременно с подрывной деятельностью в ход были пущены взятки и подкуп в масштабах, редких в международной практике⁷. Расходы на подкуп были так велики, что английское правительство, одобрявшее в целом результаты миссии, долги годы не могло простить Малькольму такой расточительности.

Агрессивный характер миссии Малькольма вынуждены констатировать ныне даже английские авторы, старательно затуманивающие наступательную сущность политики Англии в Персидском заливе и сосредоточивающие внимание на торговых интересах Англии в этом районе [117, с. 70, 78]. Краеугольным камнем во время переговоров в Тегеране Малькольм считал вопрос о предоставлении Ираном Англии трех островов Персидского залива — Кешма, Харка и Хенгама [106, с. 64; 91, с. 45].

116, т. I, с. 422]. Он предлагал любой вариант — от «дружественной оккупации» [116, т. I, с. 454] до покупки. Однако, как считает современный иранский автор Феридун Адамият, Малькольм плохо знал нравы страны, если надеялся, что достигнет своей цели взятками и угрозами. «Было бы неверно заключить, что персы пошли бы столь далеко, чтобы пожертвовать страной ради подарков, которые они приняли», — писал Ф. Адамият [91, с. 46]. При тегеранском дворе существовало твердое убеждение, что, если англичане упрутся в Иране или в непосредственной близости от него, страну ожидает участь Индии [117, с. 72]. О том, насколько справедливо было это мнение, говорит цитировавшееся выше положение плана Малькольма, где ставилась цель угрожать Ирану, Турции и Аравии с баз на Заливе.

Таким образом, вопрос о приобретении Англией островов Персидского залива стал камнем преткновения во время переговоров, и Малькольму пришлось снять его с повестки дня, сосредоточив внимание на военных задачах, которые нашли свое отражение в англо-иранском договоре, заключенном в январе 1801 г. Значение этого договора в истории Ирана определяется прежде всего тем обстоятельством, что он открыл собой целую серию неравноправных договоров Ирана с европейскими державами, и прежде всего с Англией, которые шаг за шагом документально закрепляли свое все возраставшее влияние на экономику и политику этого государства. Все пять статей договора указывали на то, что уже на рассматриваемом этапе англичане стали направлять политику Ирана в нужное им русло⁸.

Провозглашение англо-иранского союза (ст. I) свидетельствовало, что англичанам, во-первых, удалось отколоть Иран от намечавшейся антианглийской группировки, включавшей Афганистан, Майсур, Оман (см. сл. гл.) и, во-вторых, ликвидировать на какое-то время влияние Франции.

Ради британских интересов шах Ирана обязался воевать с Афганистаном (ст. II). Мир между афганским и иранским шахами мог быть заключен лишь на условии отказа афганского правителя от его планов в отношении Индии (ст. III). Участие англичан сводилось к готовности сесть за стол переговоров, т. е. пожать плоды ими же посеянной афгано-иранской враждебности.

Англичане обещали Ирану военную помощь в случае вооруженного конфликта (ст. IV), чем подтолкнули правящие круги Ирана к обострению отношений с Россией. Свои обязательства они выразили в таких формулировках, которые дали им впоследствии возможность отказаться от их выполнения: в случае, если Иран подвергнется нападению, они обещали поставить «столько пушек и военного снаряжения... сколько окажется возможным, с необходимым оборудованием... и инструкторами». Практически это означало такую «помощь», которая втягивала

Иран в войну, поставив при этом в качестве наблюдателей английских инструкторов.

Под видом союзников Ирана англичане начали подготовку к оккупации района Персидского залива. Так как тегеранский двор, несмотря на все старания Малькольма, не согласился на создание британской базы на островах, англичане ссылались на зайку, с тем чтобы под видом помощи Ирану утвердиться на о-ве Харк: они изъявляли готовность выделить «соединенные силы» для совместных с Ираном действий на Заливе в случае появления там французов (ст. V). В действительности же району Залива в этот период времени никто не угрожал, кроме самих англичан. Очевидно, сознавая это, шах одновременно с подписанием договора 1801 г. предпринял попытки строительства флота в Персидском заливе [13, д. 5, л. 8]. Что же касается французской угрозы, то в ст. V говорилось: «если когда-нибудь кто-либо из французов пожелает получить место... для резиденции или жилища на каком-либо из островов или берегов, то такая просьба... не должна быть удовлетворена шахом».

Совершенно очевидно, что договор преследовал также цель монополизировать иранский рынок. Англичанам разрешалось селиться во всех пунктах Персидского залива, торговать без уплаты налога, беспошлинно ввозить промышленные товары — сукно, железные изделия и т. д.

Договором 1801 г. англичане подтолкнули Иран на войну с Россией (1804—1812), поскольку шах рассчитывал в ней на поддержку англичан⁹. Однако те стремились лишь использовать ситуацию в своих интересах¹⁰. Когда после ряда серьезных поражений в войне шах в 1805 г. стал настаивать на предоставлении ему обусловленной договором помощи, Англия потребовала за это передать ей в аренду все причалы Каспийского моря, разрешить сооружение крепости в Бушире и предоставить ей о-в Харк [109, с. 12; 46, с. 12]. Англия соглашалась выполнить один из пунктов ею же навязанного договора в том случае, если бы Иран отдал под ее контроль Персидский залив, Каспийское море и, воюя с Россией, прокладывая бы ей путь на Кавказ и в Среднюю Азию. Провоцируя Иран на войну с Россией, она рассчитывала, что война создаст благоприятные условия для осуществления ее колонизаторских планов и в отношении самого Ирана.

Обострившееся недовольство иранского правительства политикой Англии было использовано Наполеоном, который в 1805—1807 гг. посылал в Иран миссии Ромье, Жобера, Жуаннина Бонтема, де Лабланша, Гардана. Генерал Ромье передал шаху письмо Наполеона, содержавшее предложение объединить силы для борьбы с Англией и Россией¹¹. За разрыв с Англией и союз с Францией Жобер обещал шаху снабдить иранскую армию оружием и помочь захватить Грузию [49, с. 40]. Подобного же рода посулы высказывали и последующие посланцы Наполеона.

В начале 1806 г. (с 16 февраля по 16 апреля) при тегеранском дворе находился посланец русского царя Стефанов, прибывший с предложением мира. Однако иранское правительство медлило с ответом в ожидании результатов переговоров с французами [109, с. 24]. Жобер, так же как и Ромье, выясняя, каких практических уступок можно добиться от Ирана благодаря заключению договора о помощи, даже не имел полномочий на подписание договора. Он был послан в Иран, во-первых, для зондирования почвы, а во-вторых, для того, чтобы затянуть русско-иранскую войну. Пока велись переговоры (февраль — июль 1806 г.), русская армия нанесла ряд поражений иранцам и заняла города Баку, Дербент и др. Положение шахского правительства, продолжавшего войну в расчете на помощь сначала Англии, а затем Франции, становилось с каждым днем все более критическим¹².

Между тем Англия, не имея намерения помочь Ирану в войне, на которую она его спровоцировала, старалась в то же время не упускать тех выгод, какие проистекали для нее по договору 1801 г. В случае аннулирования договора (а это могло произойти в результате франко-иранских переговоров) англичане предполагали закрыть индо-иранскую торговлю, блокировать берега Ирана, втянув в это дело и пашу Багдада. Малькольм на этот случай начертал новый пункт плана колонизации района Персидского залива: создать из Басрийского и Багдадского пашалыков буферное государство под эгидой Англии и тем самым ускорить разложение Османской империи [117, с. 84—85]. В намерение англичан входила также оккупация иранских баз на Персидском заливе¹³. «Это либо вынудит шаха изменить его политику, либо подвергнет его владения и жизнь опасности, так как названные меры не только окажут воздействие на его репутацию, но и вызовут самое серьезное неудовольствие среди его подданных... что кончится мятежом и восстанием», — писал 23 ноября 1806 г. Малькольм генерал-губернатору Индии [116, г. I, с. 398]. Под мятежом и восстанием разумелся подготавливавшийся англичанами дворцовый переворот в Иране.

Отсюда видно, что переворот в Иране был запланирован англичанами задолго до подписания франко-иранского договора в Финкенштейне и тем более до подписания Наполеоном и Александром I договора в Тильзите, провозглашавшего франко-русский союз. Эти события если и не оправдывали, то в какой-то мере объясняли подобную меру. Именно в расчете на заведомую путаницу в хронологии уже в наши дни автор обстоятельной книги об английской политике в Персидском заливе в XIX в. Келли пишет, что план «взбунтовать Персию против шаха» появился у англичан после Тильзитского мира [117, с. 83].

Финкенштейнский договор, подписанный в мае 1807 г., отразил стремление правительства Наполеона использовать Иран в

борьбе с Англией и Россией. Главной приманкой для иранских правящих кругов было словесное признание Грузии иранской провинцией и обещание помощи в войне с Россией. Через шесть дней после его подписания Наполеон утвердил инструкции Гардана, направляемого во главе многочисленной миссии в Тегеран, куда тот прибыл лишь пять месяцев спустя. В конце декабря того же года шах ратифицировал договор и подписал конвенцию о поставке Ирану Францией 20 тыс. ружей. Кроме того был заключен франко-иранский торговый договор, предоставлявший французским купцам большие привилегии и расширявший капитуляционный режим франко-иранских договоров 1708 и 1715 гг.¹⁴. Пытаясь противопоставить англичанам французам, пока что не зарекомендовавших себя в этом районе столь ненадежными колонизаторами, шах согласился на учреждение французских баз на Персидском заливе.

Финкенштейнский договор лишь дезориентировал европейское общественное мнение, создавая видимость прочного франко-иранского союза, тогда как уже два месяца спустя, подписав Тильзитский мир, Наполеон повернулся спиной к Ирану, не собираясь выполнять условия договора. Посланная в Иран миссия генерала Гардана имела целью сбор сведений о ресурсах и военных силах страны и, кроме того, всемерное разжигание вражды между Россией и Ираном, несмотря на русско-французский договор [49, т. I, с. 46], хотя Гардан и писал, будто имел рекомендации способствовать сближению сторон. Для сбора сведений об Иране миссии Гардана был придан большой отряд инструкторов и просто разведчиков, в том числе военноморских специалистов, обследовавших порты страны [109, с. 46; 13, д. 5, л. 53].

Позиция Ирана в отношении Англии, занятая в ходе франко-иранских переговоров, показала англичанам (несмотря на оставший затем интерес французского правительства к Ирану), что возможна ситуация, при которой захватить ключевые позиции на Персидском заливе им не удастся из-за сопротивления Ирана и противодействия какой-либо из европейских стран. Более того, Иран с помощью такой страны мог помешать английской колониальной политике на Среднем Востоке. Наконец франко-иранский торговый договор ставил французских купцов в более выгодные условия, чем английских, и означал для Англии появление соперников в районе ее исключительного влияния.

Учитывая положение, сложившееся в Тегеране в начале 1808 г. в связи с бездеятельностью французской миссии, отвлечением значительных сил шаха на севере и, следовательно, невозможностью оказать сопротивление давлению с юга, английское правительство сочло этот момент подходящим для осуществления «давно лелеянных» [16, т. I, с. 432] планов в отношении Персидского залива. В Иран из Англии была направлена

миссия Харфорда Джонса, а в подкрепление к ней «индийское правительство», возглавляемое генерал-губернатором Минто, снарядило в воды Залива военную экспедицию под начальством все того же Малькольма (эта экспедиция по традиции, исходящей из английских политических кругов, именуется обычно «дипломатической миссией»).

В английской исторической литературе дело излагается так, будто бы между лондонским и «индийским» правительствами возникли по поводу миссии Джонса и военной экспедиции Малькольма противоречия и что встреча двух послов (Джонса и Малькольма) грозила столкновением между ними [116, т. I, с. 402, 405 и др.]. Все это опровергается документами, близкими по времени событиям. Так, Кэй, издавший панегирическую биографию Малькольма, спустя всего 40 лет после этих событий писал: «Лорд Минто считал, что есть возможность с пользой привлечь к делу Малькольма во время пребывания Джонса в Тегеране: направить Малькольма в ту часть страны... куда влияние Джонса доходить не будет. Поэтому было решено отправить его сначала в Персидский залив с поручением общего и неопределенного характера. Малькольм должен был быть послан... с портфелем дипломата, прикрывающим жерла наших британских орудий (курсив наш.— Н. Т.). Лорд Минто полагал, что потребуются энергичный солдат!» [116, т. I, с. 402].

Как видим, в «правительстве» Индии сидели лица, прекрасно осведомленные о положении дел в Персидском заливе и четко распределявшие обязанности своих подчиненных,— кому вести переговоры, а кому стоять у орудий. Садясь на корабль, направлявшийся в Бомбей, куда должен был прибыть и Джонс, Малькольм заверял начальство: «Я не буду колебаться, если их (персов) поведение потребует принять меры, которые заставят их почувствовать, что мы обладаем достаточными средствами» [116, т. I, с. 405]. И так как Джонс замешкался в пути вокруг мыса Доброй Надежды, то генерал-губернатор Индии, боясь упустить удобный момент, решил не откладывать «миссию» Малькольма, напутствуя его так: «Я намерен придать вам силы, должны произвести достойное впечатление на тех, к кому вы направляетесь. Я соглашусь с любым увеличением вашего эскорта, какое вы сочтете нужным». Он предложил при этом посадить на суда военно-морского флота и компании, направлявшиеся в Персидский залив, столько солдат «под видом моряков», сколько те могут вместить¹⁵ (по официальным данным, общая численность эскадры, приведенной в порты Ирана Малькольмом 10 мая 1808 г., составляла 30 военных кораблей и транспортов¹⁶).

Первый отряд военно-морских сил состоял из трех кораблей, имевших на борту 300 отборных солдат 84-го полка, передетых в форму матросов, 100 кавалеристов, 50 сипаев и полевую артиллерию с прислугой. Этот отряд представлял тем более «вну-

шительную силу»¹⁷, что его боевые действия могли быть поддержаны огнем корабельной артиллерии, насчитывавшей сотни орудий. Приданная ему еще и полевая артиллерия давала возможность действовать вдали от берега и обеспечивала оборону захваченной базы до прибытия второго эшелона численностью в 10 тыс. солдат, ожидавшего для этого лишь сигнала Малькольма¹⁸.

Докладывая генерал-губернатору о назначении первого отряда, Малькольм за два дня до отплытия писал: «Силы, сформированные в соответствии с вашими инструкциями, смогут, не имея внешнего вида военной экспедиции, разгромить подразделение, которое могло бы подойти с острова Маврикий... хотя в их прибытие трудно поверить»¹⁹. Отсюда можно сделать вывод, что войска предназначались совсем не против французов, а против Ирана. Кроме демонстрации силы и возможного ведения военных действий в качестве первого отряда британского экспедиционного корпуса, англичане планировали использовать их для провоцирования междоусобицы в Иране. «Наличие этих сил даст мне возможность... оказать... помощь и защиту партии, которая по ходу дела может, дойдя до крайности, принять нашу сторону» [116, т. I, с. 412]. Выше отмечалось, что еще в 1806 г. Малькольм рассчитывал, что блокада иранских берегов от Индии до Багдада и захват баз на Заливе «вынудят короля Персии изменить его политику или подвергнуть свои владения и жизнь опасности». Теперь он возглавил экспедицию, которая должна была силой принудить Иран стать орудием английской политики либо с помощью продажной группировки произвести дворцовый переворот. Своего кандидата в шахи, представителя низложенной династии Зендов Неджефа Али, Малькольм захватил с собой из Индии, где тот получал от англичан пенсию.

Об английских интригах того времени Гардан доносил: «Англия постоянно орудовала в Персии — тайно через своих агентов, открыто через своих ловких консулов. Она расточала золото». По сведениям Гардана, англичанам удалось сколотить при тегеранском дворе проанглийскую партию, возглавлявшуюся беглербеком Исфакана [109, с. 85, 173]. Известно также, что при их подстрекательстве в 1808 г. в Фарсе вспыхнул мятеж двух местных феодалов [83, ч. I, с. 256]. Британские агенты использовали свое влияние для организации одновременного выступления прибрежных арабских племен, угрожавших Ирану с юга [42, с. 119].

Становится понятным, почему военная экспедиция Малькольма имела «неопределенный характер» и должна была действовать в той части страны, на которую не мог распространить свое влияние Джонс: в то время как последнему надлежало оказывать давление непосредственно на шахское правительство, имея в любой момент под рукой военные силы, находившиеся в Персидском заливе, Малькольм руководил действиями на по-

бережье Персидского залива, в районе Багдада — Басры и в южных провинциях Ирана²⁰. Результатом их усилий, как рассчитывали англичане, должны были явиться дворцовый переворот в Тегеране, смуты внутри страны, ослабляющие государство в целом и облегчающие военную интервенцию заранее подготовленными силами.

17 апреля 1808 г. отряд Малькольма отплыл из Бомбея. Один из офицеров англо-индийской армии, рассчитывавший на молниеносный исход экспедиции, писал вслед Малькольму, что Джонсу останется лишь поставить печати на заключенные Малькольмом договоры [116, т. I, с. 440].

Не располагая военно-морскими средствами защиты своих портов, шахское правительство могло организовать оборону их только наземными силами, поэтому в начале апреля шах отдал приказ направить в Шираз и Бушир в помощь губернатору южной провинции Фарс 4 тыс. солдат [109, с. 174]. Этот приказ шаха в момент, когда иранские войска нуждались в подкреплениях на северном театре, наглядно показывает, что шахское правительство отчетливо представляло опасность, нависшую над страной с юга при появлении английского флота в Персидском заливе. По мнению шаха, нужен был отряд численностью не менее 7 тыс. человек, но он смог выделить лишь немногим более половины [87, д. 40]. Очевидно, иранскому правительству было известно назначение военной экспедиции Малькольма; более того, возможно, шах имел информацию, что англичане использовали в своих действиях не только солдат. Не подлежит сомнению, что, следуя политике заgreбания жара чужими руками, англичане побудили шейхов Персидского залива присоединиться к их военной авантюре. Кто именно из шейхов участвовал в этой экспедиции, нам неизвестно, но одновременные действия оманского правителя сеида Саида находились в прямой связи с происками Малькольма: именно в мае 1808 г. сеид Саид захватил г. Хор-Факкан, господствующий над подступами к Ормузскому проливу. Эта акция, безусловно, была согласована с Малькольмом во время его пребывания в Маскате на пути к иранским портам.

Переходя к рассмотрению дальнейших действий Малькольма по прибытии в Персидский залив, сначала вернемся к вопросу, следует ли традиционно считать «дипломатической миссией» прибывший в иранские порты отряд английских военно-морских сил, имевший на борту пехотное подразделение из солдат 84-го полка, переодетых в форму матросов, с приданной ему полевой артиллерией. Сопоставим формальную и фактическую стороны дела. Во-первых, с формальной точки зрения глава так называемой «миссии» прибыл для ведения дипломатических переговоров; фактически же генерал Малькольм во главе военно-морского отряда, опираясь на превосходство своих сил, вторгся в воды Персидского залива, занял подступы к Буширу

и тем самым поставил шахское правительство перед свершившимся фактом, имея целью продиктовать от имени Англии определенные обязательства Ирану. Во-вторых, официальное назначение столь многочисленной «миссии», не говоря уже о военных кораблях, было неопределенным, документы же свидетельствуют, что фактически целью отряда была интервенция на стороне проанглийской партии. Естественно, что прибывший в мае 1808 г. в Бушир отряд Малькольма никак нельзя называть «миссией», такое наименование маскирует агрессивный характер появления английского флота в территориальных водах Ирана. Назначение экспедиции Малькольма заключалось в демонстрации силы, а дальнейшее пребывание ее в Персидском заливе следует расценивать как оккупацию²¹. Кстати, именно так и называл эту акцию не кто иной, как лорд Минто, употребивший для смягчения выражение «дружественная оккупация».

В Бушире Малькольм потребовал, чтобы местный шейх незамедлительно передал шаху его требование начать переговоры, точнее было бы сказать — выслушать его требования, ибо Малькольм угрожал при этом прекращением индо-иранской торговли, блокадой и оккупацией о-ва Харк. Силы экспедиции и диктаторский тон произвели соответствующее впечатление, и первые донесения Малькольма из Бушира исполнены хвастовства. Как и восемь лет назад, он занялся в ожидании аудиенции интригами, подкупами, налаживанием агентурной сети.

Получив известия о прибытии экспедиции Малькольма и его требованиях, шахское правительство испытывало серьезные сомнения в том, как поступить, ибо прямой отказ от принятия условий Малькольма означал, что англичане предадут огню и мечу берега Залива и провинции Фарс. После некоторых колебаний шах предложил Малькольму вести переговоры с губернатором Фарса, с тем чтобы выиграть время и перебросить на юг дополнительно 3 тыс. солдат во главе с Исмаил-беком.

Вскоре Малькольм убедился, что позиции шаха тверже, чем он мог предполагать: шахские войска и силы буширского шейха сосредоточились вдоль береговой линии, не позволяя английским солдатам ступить на землю. Столь же бдительно они следили за попытками высадить войска на о-ве Харк. Так, шейх заявил англичанам, что ему «поручено позаботиться» о безопасности острова, и запретил перевозку английской кавалерии.

Таким образом, с мая 1808 г. Персидский залив представлял собой фактически район сосредоточения британских и иранских войск, грозившее привести к военным действиям.

Несмотря на чрезвычайно трудное положение, у шаха были веские причины всеми доступными средствами сопротивляться диктату Малькольма, ибо принятие его требований означало безоговорочную капитуляцию перед Англией. Кроме того, шах, хорошо знавший из прежнего опыта, что пребывание Мальколь-

ма при дворе сопряжено с происками и интригами, был, безусловно, осведомлен, что на этот раз Малькольм готов организовать в стране государственный переворот. Заметную поддержку в его твердо занятой позиции оказал все еще находившийся в Тегеране генерал Гардан, который стремился помешать английскому проникновению в Иран.

Впоследствии Малькольму оставалось лишь оправдываться, что «язык диктата», подобающий только командующему экспедицией, уже выигравшему сражение или имеющему явный перевес сил, не мог спасти экспедицию от провала. Перед ним встала дилемма: либо подкрепить свои требования оружием, либо ретироваться. В результате оборонительных мер, принятых иранским правительством и губернатором Фарса, Малькольму оставалось выбрать второе, и в начале июня, т. е. спустя месяц, Малькольм на «Дориде» отправился в Индию за подкреплением. Отъезд его ни в коем случае не означал прекращения или уменьшения военного давления Англии на Иран с юга, ибо все силы экспедиции, кроме «Дориды», продолжали демонстрировать в Персидском заливе военную мощь Англии. Английские корабли не открывали военных действий, но и не уходили, пользуясь отсутствием у Ирана военно-морских сил, способных принудить непрошенных пришельцев покинуть его территориальные воды.

Чрезвычайно характерно, что мысли командующего экспедицией, плывшего за подкреплением, были заняты планами обороны Индии от французов (что, по словам буржуазных историков, было главной целью его «миссии»), а создания военных баз в районе Персидского залива. Он мечтал о дне, когда снова вернется сюда «с попутным ветром и утвердится... в качестве хозяина укрепленного острова и арбитра судеб Персии и Аравии»²².

Получив донесение Малькольма о неудаче его экспедиции, генерал-губернатор Индии лорд Минто сообщил об этом Джонсу, ожидавшему в Бомбее результатов, и приказал ему срочно отправиться в Тегеран, чтобы начать переговоры, опираясь на силы, оставленные Малькольмом. Однако через несколько дней после того, как Малькольм прибыл в Калькутту и представил генерал-губернатору личный доклад, тот передал Джонсу приказ задержаться.

30 августа в штаб-квартире английской экспансии на Востоке — Калькутте — состоялся военно-политический совет, который, обсудив доклад Малькольма и план предложенных им дальнейших действий, одобрил и утвердил этот план и принял следующие решения: задержать Джонса, направить в Персидский залив второй эшелон войск; наделить командующего экспедицией генерала Малькольма верховной военной и политической властью в районе Залива²³.

Совет «калькуттских торгашей», как называл его К. Маркс

[6, с. 105], действовал в соответствии с указаниями Лондона: полностью одобрив военную экспедицию в Персидский залив до приезда Джонса, английское правительство, со своей стороны, подтвердило и приказ Джонсу задержаться в Индии [116, т. I, с. 448].

Буржуазные историки, называя военную экспедицию Малькольма «дипломатической миссией», сосредоточивают свои рассуждения на внешней стороне дела и завершают историю этой «миссии» тем, что Малькольм, мол, вернулся из Бушира в Индию, а на смену ему был отправлен Джонс. При этом они «забывают» и о том, что в Индию вернулся только Малькольм, да и то лишь за подкреплением, в то время как основные военноморские силы оставались в Заливе, и о решении, принятом в Калькутте. Бригадный генерал Малькольм, получивший приказ оккупировать о-в Харк «военной силой, обеспеченной всеми родами войск и укомплектованной кадрами», немедленно приступил к формированию второго эшелона. К концу сентября личный состав эшелона ожидал его в Бомбее, оперативные планы были разработаны «до совершенства», а сам Малькольм «пребывал в приподнятом настроении»²⁴. Садясь в Калькутте на корабль, он писал: «Я отправляюсь в эту страну (в Иран), облеченный всей полнотой власти, военной и политической, какую я мог пожелать (а он, как известно, желал стать вершителем судьбы прилежащих к Персидскому заливу стран.— *Н. Т.*), и доверием, которое кажется безграничным. Короче, я отправляюсь, имея возможность действовать так, как могут побудить меня личные и общественные интересы и чувства»²⁵.

Однако на пути в Бомбей Малькольма нагнало судно-экспресс, доставившее ему новую инструкцию генерал-губернатора, согласно которой экспедиция откладывалась. Оказалось, что Джонс уже отплыл в Иран; второе распоряжение Минто, приказывавшее задержаться, опоздало на два дня. Указание английского правительства, также требовавшее, чтобы Джонс оставался в Индии, опоздало всего на 24 часа [116, т. I, с. 488].

Главную причину отсрочки открытого вторжения английских войск в район Персидского залива осенью 1808 г. следует искать в событиях в Европе. До Минто дошли известия о высадке английских войск в Португалии. При сложившихся обстоятельствах высаживать войска одновременно в Иране означало попытку с негодными средствами, ибо на снабжение и значительную помощь из Европы рассчитывать в этом случае не приходилось. Сосредоточение шахских войск на юге Ирана, для отпора передовому отряду Малькольма показывало, что возможна такая ситуация, при которой Иран не капитулирует даже с прибытием английских подкреплений. У Малькольма было достаточно войск для того, чтобы захватить базы и берега Персидского залива, блокировав Иран; однако без помощи из Европы их было явно недостаточно, чтобы продвинуться в

глубь страны и принудить ее подчиниться английскому диктату. Реальной оказалась перспектива увязнуть в Иране. Опасения за результат открытого вторжения в конце концов возобладали, и оно было отложено до более благоприятного момента, когда ход событий позволит «возобновить персидские планы»²⁶.

Согласно инструкции Минто Малькольму, вопрос о вторжении в Персидский залив не снимался с повестки дня и экспедиция 1808 г. не прекращала своего существования. Первый эшелон войск, прибывший весной в Персидский залив, по-прежнему оставался там. Второй эшелон, находившийся в Бомбее, также был готов сесть на корабли в любой момент. Минто писал, что если притязания Джонса будут отклонены шахом на первом же этапе, то «никакого промедления нельзя допускать и намеченные меры следует осуществить». Командующему генералу Малькольму было приказано лишь перебазироваться в Басру, дабы «активно заняться нашими тамошними делами», и в то же время находиться неподалеку от возможного театра боевых действий в Иране, изучая обстановку, привлекая нужных людей и т. п.

Генерал-губернатор Индии предлагал рассредоточить войска, находившиеся в Заливе, переместить часть их в Басру, не вызывая, однако, подозрений, с тем чтобы избежать приема, который оказали англичанам местные правители — шейх Бушира и губернатор Фарса. Минто писал Малькольму, что последнему следовало держать при себе такой эскорт, который ему «действительно нужен для дел багдадских», если войска, ныне находящиеся в Заливе, «не могут быть приняты без подозрения в Басре». Предложение перебазироваться в Басру означало намерение англичан укрепить свои позиции и в этой части Залива, дальнейшее превращение его северо-западного угла в опорный пункт на Ближнем Востоке. Кроме того, Минто хотел оказать дополнительное давление и на турецкое правительство, имея в виду предстоявшее заключение договора с Турцией²⁷.

Как решение о посылке второго эшелона, так и отсрочка открытого вторжения в политику Англии ничего принципиально нового в ее отношения к Ирану не вносили: цели оставались теми же. Если бы военного давления со стороны Персидского залива и подрывной деятельности в Иране оказалось недостаточно, то в действие по-прежнему должен был вступить второй эшелон войск, находившийся «под рукой»²⁸. Угроза суверенитету Ирана продолжала оставаться: Джонс, как и его предшественник, по прибытии в Иран предполагал привести в действие весь механизм интриг, опираясь на Малькольма, перебравшегося в Басру. В своей инструкции Минто подчеркивал, что между Малькольмом и Джонсом должна быть (и была впоследствии) полная договоренность и согласованность в действиях.

Джонс прибыл в Бушир 13 октября 1808 г. [129, с. VIII]

вместе с военно-морским отрядом, включавшим тридцатишестипушечный фрегат «Нереида» и другие суда. Показательно обращение Джонса с местными иранскими властями. Он потребовал, чтобы шейх Бушира Абдалла Расул выразил ему почтение, лично явившись со своими приближенными на английский корабль. Еще не ступив на землю Ирана, Джонс угрожал, что, если шейх не выполнит этого требования, ему придется отвечать перед правительством его величества. Церемония приема шейха Джонсом была устроена унижительным образом. Так, Джонс специально распорядился дать салют из корабельных орудий над головами гостей. «Их заволокло дымом, пыжи летели близко у глаз» [129, с. 11, 13].

Прибытие Джонса, как и Малькольма, в Бушир сопровождалось спровоцированными им беспорядками. Морьер, приехавший вместе с Джонсом, писал: «Наше пребывание в Бушире было отмечено ниспровержением власти шейха», которого он характеризовал как вялого, распутного и невоинственного молодого араба. Это описание Морьера, однако, плохо вяжется с представлением, которое складывается при рассмотрении действий Абдаллы Расула во время четырехмесячного визита в Бушир Малькольма. Тогда шейх активно боролся с англичанами. Организованное им сопротивление было одной из причин краха экспедиции Малькольма.

Очевидно, дело не в отсутствии способностей у Абдаллы Расула, а в том, что его действия были не по нраву английским захватчикам. Подкупам или интригам они добились того, что шейх был оклеветан перед шахом и губернатором Фарса. Англичане же были непосредственными соучастниками ареста шейха: его схватили (25 октября) в момент, когда он пришел на аудиенцию к Джонсу, заковали в цепи и бросили в тюрьму [129, с. 15, 18].

Преемником Абдаллы Расула был назначен человек явно проанглийской ориентации — Мухаммед Нуби-хан, участник иранского посольства в Индию в 1801 г. В бытность Джонса чиновником в Басре Мухаммед Нуби-хан обучал его персидскому и арабскому языкам. Относительно других лиц, через которых действовал Джонс, встречаются намеки в книге Морьера. Так, в качестве ближайшего друга Джонса представлен один из спутников Абдаллы Расула — Абдалла-ага, который был знаком с Джонсом во время его пребывания в Багдаде [129, с. 23 и 12].

Находясь в среде приближенных шейха и зная все его секреты, Абдалла-ага, очевидно, выдал их англичанам, которые использовали эти сведения для осуществления переворота в Бушире. Немалую роль в этом деле, видимо, сыграл и «английский действующий агент» в Ширазе Джафар Али-хан, через которого были переданы письма Джонса как губернатору Фарса, так и главе правительства Ирана²⁹. Устроенная англичана-

ми смена правителей в Бушире сопровождалась смутами и беспорядками. Морьер писал, что «лавки были закрыты, улицы заполнили толпы мужчин, тащивших свои пожитки, и их жен и дочерей, которые били себя в грудь с рыданиями и громкими причитаниями» [129, с. 29, 23].

Провоцируя беспорядки в Бушире и оказывая давление на губернатора Шираза, Джонс, как и Малькольм, продолжал угрожать шаху новыми междоусобицами и заменой его на троне привезенным из Индии ханом. В пересланном через своих агентов письме Джонс требовал заключения союза против России и Франции, предлагал субсидию для продолжения Ираном военных действий на севере, угрожая при этом началом военных действий на юге [109, с. 58, 59].

Во время длительных переговоров о том, чтобы его приняли в Тегеране, Джонс применял интриги и подкупы. По поводу последних даже биограф Малькольма выражал удивление, подчеркивая, что Джонс и не пытался придать взяткам видимость подношения подарков: он «открыто давал деньги; в одном случае он положил на поднос вексель на пятьдесят тысяч пиастров» [116, т. II, с. 12].

Пока Джонс угрозами, интригами и золотом пробивал себе дорогу в Тегеран, находясь на территории Ирана, Малькольм в Бомбее готовил второй эшелон английских войск. 3 января 1809 г. он писал Артуру Уэлсли: «Я сейчас нахожусь в Бомбее и отправлюсь в Залив через десять дней с замечательно подобранным небольшим отрядом около 2 тыс. человек, за которыми последуют, если потребуется, еще 3—4 тыс. Цель вы знаете: укрепиться на о-ве Харк и занять позиции на берегах Персии и в Восточной Турции. Мы лустим в ход наши резервы и заложим на занятых местах такой фундамент, на котором сможем воздвигнуть любое здание» [116, т. I, с. 447—448]³⁰.

Письмо Малькольма было написано в начале января. Однако недели через две, как уже отмечалось, положение изменилось. В связи с неблагоприятным для англичан оборотом дел в Европе оказалось, что начало военных действий на Ближнем Востоке в тот момент — опасная авантюра. В конце января — начале февраля генерал-губернатор Индии направил официальное и личное письма Малькольму. Ссылаясь на то, что шах Ирана продолжал находиться между двух огней, Минто писал, что это обстоятельство будет способствовать успеху Джонса. Что же касается захвата Харка, «хотя и все еще очень желательного», то военная экспедиция приведет к «весьма обременительным расходам», которых лучше бы избежать, ибо «влияние европейских событий на дела и политику нашей индийской империи изменилось вместе с первыми результатами соперничества в Испании» [116, т. I, с. 451].

Минто предлагал на время более осторожную линию — обеспечить тылы в Индии и воздержаться от применения «военной

силы и мер открытой враждебности» в отношении Ирана. Считая, что вопрос об уступке Харка можно решить путем переговоров, он уверял, что Иран «не откажет в такой жертве». Во время переговоров он снова рекомендовал употреблять такое характерное для лицемерной английской политики определение захвата острова, как «дружественная оккупация», и подсаживал возможность включения пункта об уступке острова в окончательный англо-иранский мирный договор.

На случай, если шахское правительство, несмотря на его, Минто, прогнозы, не пойдет на подобный шаг, он намечал еще один путь к достижению цели: по любому поводу требовать у Ирана «незначительных постов» на о-ве Харк (вроде сооружения временной пристани, затем склада припасов, потом установления английской сторожевой охраны и т. д., пока остров фактически не превратится в английскую базу). Как и четыре месяца назад, Минто в принципе не возражал против военной экспедиции в Персидский залив, но, принимая в расчет положение в Европе, считал, что ее нужно осуществить «в ограниченных масштабах». Учитывая вероятность того, что его письмо не застанет уже Малькольма в Бомбее, он добавлял: «Если вооруженные силы уже отплыли и выполняют свою задачу, я не собираюсь возвращать экспедицию с о-ва Харк».

Таким образом, за десять месяцев, истекших со времени появления первого эшелона английских войск в Персидском заливе, положение в этом районе продолжало осложняться в связи с прибытием дополнительных сил с Джонсом в октябре 1808 г. и завершением подготовки второго эшелона в Индии в январе 1809 г. Напряженность усиливалась также вследствие деятельности английской агентурной сети, раскинутой в южных провинциях Ирана, происков Джонса и интриг англичан в Басре и Багдаде. К началу февраля 1809 г. перед шахским правительством со всей очевидностью встал вопрос: либо в проведении внешней политики подчиниться английскому диктату (что должно было выразиться в немедленном разрыве отношений с Францией и принятии на себя ряда выгодных Англии обязательств), либо осуществить решительные меры для обороны о-ва Харк и берегов Залива. Поскольку французское правительство ограничивалось лишь словесными обещаниями помощи, шах по настоянию Джонса предложил Гардану в начале февраля покинуть Иран, заявив ему, что, «покинутый Францией, он стал слишком слабым», чтобы сопротивляться «англичанам в центре своего государства». Сам Гардан считал, что шах и двор «уступили обстоятельствам» [109, с. 59]. В эти дни он писал, что шах находится в отчаянном положении: на севере продолжается война с Россией, а с юга «вот-вот начнет вторжение Англия, которая одной рукой предлагает войну, а другой — роковое содружество» [117, с. 94]. 13 февраля Гардан уехал из Тегерана, а уже 14 там появился Джонс.

Такова была ситуация, позволившая Джонсу заключить в марте 1809 г. так называемый «предварительный англо-иранский договор» [92, т. X, с. 45—48]. Собственно говоря, для Англии этот договор был лишь клочком бумаги, ибо англичане даже не собирались его ратифицировать, а Минто в письме Малькольму с отменной откровенностью писал: «Когда я говорю, что мы обязаны выполнять этот договор, я разумею верное исполнение его Персией» [116, т. I, с. 508]. Следовательно, этим договором англичане хотели лишь навязать свои условия Ирану.

Действительно, ни к чему не обязывая Англию, договор 1809 г. аннулировал все ранее заключенные Ираном соглашения и договоры с другими европейскими странами, а заключение таковых впредь ставилось под контроль англичан (ст. II). Далее, в случае похода афганцев в Индию шах обязывался напасть на них с тыла (ст. IV). При этом в войне между Ираном и афганцами англичане не обязывались принимать никакого участия, навязывая себя в качестве арбитров лишь на время переговоров о мире между этими сторонами (ст. VII). Кроме того, шах обязывался не пропускать через свою территорию никакие европейские войска.

Статьи о пребывании английских войск в Персидском заливе заметно отличались от соответствующих статей договора 1801 г. Если ранее прибытие сюда английских войск обуславливалось появлением французов, то теперь англичане получили свободу снаряжения любых экспедиций в Залив, причем военные экспедиции типа малькольмовской лицемерно выдавались в договоре за благодеяние шаху Ирана, считаясь находящимися в его распоряжении; численность, цели и продолжительность такой экспедиции англичане оставляли на свое усмотрение (ст. V и VI). Таким образом, шах имел «в своем распоряжении» английский военно-морской отряд, нацеленный на захват Харка еще с мая 1808 г.³¹ Так, пользуясь слабостью Ирана, англичане попрали его суверенные права на территориальные воды Залива и ступили одной ногой в районы, где впоследствии ими были созданы опорные пункты дальнейшей экспансии.

По договору 1809 г. Англия представляла Ирану на продолжение войны с Россией 150 тыс. туманов. Чтобы оценить мизерность этой суммы, достаточно сказать, что Джонс дал взятку в 35 тыс. туманов только за то, чтобы удалить французского представителя Жуаннина из Тебриза³².

Отношение Англии к выплате указанной субсидии высказано в письме Минто Малькольму, написанном в июле 1809 г. В нем Минто предлагал в случаях, когда англичанам станут пенять на несоблюдение пунктов договора, отговариваться тем, что английское правительство отказалось его ратифицировать. «Мы обязаны выполнять главные и ведущие условия договора,— писал Минто.— Под этим я разумею обусловленную помощь

против Франции и России. Что касается предоставления помощи Ирану после заключения мира между Россией и Англией, то мы не сможем ни утвердить этот пункт, ни в полном смысле слова отказаться от него. Это пункт имперской политики» [116, т. I, с. 510]. Из этого высказывания генерал-губернатора Индии со всей очевидностью следует вывод, что стержнем английской политики в Иране в первые десятилетия XIX в. было бесконечное продолжение провоцирования его войны с Россией.

Как уже отмечалось, англичане были заинтересованы в продолжении русско-иранской войны в первую очередь потому, что при возрастающей зависимости Ирана от Англии война превращала его в орудие английской экспансии на Кавказ и в Среднюю Азию. Провоцирование войны было прямым следствием политических решений, принятых на военном совете при генерал-губернаторе Индии 30 августа 1808 г., где был одобрен план Малькольма. Напомним его рекомендации, гласившие, что основным рычагом политики Англии в странах, прилежащих к Персидскому заливу, является провоцирование войн, междоусобиц, ослабление этих стран в целях их колонизации. Что касается Ирана, то военная кампания 1809 г., как и вся война с Россией, ничего ему не принесла, кроме разорительных расходов, а предварительный договор с Англией оказался непыльным ярмом.

Укрепляя свои позиции на Персидском заливе как на исходном плацдарме и ставя своей целью расширение экспансии в северном, западном и южном направлениях, английские власти в начале 1810 г. направили в Залив подготовленный в Индии еще год назад второй эшелон войск под командованием Малькольма.

Иранский автор Махмуд Махмуд простодушно считает, что теперь Малькольм был «в одежде мира», не заметив, что и на этот раз он вез под полой новую войну Ирану [49, т. I, с. 82]. Полностью одобряя намерения Малькольма, Минто инструктировал его так: положение в Иране требует бдительного надзора и рук, «которым можно довериться не глядя, если какой-либо неожиданный случай побудит к действиям». Одновременно с подстрекательством Ирана к дальнейшей войне с Россией Малькольм имел целью потуже затянуть петлю на шее Ирана пересмотром договора 1809 г. «Поле будет открыто для ваших усилий, — заверял Минто, — чтобы, наконец, установить наше влияние новыми соглашениями, соответствующими обстоятельствам» [116, т. I, с. 509—510].

Эскадра Малькольма из 17 кораблей прибыла в Бушир в феврале 1810 г. [13, д. 5, л. 119]. На борту находилось, по одним известиям, 2 тыс., по другим — даже 3 тыс. человек³³, из которых шах разрешил пропустить в глубь страны, в Шираз, не более 500 [13, д. 5, л. 130; 87, д. 421, л. 92]. Малькольм привез 200 тыс. руб. (в пересчете на русские деньги), сто медных пу-

шек, разного рода мастеров литья орудий и строительства судов, многочисленных инструкторов [13, д. 5, л. 100]. В состав третьей и последней экспедиции Малькольма входили также специально подготовленные агенты — разведчики. Некоторые из них снискали впоследствии на этом поприще громкую славу: Эллис, Макдональд, Поттингер, Линдсей. Двое других — Кристи и Грант — погибли в Иране в начале своей карьеры [117, с. 95]. Разведчики разъехались по всей стране, обследуя Белуджистан, Мекран и другие южные провинции Ирана. Сам Малькольм направился в военный лагерь наследника престола Аббас-мирзы под Султанией, надеясь оказать давление на него. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, ибо Аббас-мирза командовал иранской армией против турок. Обещая увеличить субсидию еще на 50 тыс. туманов в случае начала новой русской кампании, Малькольм тем самым содействовал продолжению войны с Россией.

В свое время за помощь шаху англичане требовали у Ирана предоставить в их распоряжение гавани Каспийского моря. В 1810 г. они снова попытались проникнуть в бассейн Каспийского моря, рассчитывая получить разрешение шаха на строительство в его портах судоверфи для английских военных кораблей [87, д. 422, л. 92—93]. Едва причалив к буширской пристани, Малькольм хотел послать агентов на разведку в северные иранские провинции «для осмотра и описи берегов» Каспийского моря в целях «приискания удобного места к постройке судов» [13, д. 5, л. 119 и 117]. Шах понимал, что чрезмерная активность англичан близ русско-иранских границ еще более запутает отношения Ирана с Россией. Кроме того, он был научен горьким опытом хозяйничанья англичан в водах Персидского залива и отказал Малькольму. Не подлежит, однако, сомнению, что английские агенты все-таки обследовали берега Каспийского моря.

Продолжались происки Малькольма и в районе Басры — Багдада, но оба агента, тайно посланные им в Багдад, были убиты еще на территории Ирана. Иранским властям было ясно, что интриги англичан в Багдаде направлены на упрочение там влияния Англии в ущерб интересам Ирана.

Следует отметить, что поставляя оружие и провоцируя продолжение ирано-русской войны, англичане прекрасно сознавали всю безнадежность дальнейшего ведения ее для Ирана. Поэтому, проведя глубокую разведку в Иране, Малькольм уже в июле 1810 г. поспешил уехать оттуда. В донесении Минто он сообщал: «При настоящем положении персидской армии нет надежды, что из моего дальнейшего пребывания здесь выйдет что либо стоящее» [116, т. II, с. 29].

Анализ вояжа Малькольма показывает, каким базам в Персидском заливе англичане придавали первостепенное значение. Еще в 1808 г. генерал-губернатор Индии собирался отправить

Малькольма в северо-западный угол Залива ради упрочения там английского влияния, а в 1810 г. Малькольм поехал с соопределяющей миссией в Багдад. Как и в других случаях, появление представителя англо-индийской администрации в Багдаде было сопряжено с интригами и смутами. Не прошло и месяца с момента его приезда (сентябрь 1810 г.), как там произошли чрезвычайные события.

Хотя издатель документов Малькольма не опубликовал бумаги, раскрывающие его деятельность в Багдаде, из других источников известно, что Малькольм посылал туда своих тайных агентов еще из Ирана. Таким образом, уже заранее готовилась почва для действий англичан по программе, намеченной пунктом четвертым плана Малькольма³⁴. Судя по тому, что англичане выражали явное неудовольствие багдадским пашой, он им мешал. Наиболее вероятно, что Малькольм предложил паше английскую помощь, с тем чтобы привлечь его на свою сторону и побудить отложиться от султана; по такой схеме англичане неоднократно действовали во взаимоотношениях с различными правителями района Персидского залива³⁵. В результате паша должен был оказаться в английских сетях, а на случай, если английская «помощь» будет отклонена, существовал план заменить его более покладистым лицом заведомо проанглийской ориентации. Поскольку действия британских агентов в Турции и Малькольма в Иране были согласованы, отъезд Малькольма из Ирана естественно связать с сообщением, поступившим к нему из Багдада, о намерении султана сместить пашу. Дальнейшие события подтверждают такую догадку: Малькольм появился в Багдаде буквально за несколько дней до подхода султанского отряда, направленного туда, чтобы сместить пашу. Малькольм расположился лагерем в окрестностях города, усилив этим позицию тамошнего резидента Рича.

В результате стычки между сторонниками паши и отрядом султана в Багдаде вспыхнула кровавая междоусобная борьба. Малькольм терпеливо выжидал исхода резни. В конце концов силы паши стали иссякать, и в критическую минуту ему ничего не оставалось делать, как обратиться за «помощью к Малькольму и его друзьям».

Именно в этот момент англичане предали жертву своих интриг. Несмотря на то что паша «заклинал резидента... заверениями в дружбе» и просил о помощи, тот лицемерно ответил, что, «каковы бы ни были его личные чувства, его общественная роль и отношения, в которых находится его правительство с Портой, препятствуют всякой возможности его вмешательства» [116, т. II, с. 41—43].

6 октября шпионы Малькольма предупредили его о приближающейся развязке. Вокруг лагеря был усилен караул, выставлены пикеты, так как не исключалась возможность, что турецкие войска, покончив с пашой, примутся за английского резиде-

дента Рича и Малькольма. В ночь с 6-го на 7-е в лагерь Малькольма прибежал приближенный паша (в действительности платный агент англичан) Деван-эфенди, который в свое время «оказал очень серьезные услуги мистеру Ричу в его прежних спорах с пашой и был предан английскому правительству», а 7-го утром паша был убит [116, т. II, с. 42—43]. Таким образом, лицо Деван-эфенди выясняется с достаточной четкостью — он был шпионом и провокатором при паше. При его посредничестве багдадский паша оказался опутан сетью английских интриг.

На место убитого был поставлен неопытный 18-летний юноша, с которым Малькольм был знаком еще с 1801 г., т. е. тот, кто уже был давно на примете у англичан.

Таким образом, английские интриги в Багдаде велись по той же схеме, что и в Бушире, где появление Джонса тоже сопровождалось сменой властей: на место прежнего шейха был посажен человек проанглийской ориентации.

Через десять дней после смены правителей в Багдаде Малькольм счел свою задачу выполненной и отправился в обратный путь в Индию. Во время остановки в ноябре в Маскате он спровоцировал там военные действия, в ходе которых англичане предали местного правителя сеида Саида. Одновременно английский флот совершал карательные экспедиции вдоль побережья Персидского залива, чтобы подавить сопротивление местного населения³⁶. Практически продолжалась британская оккупация территориальных вод Залива. Провокации и хозяйничанье англичан на Заливе облегчались тем, что Англия сумела отвлечь силы и внимание иранского правительства на север.

Через несколько месяцев после отъезда Малькольма в Иран прибыл Оузли. Он привез, наконец, давно обещанную денежную субсидию — 200 тыс. туманов, причем в счет этой суммы были поставлены 12 орудий с 12 тыс. зарядов, 12 тыс. ружей и сукно для обмундирования 12 тыс. солдат³⁷. С Оузли прибыло большое число военных инструкторов. Все это предназначалось, разумеется, для продолжения войны с Россией. В конце февраля 1811 г. генерал Тормасов доносил министру иностранных дел Румянцеву: «Англичане же, в Тавризе находящиеся, со всею деятельностью обучают персидских артиллеристов и наставляют от наследника Персии, чтоб, собрав более войска, непременно следовать в наши границы и произвести решительные действия» [13, д. 5, л. 148].

Как и его предшественникам, Оузли было поручено воспользоваться поставкой обмундирования и припасов, чтобы опутать Иран сетями нового договора, усугублявшего зависимость страны от Англии. Заключенный им новый англо-иранский договор 1812 г., как и договор 1809 г., не был ратифицирован британской стороной и тоже являлся лишь ступенью на пути упрочения английских позиций в Иране, заметно расширившихся с

1809 г. Англо-иранский договор 1812 г. был, кроме того, направлен своим острием против России: он был подписан в марте, всего за три месяца до вторжения в Россию Наполеона. В нем нашло отражение новое направление английских колониальных интересов — в бассейн Каспийского моря. Позднее некоторые его статьи легли в основу окончательного договора 1814 г.

Если по договорам 1800 и 1809 гг. англичане обязывали Иран воевать ради сохранения и укрепления английского владычества в Индии в случае нападения на нее афганцев, а также не пропускать иностранные войска через его территорию, то договором 1812 г. Ирану было навязано обязательство вступать в войну за английские интересы во всех случаях, если кем-либо будет предпринята попытка пройти «через Хорасан, Таристан, Бухару, Самарканд или по другим дорогам» (ст. I). Шах обязывался не допускать на свою территорию «ни одного европейца», неугодного англичанам³⁸.

Требую вступления Ирана в войну за их интересы, англичане не брали на себя твердых обязательств оказывать Ирану помощь в случае его войны с любым государством на собственно иранской территории. Вопрос о предоставлении помощи ставился в зависимость от решения генерал-губернатора Индии (ст. II).

По договору 1812 г. англичане особенно заботились о том, чтобы Иран обладал военно-морским флотом в... Каспийском море. Английский король выражал готовность предоставить Ирану для строительства на Каспийском море флота «офицеров, матросов, кораблестроителей, плотников и т. д.». Таким путем Англия не только провоцировала Иран на дальнейшую войну с Россией, но и преследовала свои экспансионистские цели.

Ст. IX договора гласила, что британское правительство готово направлять в Персидский залив военные силы для «помощи» Ирану, причем Иран обязывался оплатить расходы, связанные с нею.

Договор 1812 г. сохранял соответствующую статью предыдущего о том, что английские военно-морские отряды могут входить в Персидский залив без всякого разрешения и только для высадки в определенных портах требовалось разрешение шаха.

Характерна ст. XII: «Цель этого договора и соответственно желание... договаривающихся сторон оказать взаимную поддержку и тем самым усилить, консолидировать и расширить их власть и владения (?) ради защиты от агрессии (!) врагов... Его Британское Величество выражает желание помешать иностранным государствам вторгнуться в Персию и с его (договора) помощью поднять ее политическое значение и увеличить ее территорию».

Опасаясь, как бы расширение английской территории не произошло за счет Ирана, шахские власти настояли на включении

в договор статьи о том, что, «если одна из соперничающих партий предложит какую-либо провинцию в целях получения помощи, британское правительство не согласится на подобное предложение, а приняв его, не овладеет этой частью Персии». Статья, конечно, не случайна. В ней отражен опыт шаха, полученный в результате вторжения английской военной экспедиции в Персидский залив в 1808 г. с целью оказать поддержку «некой партии». Провоцирование местных правителей и обращение последних за помощью англичане использовали неоднократно. Так, они «помогали» сеиду Саиду, паше Багдада и другим мелким шейхам и правителям района Персидского залива, и все они после этого стали вассалами англичан. Аналогичные действия практиковались англичанами и в отношении хорасанских ханов [73, с. 39].

Несмотря на все усилия английской дипломатии и военщины затянуть русско-иранскую войну, дальнейшее ведение ее Ираном было лишено всякого смысла: ему не помогло ни нашествие Наполеона на Россию, ни английское оружие и инструкторы; отсталость и слабость привели его, в конечном счете, к поражению. В 1813 г. был заключен русско-иранский договор, в который был специально внесен пункт, запрещающий Ирану иметь флот на Каспийском море и таким образом пресекавший английский экспансию в этом направлении.

Стремясь не выпустить Иран из своих рук и закрепить его зависимость, Англия возобновила переговоры о заключении окончательного договора, который и был подписан 25 ноября 1814 г. Благодаря ему Англия монополизировала внешнюю торговлю Ирана, шедшую в основном через Персидский залив, а также подчинила своему контролю весь район Залива. Этот контроль был установлен силой английского оружия, что противоречило ст. II и IX договора.

Окончательный договор узаконил пребывание английских вооруженных сил в Персидском заливе. По ст. II английский флот, базирующийся на о-ве Харк, «поступал в распоряжение шаха» и должен был оказывать помощь Ирану. Однако оговорки, включенные в эту статью, имели целью не помощь Ирану, а обеспечение интересов англичан. Так, содействие шаху флотом обуславливалось «осуществимостью» предприятия с точки зрения англичан, т. е. любое предприятие шаха в Персидском заливе оказывалось в прямой зависимости от их интересов. Правда, та же статья запрещала английским судам входить в порты Ирана, «кроме случаев абсолютной необходимости», однако к таким случаям англичане могли причислить (и причисляли впоследствии) любые навязанные Ирану «визиты» и даже карательные экспедиции вдоль северного берега Персидского залива. Рассматривая эту статью договора, иранский историк Фаруги замечает, что таким путем англичане постепенно от роли партнера Ирана в районе Персидского залива пере-

шли к роли арбитра [106, с. 77]. С нашей же точки зрения, договор 1814 г. не являлся исходным моментом в процессе перехода от роли партнера к роли арбитра (этот процесс занял вторую половину XVII и весь XVIII в.), а официально закрепил за Англией положение единственной военно-морской державы в Персидском заливе. Уже в десятых годах XIX в. британский резидент выступал в роли третейского судьи во время междоусобий местных шейхов.

Англо-иранский договор 1814 г. содержал также статьи, касающиеся торговли, которая с начала XIX в. стала приобретать черты неравноправной. Уже в 1807—1808 гг. Гардан писал, что внешняя торговля в Иране велась почти исключительно англичанами [109, с. 39].

В самой Англии кризис перепроизводства начался еще в последние годы XVIII в., поэтому вопрос о рынках сбыта в 1810-х годах стоял для нее особенно остро: страна шла к новому кризису, разразившемуся в 1815 г. В те годы англичанин Букингэм писал о том, что Ост-Индская компания находилась в трудном положении, поскольку была обязана ежегодно вывозить определенное количество товаров, а это требовало расширения рынков сбыта [96, т. II, с. 115].

В начале XIX в. Иран экспортировал: шелка (из Йезда, Кашана, Гиляна), исфаханские ковры, шерсть, хлопок, ширазское вино, розовую воду и масло, фрукты, лошадей и мулов [111, с. 43]. Его импорт (в основном из Индии через Персидский залив) включал: рис, сахар, индиго, перец и другие специи, бенгальские ткани, железо, сталь, олово, свинец и шерстяные ткани, главным образом английские цветные сукна (из Бомбея). Все статьи иранского экспорта, «однако, не достигают одной трети стоимости импорта», — писал Букингэм, т. е. торговля уже не была равноправной. В начале XIX в. англичане вывозили также из Ирана монету — испанскую, немецкую, венецианскую, но главным образом «персидские рупии» [96, т. II, с. 115]. Некоторые английские авторы включают в этот список и золотые и серебряные слитки [111, с. 43].

Торговля велась как самими англичанами, так и лицами, находившимися под их покровительством. «Кроме крейсеров, фрегатов, небольших арабских судов и местных баркасов Персидский залив обычно посещают 10—12 больших кораблей из Индии, которые торгуют в Персидском заливе под защитой нашего флага. 7—8 из них делают по два рейса в год», — писал Хойд о торговле в десятые годы XIX в. [111, с. 42]. «Современная торговля Персии с Индией», — писал в 1816 г. Букингэм, — «ведется в среднем 12—15 судами из Бенгалии и Бомбея» [96, т. II, с. 115].

Английские суда с товарами чаще всего заходили в Бушир, Маскат и Басру — основные порты Залива. В Бушире, главном порту Ирана, выгружалась большая часть товаров; остальные

распределялись между Маскатом, Басрой, Бахрейном и другими островами Персидского залива.

В торговле Персидского залива принимали участие также арабские суда и местные баркасы. Хойд объяснил, что разумелось под названием «арабское судно». Он писал: «Мы плыли из Бомбея на так называемом арабском судне, т. е. судне, построенном в Англии и плавающим под английский флаг. Хозяин же его был арабским купцом. Арабские суда следует считать среди низших классов торговли нашей страны» (так в тексте.— *Н. Т.*) [111, с. 19]. Это свидетельствует о том, что среди судов, именовавшихся «арабскими», зачастую были такие, которые обслуживали английскую торговлю, причем ее «низший класс».

Что же касается местных баркасов, то они, конечно, имели слишком малый тоннаж. Тем не менее и эта конкуренция казалась Ост-Индской компании помехой ее торговле. В следующей главе описаны случаи, когда англичане сжигали суда местных жителей. Под маской борьбы с пиратами они стремились, помимо прочего, к устранению даже таких ослабевших конкурентов, как торговцы с побережья и островов Персидского залива. Как будет видно из дальнейшего, те немногие местные суда, которые сохранились после военных экспедиций англичан, были в 1820 г. поставлены под английский контроль, пополнив категорию «арабских судов», только еще более низким классом английской же торговли.

Таким образом, в первой четверти XIX в. английские захватчики овладели внешней торговлей Ирана через Персидский залив. Наводнение иранского рынка импортными товарами серьезно препятствовало развитию иранской промышленности. Вывоз из Ирана хлопка, шерсти, т. е. сырья для английской промышленности, имел в то время еще небольшой удельный вес в общем торговом балансе страны. В целом же превращение Ирана в рынок сбыта английских товаров и источник сырья уже началось и с течением времени шло все более быстрыми темпами.

В начале XIX в. в Иране уже имелись зачатки промышленности. В Тебризе, например, по словам Бороздны, были «шелковарня, красильня, крутильня для шелка, фабрика шелковых изделий, фабрика, где делают бумажный холст, мыловарня, кожевенный завод, фабрика азиатской фарфоровой посуды, небольшой пороховой завод, фабрика глиняных трубок простых и с позолотой и кузницы» [32, с. 103]. Как видим, все предприятия относились к легкой промышленности, тяжелая (в частности, горная) в этот период только зарождалась. Однако и здесь не обошлось без вмешательства англичан, которые уже тогда вели разведку недр Ирана. Бороздна писал о пребывании в Иране англичан, которые приехали туда «для рудокопных открытий», но их поиски тогда не увенчались успехом [32,

с. 96]. Не без контроля англичан происходила добыча иранцами руды, свинца и работа порохового завода, о чем упоминает в своем дневнике генерал Ермолов в 1817 г. Литейным делом также распоряжались англичане, благодаря тому что мастера литья обучались в Индии [87, д. 642, л. 41—42].

Англичане стремились внедриться во все области жизни Ирана. Начальник штаба британских войск в Индии полковник Джонсон, характеризуя принципы, которым должны были следовать его соотечественники, находясь в зависимой от Англии стране, одним из важнейших моментов считал упрочение английского влияния во всех отраслях управления: политической, юридической, гражданской, торговой [115, с. 202]. И хотя эта характеристика дана применительно к политике в Индии, она практиковалась колонизаторами повсюду, куда они проникали, в том числе и в Иране, где после заключения договора 1814 г. они особенно интенсивно развернули свою, по существу, подвинувшую деятельность.

О размахе английского вмешательства в различные области жизни Ирана свидетельствуют русские источники, в том числе документы посольства в Иран генерала Ермолова в 1817 г., в частности его дневник. Так, Ермолов неоднократно обращал внимание на то, что дело военного обучения, особенно при дворе наследника иранского престола Аббас-мирзы (где, кстати сказать, были единственно боеспособные силы Ирана), отдано в руки англичан. Перед выставленной для встречи Ермолова шеренгой иранских солдат стояли английские офицеры. Дворцовой охраной Аббас-мирзы командовал также английский офицер. Артиллерия была английской, кавалеристы носили английские сабли. В регулярных войсках командирами были только англичане. «Англичане распространили в Иране монополию на самое военное искусство, которого никто доселе в них не признавал», — писал не без иронии Ермолов. Методы военного обучения красноречиво характеризуют «цивилизаторскую» роль англичан в Иране. На глазах офицеров из состава посольства Ермолова английские инструкторы били стоявших во фронт иранцев кулаком по лицу [87, д. 642, л. 7—10, 41—43].

Англичане старались использовать каждую лазейку, чтобы как можно шире и глубже распространить свое влияние в стране. Для того чтобы втереться в доверие к шаху, Аббас-мирзе и виднейшим иранским сановникам, они не останавливались перед лестью, заискиванием, в частности, с готовностью выполняли весь униженный церемониал приемов при дворе. В своем дневнике член миссии Ермолова Соколов писал, что англичане «соблюдают все униженности, которые отличают в Персии нукеров (рабов) от властителей». В то же время они щедро рассыпали вокруг золото, стараясь «ослепить» шаха и его придворных.

А в районе Персидского залива, где они чувствовали свою

силу, английские колонизаторы использовали иные средства — орудия и штыки. Они проводили одну за другой карательные экспедиции по побережью и островам залива против местного населения (см. гл. IV). Тот же Соколов писал, что англичане стремились присоединить к территориям, захваченным в Индии, «выгодные позиции на берегах Персидского залива с подстрекательством во все то время к продолжению военных действий с Россией... для отвлечения всем тем внимания недальновидного кабинета тегеранского от их затей к стороне Индии, с тайным при том возбуждением бунта хорасанского противу власти шахской, до ныне продолжающегося» [73, с. 37, 39].

Подстрекательство Ирана к войне с Россией англичане продолжали на протяжении всей первой четверти XIX в. Эту же цель преследовали и заключение ими договора 1814 г., наводнение Ирана английскими инструкторами, возбуждение реваншистских настроений в иранских правящих кругах — короче, вся явная и тайная деятельность британских агентов в Иране. Свою политику в этой стране англичане строили на далеко идущих экспансионистских планах.

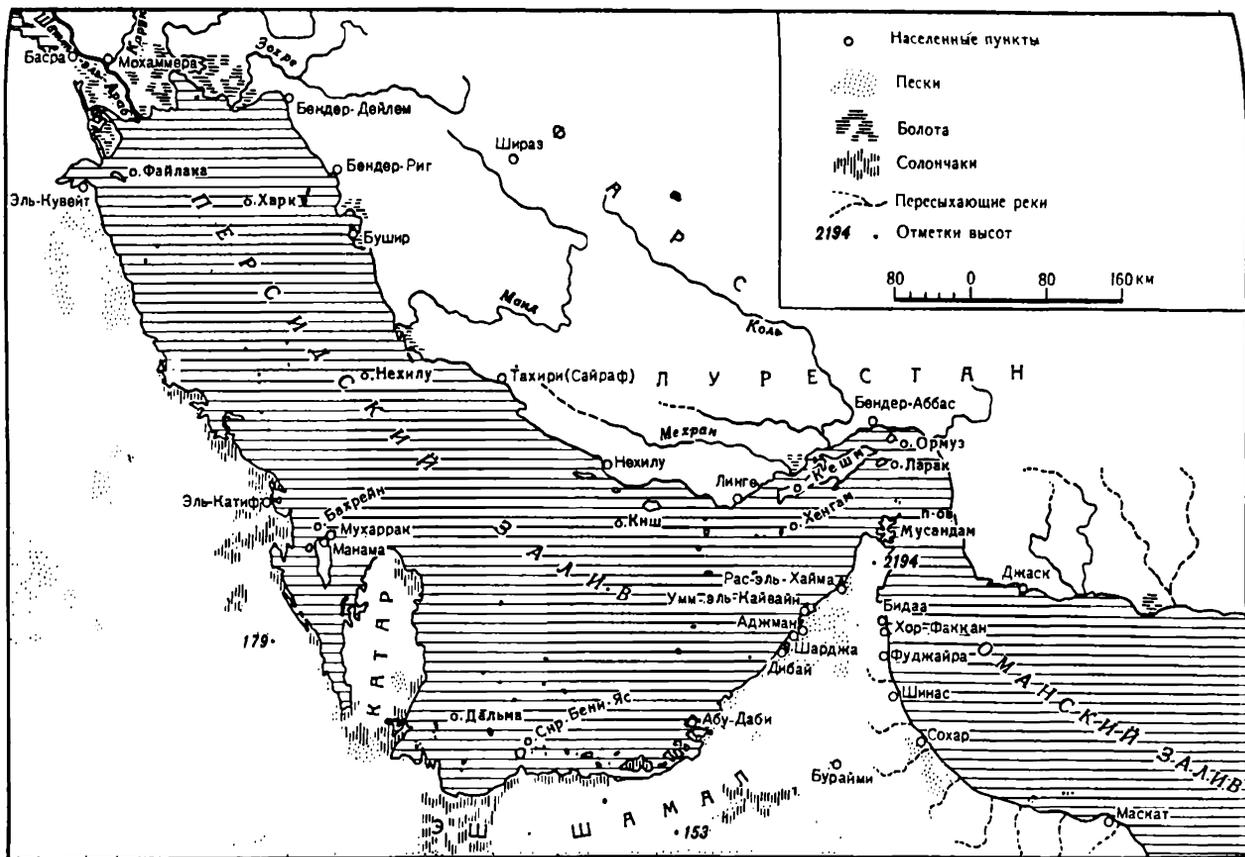
Шахское правительство, прислушивавшееся к голосу англичан и рассчитывая на их поддержку, обусловленную договором 1814 г., развязало в июле 1826 г. новую войну с Россией. Иран снова оказался в критическом положении, и шах обратился за помощью к подстрекателям, но, как писал В. И. Ленин, «Англия надула Персию — это-де не подходит под наш договор!!!» [11, с. 705].

Британская политика в шейхствах

Самым крупным княжеством на южном берегу Оманского и Персидского заливов в XVII—XVIII вв. был Оман. Территория, занимаемая им, охватывала восточный угол Аравийского полуострова. Западная граница княжества обычно доходила до оазиса Бурайми¹. Географическое положение Омана обеспечивало его правителю господство над торговыми путями из Персидского залива в Аравийское море. Значение Омана как выгоднейшей позиции и сторожевого поста на индо-иранских путях ценилось колонизаторами всех времен.

Оманские правители обычно носили титул имама, т. е. духовного главы государства, и таким образом совмещали в одном лице светскую и духовную власть. В политической истории Омана XVII в. наиболее известны имам Насир ибн Муршид, принудивший португальцев сдать укрепления на побережье (к моменту его смерти в 1649 г. португальцы удерживали лишь цитадели Маската и Матры), и Сайф ибн Султан, при котором Оман на время стал самым сильным государством на южном берегу Персидского залива. Войска Сайфа ибн Султана изгнали в конце XVII в. португальцев из последних оплотов в Восточной Африке и присоединили к Оману эти земли. Во время междоусобиц первой половины XVIII в. имамы в зависимости от прочности своей власти то выражали подданство Ирану, то старались урвать кусок побольше на северном побережье Персидского залива. Иمامу Сайфу ибн Султану дважды пришлось обращаться к Надир-шаху за помощью в борьбе с соперниками, но это не спасло его от поражения в феодальной распре. На политической арене Омана в середине 40-х годов XVIII в. наиболее сильной фигурой оказался губернатор Сохара Ахмед ибн Саид. Кровные родственники правящей династии аль-Гафири погибли в братоубийственной войне, которая длилась не одно десятилетие и истощила силы племен, служивших опорой соперничающих группировок. В этих условиях Ахмед ибн Саид провозгласил себя в 1749 г. имамом, положив начало династии Саидов, правящей и в наше время.

Имам Ахмед ибн Саид был также купцом и судовладельцем. Не без основания Келли пишет, что основой власти в Омане при Ахмеде стали торговля и мореплавание, наибольшие

Персидский залив на рубеже XVIII—XIX вв.

доходы государство получало от таможенных сборов. Этим имам Ахмед отличался от прежних правителей, делавших упор на землевладение [117, с. 10]. При Ахмеди положение Омана заметно упрочилось. Он имел сильную, хотя и небольшую, регулярную армию, довольно значительный по тем временам флот. Пользуясь раздробленностью Ирана, Ахмед и его преемники смогли на время овладеть такими важными пунктами северного побережья Персидского залива, как Бендер-Аббас и Ормуз, а в Оманском заливе — Гвадаром. В своей внешней политике Ахмед занимал антибританскую позицию, поддерживал дружеские отношения с правителем Майсура Хайдаром Али и его сыном Типу Султаном. Между Майсуром и Оманом был заключен антианглийский союз. По договору майсурский правитель обязался помогать имаму в борьбе против его врагов, т. е. англичан [137, с. 155—156, 171].

Отмечая упорное нежелание Ахмеда вступать в какие-либо отношения с англичанами, т. е. быть втянутым в орбиту их политики, Майлс сделал весьма меткое замечание: решение не иметь дела с европейцами «было, вероятно, следствием опыта португальского и голландского вторжения в Персидский залив» [127, т. II, с. 268]. Продолжая мысль Майлса, можно заключить, что это решение было прямым следствием колониальной политики англичан, которые к тому времени успели дать почувствовать населению района Персидского залива, что английский гнет ничуть не слаще прежнего португальского или голландского.

В последние годы жизни Ахмеда началась борьба за власть между пятью его сыновьями, каждый из которых имел свой удел. Ахмед умер в 1783 г., вскоре после кратковременного правления скончался и его старший сын Хиляль, преемником которого был назначен второй сын Ахмеда Саид. Во вспыхнувшей борьбе за престол соперниками Саида выступали его братья Кайс, Сайф, Султан и сын Саида Хамад. Последний принудил отца передать ему всю полноту административной власти в стране², хотя Саид оставался жить в столице княжества, в Ростаке, и носил титул имама. Хамад был первым фактическим правителем Омана, не принявшим титул имама, а называвшимся «сеидом» — по имени правящей в Омани династии.

После смерти Хамада в 1792 г. междоусобица возобновилась. На следующий год трое оставшихся в Омани сыновей Ахмеда заключили договор о дележе страны: Саид оставался в Ростаке, сохраняя звание имама и отстранившись от общегосударственных дел, Кайс — в Сохаре, Султан — в Маскате, к которому вскоре перешло значение столицы княжества. С тех пор и все княжество в европейской литературе иногда именовалось Маскатом (или Омано́м и Маскато́м). Приход Султана к власти произошел не без участия европейских, главным образом ан-

лийских, агентов, и вся политика Султана была ярко выраженной проанглийской.

Воспользовавшись смутами в Иране, сеид Султан в 1794 г. захватил Чахбахар, Бендер-Аббас, острова Кешм и Ормуз. Пришедший в следующем году к власти в Иране Ага Мухаммед не смог из-за отсутствия флота изгнать Султана и согласился за ежегодную плату в 6 тыс. туманов оставить за ним этот район на правах аренды³.

* * *

Наибольшую по площади территорию на южном побережье собственно Персидского залива занимали в XVIII в. земли, принадлежавшие двум племенным союзам — кавасим (джакасим) и бенн яс. Земли, на которых они кочевали, простирались от мыса Мусандам до Абу-Даби, обрамляя Персидский залив с юго-востока (см. карту). На протяжении веков вплоть до появления англичан этот малонаселенный отрезок побережья носил название Эш-Шамал. Англичане же в пропагандистских целях стали именовать его сначала Пиратским берегом, затем Договорным Оманом. Первым из названий они подчеркивали мнимую неполноценность местных племен; причем среди англичан находились и такие, которые прямо писали об этих местах как о колыбели мирового пиратства, считая исконное население неспособным к иному рода деятельности [95, с. 3—4]⁴. От англичан, не вдумываясь в уничижительный смысл наименования, его переняли и другие европейские и даже ближневосточные авторы — сначала политики, затем историки и географы. Фальшь, проступающая в подобном наименовании, режет глаз, и в последнее время у некоторых зарубежных историков имеет место тенденция называть южное побережье от Мусандама до Абу-Даби Пиратским берегом только для периода с конца XVIII в. по 1820 г., а после того именовать его как Договорный Оман [28, с. 56—57]. Однако такая тенденция ничего не меняет по существу вопроса, поскольку историки в этом случае молчаливо соглашались с пропагандистскими измышлениями англичан о пиратских устремлениях и варварстве местных жителей, которые якобы были цивилизованы англичанами. Как мы покажем далее, местные племена были не более склонны к пиратству, чем сами англичане. Что же касается грабительского так называемого Генерального договора, которым было положено начало выражению «Договорный Оман», то англичане вынудили местных шейхов подписать его, развязав, по существу, истребительную войну против населения. Поэтому наименование «Договорный Оман» не определяет указанный отрезок побережья Персидского залива ни по форме, ни по существу и никак не заслуживает употребления в географической литературе.

ре. С нашей точки зрения, необходимо восстановить для отмеченного района его исконное название Эш-Шамал.

Владения племен союза кавасим простирались от мыса Мусандам до порта Шарджа, южнее береговая линия была подвластна племенам, входившим в союз бени яс. Оба союза в течение XVIII в. оспаривали друг у друга господство над побережьем Эш-Шамал.

Воспользовавшись междоусобицей в Иране после смерти Надир-шаха, племена кавасим захватили Линге и о-в Кешм, однако удержались там недолго: в 1763 г., несмотря на ожесточенное сопротивление кавасимов, имаму Ахмеду удалось подчинить своей власти все порты Эш-Шамала, за исключением Рас-эль-Хаймы; почти одновременно Керим-хан изгнал их из Линге. Новым периодом ослабления центральной власти как в Иране (со смертью Керим-хана), так и в Омане (в последние годы правления имама Ахмеда) кавасим воспользовались, чтобы опять овладеть Линге и попытаться укрепиться на восточном побережье п-ова Мусандам, потеснив оманцев. В последней четверти XVIII в. борьба между правителями Омана и кавасим шла с переменным успехом; ее главным объектом были порты Дабба и Хор-Факкан, но очаги этой борьбы вспыхивали и в других местах. Так, сеид Султан изгнал кавасим с о-ва Кешм.

Верховным шейхом племен кавасим на рубеже XVIII—XIX вв. был Сагр ибн Рашид, столицей — Рас-эль-Хайма, основным занятием населения — морские промыслы [117, с. 17—20].

Союз бени яс состоял примерно из 20 племен. В отличие от кавасим они сочетали рыболовство и добычу жемчуга с выращиванием фиников в оазисе Лива. До середины XVIII в. племена бени яс кочевали летом на побережье и возвращались в Ливу к сбору урожая. Но в 1761 г. на острове вблизи Абу-Дабби был найден источник пресной воды, благодаря чему значительная часть племен переселилась на побережье. Сюда же была перенесена из оазиса резиденция верховного шейха. На рубеже XVIII—XIX вв. союз бени яс возглавил в результате кровопролитной междоусобной борьбы Шахбут ибн Диляб.

Соперничество племенных союзов кавасим и бени яс в течение XVIII в. не приводило, однако, к неразрешимым конфликтам: и те и другие придерживались суннитского толка ислама, а различие в занятиях гоже исключало столкновения.

Накануне XIX в. княжество Бахрейн по своему богатству соперничало с Оманским. Правители Бахрейна того периода вели свое происхождение от утбийских арабов племенного Союза альхалифа.

Восточные авторы считают утбийских арабов родом из Неджда, откуда они переселились в позднее время (начало XVIII в.) в Кувейт и Басру. В 1766 г. большая группа утбийских арабов под главенством шейха Халифы ибн Мухаммеда

переместилась из Кувейта на западное побережье п-ова Катар с центром в Зубаре. Эта группа племен называлась аль-халифа. Несколькими годами позже сюда же двинулась из Кувейта другая группа, именовавшаяся аль-джалахима; ее возглавлял шейх Джабир. Эти племена осели в районе Рувайса на северной оконечности Катара. С завоеванием Басры персами в 1775—1776 гг. тамошние утбийские арабы также ушли в Катар, пополнив его население в третий раз за 10 лет.

Утбийские арабы задолго до переселения части их на Катар славились в районе Персидского залива как отличные мореходы и предприимчивые купцы. На новых местах они быстро наладили посредническую торговлю, добычу и продажу жемчуга. Быстрое обогащение пришельцев, главным образом аль-халифа, послужило причиной междоусобицы, вспыхнувшей в 1779 г. между новыми обитателями Зубары и исконными жителями Бахрейна — бахаринами, которые до появления утбийских арабов держали в своих руках и посредническую торговлю, и добычу жемчуга на близлежащих богатых отмелях. В борьбе с аль-халифа бахарины обращались за помощью к правителю Бушира, через которого издавна выражали подданство шаху Ирана. Борьба шла несколько лет с переменным успехом. Шейху Бушира дважды удавалось овладеть Бахрейном, но удержать его надолго он не смог. В 1783 г. в экспедиции буширского шейха на Бахрейн принимал участие верховный шейх кавасим Сагр ибн Рашид. На несколько лет на Бахрейне был посажен иранский губернатор Насир ибн Мазкур [140, с. 40].

Аль-халифа, в свою очередь, призвали на помощь племена аль-джалахима, пообещав им долю доходов от торговли, но, достигнув цели, отказались исполнить обещание. Это обстоятельство было причиной вражды шейха аль-джалахима Рахмана ибн Джабира, избравшего к тому времени местом обитания Хор-Хасан, к шейху Ахмеду ибн Халифа и его преемникам. В дальнейшей борьбе с аль-халифа Рахман ибн Джабир объединялся с союзом кавасим [106, с. 71—72]. Что касается аль-халифа, то они воспользовались смутами в Иране и помощью аль-джалахима для утверждения своей власти на Бахрейне. В то же время, понимая, что им не выстоять против армии Ирана, шейхи аль-халифа изъявляли подданство шаху и платили ему долю с доходов Бахрейна⁵. В 1796 г. со смертью Ахмеда Бахрейном стали управлять его сыновья шейхи-соправители Сулейман и Абдалла. Первый сделал центром своих владений Рифу (южнее Манамы), второй — о-в Мухаррак. Разделение власти в феодальном княжестве всегда вело к его ослаблению в целом. В Бахрейнском шейхстве ситуация усугублялась сложностью положения аль-халифа как пришельцев-завоевателей, к которым бахарины, составлявшие большинство коренного населения, относились враждебно.

В глубине побережья Персидского залива к западу от Абу-

Даби, называемого Дафрой, полтора года лет тому назад кочевали три большие и две малые группы племен, не имевшие верховного шейха. На рубеже XIX в. они были в союзе с племенем бени яс.

На побережье Эль-Хасы с главными городами Эль-Катиф и Хуфуф обитали три небольших кочевых племени, находившиеся под властью более сильного бени халид. В 1795 г. верховный шейх бени халид Арайар ибн Садун подчинил себе часть побережья Эль-Хасы от Кувейта до Катара.

* * *

С уходом из Кувейта двух больших союзов племен утбийских арабов там оставалось в качестве главенствующего племени ас-сабах с верховным шейхом Абдаллой ибн Сабахом. В интересующий нас период кувейтцы были известны своей воинственностью и умением торговать. Последнее обстоятельство было весьма существенным для Кувейта, расположенного на сухопутном отрезке древнего торгового пути из Персидского залива в Алеппо (Халеб). Этим путем особенно охотно пользовались купцы в периоды упадка торговли в районе Басры — Багдада, в частности в 80-е годы XVIII в. Находясь в близком соседстве с владениями турецкого султана, кувейтские племена накануне XIX в. сохраняли независимость, пользуясь ослаблением его власти. Однако с появлением на исторической арене ваххабитов племя ас-сабах искало защиты у турецких наместников Багдада, под контролем которых находился тогда этот важнейший узел торговли на Персидском заливе.

Определенную роль в истории района Персидского залива в первой четверти XIX в. сыграло движение ваххабитов. Основатель ваххабизма как вероучения Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб призывал возвратиться к чистоте и простоте первых мусульман, отвергая ислам в той форме, какую он принял к концу XVIII в. За первыми проповедями ваххабитов последовали гонения на них. Абд аль-Ваххаб бежал к соседнему правителю — эмиру Мухаммеду ибн Сауду, найдя в его лице ревностного приверженца, подкреплявшего проповедь силой оружия. В Европе ваххабитов называли крестоносцами ислама. «Союз меча и веры» накануне XIX в. казался всепобеждающим: к 1792 г. (год смерти Абд аль-Ваххаба) под властью ваххабитов оказались обширные территории Центральной Аравии. На западе ваххабиты вышли к Красному морю, на востоке подступили к Кувейту.

К этому времени отношения племен и шейхств узкой прибрежной полосы на юге Персидского залива были достаточно запутанными: на фоне бесконечных мелких междоусобиц и распрей отдельных племен и шейхов разыгрывались сражения в результате соперничества крупнейших княжеств — Омана и

Бахрейна, вражды больших племен и союзов и т. д. При этом надо учитывать интересы шейхов бедуинских племен, кочевавших в стороне от берега; поддержка либо противодействие их обеспечивали успех враждующим сторонам. Поэтому в междоусобицах шейхи побережья стремились заручиться союзом с «глубинными» племенами. Втянутые в борьбу владельцев побережья, племена бедуинов пополняли ряды враждующих группировок и превращали мелкие стычки в настоящие бои и даже морские сражения. На рубеже XVIII—XIX вв. в этой сложной ситуации, с одной стороны, начались завоевания ваххабитов, стремившихся подчинить своей власти всех арабов, с другой — активное вмешательство англичан во внутренние дела местных племен. При этом англичане опирались на приобретенный ими в Индии опыт провокаций и взаимного натравливания мелких княжеств по известному принципу: «разделяй и властвуй».

Изгнав своих конкурентов-французов из Индии, англичане далеко еще не были ее хозяевами. Прежде всего, на юге Индии продолжало существовать хотя и ослабленное войной 1790—1792 гг., но еще довольно сильное княжество Майсур. Его правитель Типу Султан имел в своем распоряжении значительные силы и готовился к возобновлению борьбы. Он поддерживал связь с Хайдарабадом и рядом маратхских властителей, его представители действовали и в Северной Индии.

Таким образом, к 1798 г. против английских захватчиков назревала широкая коалиция, включавшая также афганцев и Иран [51, с. 12]. К ней примыкал и Оман в силу ранее заключенного с Майсуром антианглийского союза. Англичане, применяя упомянутую тактику, отправили в октябре 1798 г. своего агента в Маскат и одновременно постарались втравить ряд индийских феодальных княжеств в войну с Типу Султаном. С февраля по июнь 1799 г. они, используя в основном солдат-индийцев, а также силы недалековидных феодалов, прельщенных территориальными приобретениями за счет Майсура, добились разгрома Типу Султана. После этого они по одному прибрали к рукам мелких князьков, помогавших им в войне с Типу Султаном.

Аналогичную тактику англичане применили и к другим участникам предполагавшейся коалиции: правителей Маската подтолкнули к территориальным претензиям за счет Ирана, шаха — к захватам за счет Афганистана и к войне с Россией.

Направленный осенью 1798 г. в Оман английский агент Мехди Али-хан имел задание использовать ситуацию после поражения при Абукире французов, с которыми сеид Султан поддерживал торговые отношения. Посулив Султану земельные приобретения, Мехди Али-хан добился заключения договора, который стал первым в серии договоров Англии с шейхами Персидского залива [92, т. X, с. 54—55], отражавших политику британской экспансии в этом районе. Во-первых, в соответствии

со статьями договора англичанам удалось устранить конкурентов и монополизировать оманский рынок: Султан обязывался в будущем не предоставлять в своих владениях участки под торговые фактории французов и голландцев. Во-вторых, договор имел четко выраженную антииранскую направленность: в Бендер-Аббасе, арендуемом им у шаха, Султан предоставлял англичанам право на возведение фактории и военной крепости с неограниченным количеством солдат и орудий. Предложив построить военную базу в Бендер-Аббасе, на которую-де Султан мог бы опираться в борьбе с Ираном, англичане, с одной стороны, ставили сеида в зависимость от них, а с другой — проникали в глубь района Залива, ступая одной ногой на иранскую территорию.

Договор 1798 г. положил начало бесчисленным английским провокациям в Омане. Подстрекая Султана и его преемников к территориальным захватам, англичане постепенно прибирали его к рукам, превращая в орудие своей агрессии. Обещая вооруженную поддержку флотом, пехотой и артиллерией, они подталкивали оманских правителей к овладению именно теми пунктами Персидского залива, которые интересовали в первую очередь их самих. «С разрешения» оманского правителя там возводились английские укрепления, превращаясь в оплоты дальнейшей колонизации района Залива в целом. Встраивая оманских правителей в захватнические войны, англичане неоднократно предавали их, с тем чтобы ослабить, поставить в еще большую зависимость от Англии. Британские военные корабли систематически участвовали в захватнических экспедициях сеидов, бомбардируя города и укрепленные пункты. Причем соотношение оманских и английских сил в таких экспедициях (и их конечные результаты), по существу, превращали подобные предприятия не в оманские, а в английские. Захваченные острова и различные пункты переходили под власть Омана и стоявших за его спиной англичан, а стремление к расширению власти оборачивалось агрессией англичан. В противовес ей арабские племена южного побережья и островов Персидского и Оманского заливов неоднократно объединялись в антианглийские коалиции, пытаясь опереться на силы ваххабитов. Борьба англо-оманцев и коалиции племен не прекращалась в течение первой четверти XIX в., но силы были слишком неравными, поэтому результат ее был предрешен: к концу 20-х годов шейхства южного побережья были поставлены в полную зависимость от Англии. При этом можно сказать без преувеличения, что подавление освободительного движения арабских племен в этих краях было осуществлено англичанами в значительной степени руками правителей Омана, ранее других вовлеченных в русло британской политики.

Сразу же после заключения договора 1798 г. англичане подстрекнули Султана к экспедиции в Басру, чтобы взыскать с

паша Багдада долг давно умершему отцу Султана — Ахмеду (как известно, во время осады Басры иранцами паша попросил Ахмеда помочь флотом за определенную плату). Оспаривая притязания сеида, паша обратился за содействием к английскому резиденту Маннистри, который, как и следовало ожидать, ничем конкретно не помог, а вызвался быть посредником между пашой и сеидом. Созданная англичанами ситуация была для них весьма выгодна: силами Омана они оказали давление на пашу, что позволяло с большей легкостью использовать последнего для демонстрации угрозы Ирану накануне прибытия туда Малькольма.

Англичане создали и другие опасные для Ирана очаги в Персидском заливе. Направляясь в 1800 г. в Иран, Малькольм на несколько дней задержался в Маскате, где настоял на подтверждении сеидом Султаном договора 1798 г. Тем самым сохранялась вероятность создания английской крепости в Бендер-Аббасе, которая могла угрожать Ирану. Кроме того, обещанием военной поддержки Султану англичане подтолкнули последнего к нападению на Бахрейн и Харк. Если при этом напомнить, что вопрос об уступке этих островов англичанам был ключевым во время переговоров Малькольма в Тегеране в 1800 г., станет понятным, чьей рукой направлялась экспедиция Султана. Совершенно очевидно, что уже на рубеже XIX в. англичане попытались поставить под вопрос принадлежность Ирану таких стратегически важных пунктов Персидского залива, как Бендер-Аббас, Харк и др.

Англо-оманский договор 1800 г. закрепил позиции англичан в Омане. В отличие от предыдущего в этот договор была внесена статья о праве англичан иметь резидента в Маскате. Подстрекательство Султана к территориальным приращениям за счет соседних шейхств помимо антииранской направленности имело и иные цели: во-первых, отвлечь внимание одного из потенциальных членов антианглийской коалиции — Омана; во-вторых, позондировать почву для сколачивания проанглийского блока из Бахрейна, Эль-Хасы, ваххабитов, Омана и племен иранского побережья.

Экспедиция Султана против Бахрейна, спровоцированная Малькольмом, провалилась, так как местные правители обратились за помощью к шаху. Узнав об этом, Султан также решил начать переговоры с шахом, но одновременно высадил войска на Харке, предложив Ирану ежегодную плату за пользование островом, как и Бендер-Аббасом. Однако внутреннее положение в Иране было в то время уже не таким, как в период завоевательных экспедиций имама Ахмеда. Междоусобицы последнего десятилетия XVIII в. прекратились, центральное правительство окрепло. Кроме того, для Фатх Али-шаха не были, очевидно, тайной связи Султана с англичанами.

Решительная позиция шахского правительства пресекла все

попытки сеида завладеть островами, и тот вынужден был ретироваться. Вступать в войну с Ираном для него было опасно еще и потому, что как раз к 1800 г. ваххабиты, завершив подчинение племен южного побережья Персидского залива, стали угрожать непосредственно Оману. Как увидим далее, столкновения между различными группировками Омана и ваххабитами происходили чуть ли не ежегодно.

Так же решительно отклонил Фатх Али-шах все притязания англичан на острова Персидского залива путем тегерапских переговоров в 1800 г. Потерпев на сей раз неудачу при шахском дворе, англичане бросили свои силы на завоевание позиций на южном побережье Залива, и первый удар направили против союза кавасим, племена которого населяли стратегически важную территорию на мысе Мусандам, находящемся в непосредственной близости к иранскому берегу. Племена союза кавасим ответили на это всеобщим сопротивлением.

Подробности их борьбы до экспедиции против них англичан в 1805 г. проследить очень трудно, так как экспансия англичан, как уже отмечено, осуществлялась под видом подчинения этих племен не им, а оманскому правителю; борьбу же против последнего кавасим вели совместно с ваххабитами. Самым ценным источником для данного периода являются документы самих колонизаторов — донесения британских агентов, действовавших в районе Персидского залива, однако они, к сожалению, остались недоступными автору. Книги английских авторов, особенно Келли, широко пользовавшегося и часто цитирующего эти документы, не только тенденциозны, они подчас фальсифицируют факты, умалчивают о существенных моментах англо-племенных отношений и выпячивают незначительные. Критика фактов, приводимых, например, в книге Келли, затрудняется отсутствием иных источников информации.

В коалицию племен, сложившуюся против Омана и стоявших за его спиной англичан, входили под главенством ваххабитов племенные союзы кавасим, аль-халифа и ас-сабах. Действия коалиции в 1800—1803 гг. были настолько успешными, что Султану пришлось уступить ваххабитам оазис Бурайми, прикрывавший подступы к Оману с запада, и согласиться на выплату ежегодной дани. После убийства Абд аль-Азиза (октябрь 1803 г.) сеид Султан пытался примкнуть к войскам сирийского и багдадского пашей, которые турецкий султан собирался двинуть против ваххабитов, пользуясь периодом борьбы за власть, последовавшим за гибелью главы государства. Турецкая экспедиция, однако, так и не состоялась, а сеид Султан на обратном пути из Басры погиб в стычке с «неизвестными разбойниками» у мыса Мусандам (ноябрь 1804 г.) [117, с. 105]. Вряд ли могут быть сомнения, что оманский правитель погиб от рук кавасим.

Смерть Султана обнажила махинации стоявших за ним англичан: индийские власти предложили своему резиденту в Пер-

сидском заливе Сетону «помочь» одному из сыновей Султана взойти на трон, с тем чтобы взять в свои руки торговлю (добавим: и политику) в этом районе. В мае 1805 г. Сетон прибыл в Маскат и вскоре наметил себе очередную пешку дальнейшей политической игры — Саида ибн Султана. Однако, сделав на него ставку, англичане почти два года выжидали момента для признания Саида главой Омана. Эти годы были использованы ими для превращения Саида в послушное орудие. Прежде всего Сетон толкнул Саида на выступление против кавасим и сам возглавил военную экспедицию. Необходимо подчеркнуть, что положение Саида внутри Омана было тогда непрочным, поскольку против него выступали в борьбе за власть родственники: дядя, родной брат Салим и двоюродный — Бадр⁶. Не была ликвидирована и угроза ваххабитов с тыла. Поэтому без подстрекательства англичан Саид не решился бы на осложнение ситуации организацией похода к берегам Ирана.

Дело в том, что в конце 1804 — начале 1805 г. кавасим, используя благоприятную для них обстановку, отвлекавшую силы оманцев, занятых внутренними делами, и иранцев, занятых на северном военном театре, объединились с соплеменниками из Линге и союзом племен бенни маин, населявших о-ва Кешм и Ормуз. Совместными усилиями эти племена захватили названные острова, изгнав оттуда номинальных оманских губернаторов, а вместе с ними и английских агентов. Затем кавасим и их союзники осадили Минаб и Бендер-Аббас, став хозяевами Ормузского пролива. Антанглийская направленность борьбы местных племен, как и ранее, выразилась, в частности, в нападениях на флот колонизаторов. Однако если в 1778 г. англичане выкупали захваченные у них суда, то в начале XIX в., став увереннее, они начали диктовать свои условия местному населению.

Прибыв под стены Бендер-Аббаса, Сетон приказал начать бомбардировку укреплений, принудив защитников, несмотря на их отчаянное сопротивление, сдаться 8 июня 1805 г. Такая же участь постигла и Кешм, где «с разрешения» Саида англичане развернули строительство опорного пункта. Яростное сопротивление кавасим, очевидно, породило среди англичан сомнение в близком достижении своей цели только военными средствами, несмотря на подавляющее превосходство их оружия. Поэтому они прибегли к обходному маневру, решив подорвать силы этого племенного союза изнутри, активно вмешавшись в междоусобицы, продолжавшиеся среди племен. В конце 1805 г. верховный шейх союза кавасим Сагр был вынужден бежать, и верховным шейхом был провозглашен его двоюродный брат Хасан Али. Сагр же нашел приют в английской резиденции в Маскате у Сетона [116, т. I, с. 398], и тот не замедлил явиться со своими кораблями на подмогу Сагру, который руками англичан был вновь сделан верховным шейхом. Одновременно

Сетон продиктовал ему «соглашение», которое более уместно было бы назвать обязательством ставленника. В этом документе, насколько известно, англичанами впервые был официально затронут вопрос о пиратстве в Персидском заливе. Сама постановка его типична для английской колониальной системы. При повторном выступлении кавасим против англичан «соглашение» обязывало верховного шейха заблаговременно (за три месяца)... известить их об этом. В противном случае англичане оставляли за собой право именовать такое выступление «необъявленной войной», «пиратством»⁷. Таким образом, англичане сами расписались в том, что выступления племен Персидского залива, как правило, не имели ничего общего с морским грабежом, а являлись народно-освободительным движением против колонизаторов. Другие параграфы «соглашения» столь же наглядно свидетельствовали о сущности английской колониальной политики в Персидском заливе. Грабительский ее характер проявился в требовании, чтобы племена союза кавасим выплатили им сумму, равную нескольким десяткам тысяч долларов, захватнический — в создании английского форта в Рас-эль-Хайме [92, т. X].

Деятельность англичан в Персидском заливе сразу после экспедиции 1805—1806 гг. указывает на то, что операцией против племен кавасим англичане приступили к осуществлению плана установления контроля над всем районом. В эти годы они усилили происки в Багдаде и Басре, расширяли разведку на юге Ирана, готовили почву для овладения Бендер-Аббасом, Кешмом, Рас-эль-Хаймой и другими пунктами Залива. Одновременно они стали наращивать здесь свои военные силы: не все корабли — участники экспедиции 1805—1806 гг. покинули воды Залива после заключения «соглашения», в 1807 г. с целью демонстрации силы Ирану к ним присоединилась эскадра из семи крейсеров, прибывшая из Индии [147, с. 205; 127, т. II, с. 312]. Кроме того, два года — 1808—1810 — длилась оккупация вод Залива экспедицией Малькольма. Совершенно очевидно, что подчинение английской власти племен кавасим было предпринято не в целях борьбы с так называемым пиратством, а ради овладения стратегически важными пунктами — островами и берегами у входа в Персидский залив.

За кампанией 1805—1806 гг. последовали новые английские военные экспедиции, которым был придан характер карательных. Смерть и разрушение несли каратели местным жителям, продвигаясь вдоль побережья Персидского залива. В английской исторической литературе захватнический характер экспедиций англичан в 1805—1806, 1808—1809 и 1819—1820 гг. по вполне понятным причинам фальсифицирован. Буржуазные же авторы других стран полтора столетия вторили пропагандистским измышлениям самих колонизаторов: одни — в силу тенденциозности, другие — ограниченности, третьи же — попросту не при-

давая этим экспедициям серьезного значения. В результате до сих пор широко распространена точка зрения на политику Англии в Персидском заливе в начале XIX в. как на внедрение порядка и законности среди местных племен⁸.

Проблема английской агрессии в Персидском заливе под видом борьбы с так называемым пиратством не только совершенно не разработана, но до последнего времени никем и не поднималась. Насколько можно судить по доступной литературе, впервые поставил вопрос об английском вмешательстве в дела Залива иранский историк Маншур Гургани, который писал, что с 1800 г. англичане постоянно вели в этом районе «политику придинок». «Обеспокоенные бессмысленным и незаконным вмешательством англичан в (дела) Персидского залива, арабы нападали на их корабли, потому что англичане беспричинно вмешивались во внутренние дела и домогались господства в водах, в которые они не имели права и входить. Поведение арабов англичане называли разбоем, а вооруженных арабов, которые препятствовали английскому вмешательству... в их собственные дела — пиратами» (курсив наш.— Н. Т.) [38, с. 57]. Гургани правильно, но недостаточно остро ставит проблему. Так, он не говорит об умышленной фальсификации исторических фактов как самими колонизаторами, так и другими буржуазными историками, не называет справедливую борьбу местного населения народно-освободительной и т. п.

В связи с этим хочется напомнить о методах борьбы других народов в XIX в. против тех же колонизаторов. Ф. Энгельс писал по этому поводу так: «Со спрятанным оружием садятся они на торговые пароходы, во время плавания убивают команду и пассажиров-европейцев и захватывают судно. Они похищают и умерщвляют каждого европейца, который подвергается им под руку. Даже кули, эмигрирующие в чужие страны... поднимают бунты на каждом корабле, отплывающем в чужие края, бьются за то, чтобы овладеть им и предпочитают пойти вместе с ним ко дну или погибнуть в пламени пожара на нем, чем сдаваться... Это общее восстание всех китайцев против всех чужеземцев было вызвано пиратской политикой (курсив наш.— Н. Т.) британского правительства, которая и придала этому восстанию характер войны на истребление» [8, с. 221—222]. Именно такую народную борьбу английские захватчики, как известно, именовали пиратством. Так, газета «Дейли Телеграф» призвала «повесить как пирата и убийцу на реях британского военного судна» любого схваченного китайского генерала⁹.

В начале того же столетия англичане вели войну на истребление и в районе Персидского залива. Участник английской военной экспедиции 1808—1809 гг. Букингэм так прямо и считал, что «выполнение задач этой экспедиции против кавасим должно быть признано неполным, поскольку лишь *полное* их истребление утихомирят этих людей» [96, т. II, с. 243—244].

Что касается пиратства, как такового, то давно известно, что именно в Англии пираты прославлялись как герои, что в пиратских набегах сколотили капитал многие из английских фамилий, процветающих и поныне, что короли Англии покровительствовали пиратству, каперству и другим видам официального и полуофициального морского разбоя. Расцвет английского пиратства к середине XVIII в. миновал, но и в более позднее время английские власти не пренебрегали возможностью поживиться таким путем, поощряя любые акты произвола в отношении торговых судов других стран. Так, в декабре 1814 г. русский консул в Лондоне Дубачевский доносил в Петербург о захвате алжирцами русского торгового судна с грузом сухой трески. Дубачевский писал, что после освобождения судна английский контр-адмирал в Гибралтаре Флеминг распорядился снова передать его алжирцам [14, д. 1, л. 41а].

Следует подчеркнуть, что это происходило в том самом году, когда англичане с особым рвением ратовали за искоренение пиратства в Персидском заливе. За «благородным негодованием» английских авторов по поводу варварских приемов борьбы местного населения ясно виден холодный политический расчет: под шумок речей о борьбе с пиратами прибрать к рукам стратегически важные территории Ближнего Востока. Ради этой цели англичане не брезговали идти в бой под британским флагом рука об руку с «грозой Персидского залива» пиратом Рахманом ибн Джабиром, отправлялись на поклон к ваххабитам и т. д.

К сожалению, иранские авторы мало говорят о положении в Персидском заливе, щедро отдавая свои страницы хронике придворной жизни; мало возможностей найти об этом сведения и в доступных английских источниках и литературе. Однако из сопоставления имеющихся данных видно, что так называемые «пиратские нападения» в Персидском заливе имели не столько антиевропейскую, сколько ярко выраженную антианглийскую направленность. Например, тот же Букингэм упомянул о случае, когда капитан захваченного «пиратами» судна «мог поздравить себя с тем, что был известен жителям Персидского залива как француз, поскольку если бы они только подозревали, что перед ними англичане, то перерезали бы всем без различия глотки» [96, т. II, с. 166]. Антианглийский характер борьбы местных племен отмечает и Келли, однако он пытается объяснить его религиозными мотивами. Поставив вопрос, что отличало нападения арабских племен на английские корабли в 1804—1805 гг. от аналогичных действий в предшествующий период, Келли отвечает на него: «сопровождавший такие нападения религиозный фанатизм». И добавляет: «хотя сомнительно, чтобы эти нападения были совершены по приказу Сауда» (т. е. ваххабитов). Он считает тем не менее, что воинственность племен кавасим увеличилась в связи с принятием ими ваххабизма

[117, с. 106], не решаясь объяснить ее колониальной, захватнической политикой англичан, порождавшей отпор населения Персидского залива, особенно усилившийся на рубеже XVIII—XIX вв., когда активизировались происки англичан, их вмешательство во внутренние дела шейхств, проведение карательных экспедиций, принявших характер истребительной войны.

С африканцами так называемые пираты обращались куда лучше англичан: африканцы принимали участие в обороне Расэль-Хаймы [96, т. II, с. 348]. Келли вынужден констатировать, что репутация пиратов была заслужена местными племенами из-за «длительных стычек с более преуспевшими правителями Маската», за спиной которых, как известно, стояли англичане [117, с. 19—20]. Один из английских авторов — современник описываемых событий, называя, как и другие, борьбу населения с колонизаторами пиратством, видит тем не менее смысл ее не в разбое, как таковом, а в том, что это население показало себя равно враждебным как португальцам, так и англичанам [111, с. 137].

В главе II говорилось, что грабежи и террор португальцев в прибрежных районах и на островах Персидского залива вызвали отпор местного населения еще в XVI в. Португальцы называли это пиратством. Английские же авторы правильно усматривали причины антипортугальской борьбы в колониальной системе Португалии, основанной на насилии [147, с. 156]. Однако, когда дело доходило до подобных же выступлений против самих англичан, они были не в состоянии подняться до объективной оценки фактов, называя эти выступления «разбоем» [147, с. 195—210]. Между тем сопоставление действий Португалии и Англии в этом районе говорит об их разительном сходстве — военное давление, создание укрепленных пунктов, система резидентов и агентов и т. п. Отличие, которое можно усмотреть между методами португальцев в XVI в. и англичан в XIX в., состоит в том, что первые вели свою политику открыто, тогда как последние прикрывали ее лицемерными фразами об обороне Индии, дружественной оккупации, защите престижа, помощи тому или иному шейху, заботе о безопасности торговли, борьбе с пиратством, с работорговлей и т. п.

Говоря об истории подчинения англичанами племен союза кавасим, следует подчеркнуть, что с уходом английских кораблей Сагру, сделанному шейхом силой их пушек, пришлось снова искать убежища у своих покровителей-англичан. Племена же возобновили борьбу с колонизаторами [137, с. 322—324].

Новая серия английских провокаций последовала два года спустя, одновременно с экспедицией Малькольма в Иран (1808 г.) и оккупацией вод Залива (1808—1810). Во-первых, англичане использовали в своих целях силы шейхов для давления на Иран со стороны Персидского залива: в иранские порты они ввели суда¹⁰, принадлежащие не только англо-индийско-

му флоту, но и поставленным в зависимость от них местным правителям. Во-вторых, на пути в Иран Малькольм, как и в 1800 г., задержался в Омане, и снова его пребывание там сопровождалось выступлением оманского сеида против шейхов южного побережья Персидского залива. Такое совпадение — лишний свидетельством того, что сеид Саид действовал по указке англичан¹¹. В мае 1808 г. он захватил Хор-Факкан, господствующий над подступами к Ормузскому проливу. Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы понять, что, основав базу на Хор-Факкане в дополнение к крепости в Рас-эль-Хайме, англичане получили бы в свои руки ключ к Персидскому заливу уже в середине 1808 г.

Но сеид Саид не смог удержать Хор-Факкан. Прибывшие из Рас-эль-Хаймы племена кавасим выбили его оттуда и сами перешли в наступление. В сухопутных операциях против Омана их поддерживали ваххабиты, в морских — население Шинаса, Сохара и других городов. Не исключена была возможность, что на стороне союза кавасим выступают и иранские войска. Во всяком случае, Фатх Али-шах, как доносил Гардан, налаживал связь с главой ваххабитов Саудом [109, с. 183].

Кавасим и его союзники буквально блокировали Ормузский пролив, не пропуская ни одного англо-оманского корабля. Практически пройти в залив в одиночку могли только 30—50-пушечные английские фрегаты, которые трудно было взять на бордаж¹². Летом 1808 г. союзники атаквали крейсера «Морнингтон» (24-пушечный), «Тейнмауз» (18 пушек) и «Фурию». В октябре в руки кавасим попал один из кораблей Джонса, «Сильф», следовавший с его секретарем на борту отдельно от отряда. Спустя три дня они атаквали крейсер «Наутилус».

После ряда поражений, нанесенных ваххабитами Саиду на суше, он оказался в критическом положении и обратился за помощью к англичанам, спровоцировавшим его на военные действия, но те отказались поддержать его в трудную минуту. Саид попросил помощи у Ирана, однако силы последнего были заняты на севере; кроме того, как известно, Англия угрожала в тот момент Ирану с юга, поэтому ни шах, ни губернатор Фарса не смогли выделить силы для действий в Омане, не говоря уже о том, что шах собирался выступить на стороне союза племен кавасим, которые уже шли на Маскат. Сеиду не удалось привлечь на свою сторону и племена Персидского залива [127, т. II, с. 316]. Он пытался договориться с главой ваххабитов Саудом, который поставил условием для начала переговоров присоединение сеида к антианглийской коалиции [117, с. 115]¹³.

Именно последнее обстоятельство, а не соображения этического порядка, как пытаются представить дело буржуазные авторы, побудило англичан к действиям на стороне сеида. Лавируя между борющимися в Заливе группировками, англичане стремились к ослаблению всех без исключения правителей и к

укреплению собственных позиций. Загребая жар руками сеида, они неоднократно предавали его, с тем чтобы не дать ему упрочить свою власть, ослабить, поставить в еще большую зависимость от Англии. В то же время уничтожение власти сеида не входило в тот момент в планы англичан, так как оно означало чрезмерное, по их понятиям, усиление ваххабитов на суше и кавасимов на море. Кроме того, оно создавало угрозу их собственным позициям как в Омане, так и на берегах Персидского залива, где они уже к тому времени утвердились, прячась за спинами оманских солдат и чиновников. В инструкции генерал-губернатора Индии Минто достаточно откровенно говорилось о целях британской политики тех месяцев. Английской военной экспедиции, направленной в Залив, было предписано подавить сопротивление племен кавасим и обеспечить «жизненное пространство» для Саида [117, с. 115]. Само выражение «жизненное пространство» указывает на агрессию, так как его отнимают у других народов. В частности, Минто имел в виду лишь племена союза кавасим пограничных с Оманом территорий. А подчинение арабских племен Саиду, значительно ослабленному в последние годы, фактически означало переход их под власть англичан.

Экспедиция, направленная в 1808 г. против племен, живших на побережье Эш-Шамал, имела в своем составе 15 кораблей с морской пехотой и артиллерией на борту [96, т. II, с. 233—234]. 12 ноября англичане начали бомбардировку укреплений Рас-эль-Хаймы с моря, а на следующий день — с суши¹⁴. Британские агенты отмечали в своих донесениях стойкость сопротивления жителей, хотя захватчики превосходили их и числом и техникой. Кавасимы превращали в крепость каждый дом¹⁵, и город удалось захватить штурмом лишь после того, как он был подожен со всех сторон. Среди пламени и крови оккупанты вели повальный грабеж. Узнав о приближении к Рас-эль-Хайме подкрепления — ваххабитов, англичане получили приказ отойти, и офицеры очень сожалели, что «их работа была прекращена столь преждевременно» [96, т. II, с. 236—237]. Погрузившись на корабли, они оставили за спиной разрушенный дотла город, сожженные в гавани местные суда. Сопротивление союза кавасим на этом участке было подавлено, а шейх Хасан Али взят в плен. Сагр снова был навязан в качестве правителя.

Бомбардировки, пожары, грабежи, убийства мирных жителей отметили путь англичан вдоль обоих берегов Залива. Экспедиция из Рас-эль-Хаймы направилась в Линге, Луфт и Магу, затем в Шарджу, Джазирет-эль-Хаммар, Руммс и Хор-Факкан. Население ожесточенно сопротивлялось захватчикам. Так, жители Луфта, порта на о-ве Кешм, подпустили наступавших на расстояние ружейного выстрела и затем перебили их [96, т. II, с. 239—243]. Особенно упорно дрались жители Шинаса. Очеви-

дец писал: «Даже когда были разрушены стены и укрепления грозили обвалом, они упорно защищались и отвергали предложения сдаться, бросая наши гранаты и снаряды обратно, пока те еще не взорвались» [111, с. 39]¹⁶. Но силы оборонявшихся были несравненно слабее, и жители разрушенных карателями прибрежных городов бежали в глубь страны. Под видом возвращения под власть оманского правителя англичане захватили о-в Кешм, где ими был впоследствии создан Бассадорский укрепленный пункт. Одновременно их суда обследовали Залив, снимая геодезические и океанографические планы, выискивая удобные гавани, подбирая подходящие места для складов, баз, опорных пунктов [117, с. 121]. С поощрения англичан Саид летом 1810 г. предпринял нападение на Бахрейн и Зубару, что еще более обострило его взаимоотношения с ваххабитами, поскольку эти территории находились тогда в зависимости от них.

К этому моменту англичане достигли основных своих целей — устрашения местного населения, упрочения на о-ве Кешм, установления негласного агентства в Рас-эль-Хайме; Саид оказался не нужен. Поэтому когда войска ваххабитов сконцентрировались для нанесения основного удара Саиду, англичане бросили своего младшего партнера на произвол судьбы. Напрасно Саид взывал к англичанам о помощи, напоминая, что участие в последней экспедиции «ввергло его в состояние постоянной войны с ваххабитами, с которыми ранее он был в мирных отношениях»¹⁷. «Высокое правительство считало невозможным оказать какую-либо помощь»¹⁸. В августе 1810 г. генерал-губернатор Индии Минто писал ему, что «британское правительство более не заинтересовано в возбуждении спора между ним (сеидом) и ваххабитами», и посоветовал заключить с ваххабитами мир на их условиях, не преминув добавить: «если эти условия совместимы с честью и безопасностью государства Маскат» [117, с. 125]. Саиду пришлось бить челом иранскому шаху, прося предоставить в помощь ему отряд войск из состава фарсского губернаторства. Однако полторы тысячи иранцев лишь на время задержали его поражение, и к концу 1810 г. Саид был принужден заключить с ваххабитами мирный договор, по которому он обязался выплатить денежную компенсацию и прекратить войну против союза кавасим.

Предложение Минто заключить мир было не более чем уловкой, ибо англичан не устраивало установление мира в этом районе. Не прошло и нескольких месяцев, как Малькольм, возвращавшийся в Индию с Персидского залива, снова начал провоцировать конфликт Саида с ваххабитами: он предоставил в распоряжение сеида корабли и артиллерию для нападения на Шинас. В январе 1811 г. войска Саида и флот англичан осадили Шинас [137, с. 322]. Потери в этой операции несли только оманцы, так как участие англичан ограничилось бомбардировкой города с суши и моря, причем они старались разрушить

как можно больше зданий. В результате шинасская крепость была сровнена с землей. Однако жители Шинаса продолжали ожесточенно сопротивляться. Силу их духа подкрепляло известие о том, что на помощь городу спешат ваххабиты. Стремясь покончить с Шинасом до подхода последних, англичане подговорили своих местных агентов убить правителя города, что внесло дезорганизацию в оборону. Войска Саида пошли на штурм, захватили Шинас и перебили гарнизон.

Но не успел рассеяться дым пожарищ, как английские шпионы донесли, что ваххабиты находятся уже на подступах к городу. Англичане немедленно втащили на корабли свою полевую артиллерию, погрузили прислугу и отплыли в открытое море. При этом они изобразили дело так, будто великодушно оставляют город в распоряжении оманского правителя, не требуя ничего за оказанную ему помощь. Несколько часов спустя ваххабиты напали на брошенного покровителями Саида и наголову разбили его [137, с. 323]. Так англичане еще раз сыграли типичную для них роль: спровоцировав Саида, как и в 1806 и 1808 гг., на захват Шинаса, они сбежали как раз в тот момент, когда их партнер особенно нуждался в помощи. В одной операции они достигли двух целей: разрушения Шинаса руками Саида, а затем разгрома Саида руками ваххабитов. В общем, в результате взаимоуничтожения племени ослабели, и англичане добились основного — возможности более широкой экспансии.

Военные действия англичан в Персидском заливе под видом помощи Саиду против местных племен практически так и не прекращались с 1805 г. Их войска оставались в иранских портах, принимая участие в различных операциях [116, т. I, с. 509]. Они были рассредоточены и перебрасывались с места на место. В тех случаях, когда англичане организовывали специальные карательные экспедиции, из Бомбея шли пополнения, месяцами задерживавшиеся в водах Залива [96, т. II, с. 243].

Истоющая свои силы в непрекращавшихся войнах, местные правители к тому времени стали сознавать, что корень зла лежит в англичанах. Очевидно, именно поэтому в конце 1811 — начале 1812 г. в Бушир прибыл посол ваххабитов и предложил английскому резиденту заключить мирный и торговый договоры с Англией, чтобы прекратить провокации и карательные экспедиции [147, с. 205; 117, с. 129]. Несколько позже с таким же предложением в Бушир прибыл представитель союза кавасим, но англичане вместо переговоров арестовали его, а корабль, на котором он приехал, конфисковали [95, с. 112].

Отказ английского резидента заключить мир разоблачает заинтересованность англичан в продолжении агрессивных экспедиций, выдаваемых, как и ранее, за борьбу с пиратством. Однако у буржуазных авторов плохо сходятся концы с концами, когда они пишут, что «пираты» предлагают мирные пере-

говоры, а английские корабли, учреждая порядок, бомбардируют прибрежные города и селения.

В 1813—1814 гг. Саид при «моральной поддержке»¹⁹, а точнее, по прямому подстрекательству и с помощью англичан, снова нарушил договор 1810 г. с ваххабитами, начав военные действия против Рас-эль-Хаймы и Бахрейна, однако нападение было отбито. В 1816 г., искусственно поддерживая состояние войны, англичане предприняли очередную экспедицию против племени кавасим, обвиняя их в продолжении пиратства²⁰. Любопытно, что генерал-губернатор Индии выговаривал своим морским офицерам за то, что они «сами вызывали нападения, на которые жаловались» [96, т. II, с. 227]. Конечно, генерал-губернатор взыскивал с офицеров не за карательные меры, как таковые, а за то, что, нападая первыми, они подчас терпели поражения и обращались за помощью в Индию.

Английские власти нарушили договор с Ираном, едва успев заключить его в 1814 г. В этом году египетская армия Ибрагим-паша нанесла ряд поражений ваххабитам. Кавасим, опасаясь нападения египтян, решили переселиться из Рас-эль-Хаймы на о-в Кешм, где жили их соплеменники, однако этому воспрепятствовал английский флот. К Рас-эль-Хайме подошла английская эскадра. Маневр состоял в том, чтобы отрезать кавасим путь отступления и подтолкнуть к борьбе с египетскими войсками. Захватчики не удовлетворились указаниями, где и кому селиться. Стоя на рейде против Рас-эль-Хаймы, командующий эскадрой потребовал возмещения за ущерб, якобы некогда нанесенный племенами союза кавасим англичанам [147, с. 206]. Кавасим отказались выполнить это требование, и тогда англичане попытались захватить и разграбить город. Нападение захлебнулось, штурмующие были отброшены. Выпустив по городу свои заряды, англичане погрузились на корабли и ушли в море. По пути они подвергли бомбардировке Шарджу и Линге [96, т. II, с. 383].

Одновременно англичане вновь подстрекнули Саида выступить против Бахрейна. Захватив товары бахрейнских купцов, находившихся в Маскате, Саид потребовал от жителей Бахрейна подчиниться его власти [38, с. 58]. Однако бахрейнцы отвергли его притязания.

В последовавшем выступлении Саида против Бахрейна принял активное участие шейх Рахман ибн Джабир, который «с 1800 г. более двадцати лет был грозой этих мест и, быть может, самым страшным пиратом, который когда либо плавал по морю» [147, с. 210—211]. Остановимся на некоторых сторонах этой личности, чтобы представить себе, кого именно среди арабов англичане считали самой колоритной фигурой того времени и каковы были их взаимоотношения с этим «пиратом пиратов». Нельзя не согласиться с мнением Белгрейва, что «в истории Рахмана, как в капле воды, отражаются племенные

распри, типичные для междоусобиц, нарушавших мир в Заливе» [95, с. 123]. Имя Рахмана было упомянуто нами в начале главы, где говорилось о причине вражды двух родственных групп племен утбийских арабов аль-халифа и аль-джалахима. Рахман ибн Джабир, возглавлявший клан аль-джалахима, пронес свою ненависть к преуспевшим и разбогатевшим сородичам через всю жизнь. Если кто-либо из шейхов Персидского залива и заслуживал наименования пирата, то именно Рахман ибн Джабир, но даже он не был беспринципным морским разбойником, который видит смысл жизни в грабеже и наживе. Правильнее было бы сказать, что целью его существования была месть. Нападения Рахмана ибн Джабира на суда были продиктованы вначале единственным желанием нанести урон племени аль-халифа и тем силам, которые выступали на данном этапе с ними заодно.

При этом Рахману нельзя отказать в природном уме, в умении ловко вести свою политическую линию, в правильной оценке соотношения сил. Так, Рахман не ждал нападения ваххабитов, а поспешил принять их религиозный толк, что дало ему возможность в значительной мере сохранить свою независимость. Видимо, он одним из первых шейхов района понял, к чему ведет активизация англичан, и сначала принял меры, чтобы избежать конфликта с ними, затем пользовался их содействием, а кончил ролью наемника англичан. Рахман не трогал суда под британским флагом. Среди прочих шейхов Персидского залива он был единственным, кто добровольно и обдуманно пошел на стовор с англичанами²¹. Пожалуй, лишь ему на некоторое время и в какой-то степени удавалось использовать англичан в своих интересах. В 1809—1810 гг. Рахман находился в связи с англичанами, обосновавшимися в Бушире. Почерпнув сцену чаепития из описания Букингэма, неоднократно видевшего в английской резиденции Рахмана, Белгрейв замечает: «Трудно представить себе свирепого пирата, пьющего за завтраком чай; но, будучи мусульманином и ваххабитом, он не притрагивался к спиртному» [95, с. 127].

Рахман пользовался медицинской помощью англичан [96, т. II, с. 122—123]. Однажды на вопрос, как он может справиться со своими врагами, будучи ранен в правую руку, Рахман вскочил, размахивая кинжалом, и продемонстрировал особые приемы, какими он резал людские глотки. Эта отвратительная сцена вызвала... восхищение и аплодисменты английских офицеров. «Возможно, это и не удивительно,— пишет в 1966 г. Белгрейв,— поскольку Рахман претендовал на то, чтобы быть другом британцев» [95, с. 128].

Почувяв, что власть ваххабитов стала клониться к упадку, Рахман принял участие в борьбе с ними и овладел Даммамом в Эль-Хасе, но вскоре был вынужден покинуть этот город под новым натиском ваххабитов. К 1816 г. он окончательно пере-

метнулся на сторону англичан. Однако поход на Бахрейн в этом году тоже не увенчался успехом для английских наемников: бахрейнский шейх отразил совместные силы Саида и Рахмана; Рахман бежал к англичанам в Бушир. В течение двух лет он не имел постоянной базы, курсируя между английскими основными опорными пунктами — Маскатом и Буширом. В предпринятой в эти годы настоящей охоте за судами кавасим Рахман играл роль подсадной утки. За эти услуги он с помощью английских хозяев был снова водворен в Даммам, чтобы продолжать разбойничьи нападения на Бахрейн и Рас-эль-Хайму. Когда же союзники шейха Бахрейна пытались с моря атаковать Рахмана в его логове, два английских корабля, охранявшие его гавань по приказу генерал-губернатора Индии, воспрепятствовали этим попыткам [122, т. II, с. 319—320].

Важнейшим этапом на пути к монополизации англичанами власти в районе Персидского залива была карательная экспедиция 1819—1820 гг., принявшая форму интервенции крупных масштабов. Готовясь к ней, Англия безуспешно пыталась привлечь к этому делу египетского Ибрагим-пашу, к которому был направлен специальный эмиссар [117, с. 143].

Сухопутными операциями англичан в карательной экспедиции 1819—1820 гг. против племен, обитавших на побережье Эш-Шамал, командовал Лох, долгое время плававший на линейном корабле «Эден». Лох вел дневник, который был опубликован лишь сто пятьдесят лет спустя [95]. Благодаря этой публикации удается восстановить детали всей операции. Экспедиция была самой крупной из когда-либо проведенных в Персидском заливе. В ее состав входили три морских линейных корабля: «Ливерпуль», «Локон» и «Эден», девять крейсеров и множество транспортов, а также суда оманского правителя. Состав экспедиции типичен для практики английских колонизаторов в этом районе: в ней участвовало примерно 7 тыс. солдат, в том числе 1600 европейцев, столько же индийцев и около 4 тыс. оманцев [147, с. 207]. Такое соотношение сил показывает, как удавалось англичанам утверждать свою власть штыками подневольных солдат, по существу совершенно не заинтересовавшихся в исходе операций. Чтобы представить себе масштабы экспедиции, сравним ее с английским десантом, высаженным в 1808 г. в ходе англо-французской войны в Португалии, численность которого достигала 20 тыс. человек. И еще одно сравнение: население Рас-эль-Хаймы — города, принявшего на себя основной удар колонизаторов, составляло 7—8 тыс. человек, включая женщин, стариков и детей [95, с. 142].

В конце ноября английские корабли блокировали Рас-эль-Хайму с моря. Жители города, которых захватчики ославили как пиратов, пытались предупредить кровопролитие, направив делегацию для мирных переговоров: англичане же ответили, что шейху незачем утруждать себя такого рода предложения-

мп, ибо «ничто не удовлетворит их, кроме уничтожения всех пиратских судов и всего того, что составляет ныне силу местного населения» [95, с. 134]. Как видим, по существу, это было необъявленной истребительной войной, ибо из дальнейшего совершенно ясно, что, по понятиям англичан, «силу населения» составляли жилища, домашний скерб, посевы, продукты и даже пребывание людей на насиженных местах. Полевая артиллерия, установленная под стенами города, открыла огонь. Несмотря, однако, на многодневную бомбардировку, успехи англичан были минимальными. Им пришлось высадить на сушу матросов и корабельную прислугу, чтобы увеличить ряды осаждавших. Даже Лох не смог удержаться в своем дневнике от того, чтобы воздать должное стойкости и мужеству защитников Рас-эль-Хаймы. Под покровом темноты они рыли траншеи, вели земляные и ремонтные работы. «Наши войска получили еще более веское доказательство их личной и общей храбрости ночью»,— писал он 3 декабря. В эту ночь горожане сделали дерзкую вылазку в надежде отбить пушки, которых в Рас-эль-Хайме явно недоставало и которые в конечном счете решали успех действий англичан вообще и осады этого города в частности. В этой вылазке наряду с мужчинами принимали участие и женщины. Жаркая схватка стоила осаждавшим примерно 200 человек убитыми и ранеными. Числа пострадавших арабов Лох установить не мог, так как участники вылазки унесли их с собой [95, с. 139—140].

8 декабря шейх Хасан ибн Рахман снова безуспешно предложил английскому резиденту в Персидском заливе Кейру начать переговоры. А на следующее утро английскому отряду удалось овладеть одной из башен крепостной стены, что послужило сигналом к уходу жителей из города. Как очевидец, Лох образно описал сцену, когда арабы вброд переходили залив, омывавший Рас-эль-Хайму со стороны, недоступной выстрелам англичан. Мужчины шли, поддерживая слабых, больных и раненых, а дети цеплялись за матерей. Все спешили выйти за пределы видимости англичан, боясь, что их настигнут либо они сами, либо их снаряды и пули. Кроме того, люди опасались начала прилива, значительно повышавшего уровень воды в этом месте. Уходя, горожане подожгли здания, суда, все оставшееся в городе имущество. Над городом долго стояло зарево пожара, поэтому англичане до конца дня не решались войти туда. Когда, наконец, Лох рискнул вступить на пепелище, во всей Рас-эль-Хайме из живых существ он нашел лишь старуху да трех кошек. Английские инженеры 13 декабря взорвали остатки укреплений, сровняв Рас-эль-Хайму с землей. От города уцелел лишь каменный дом шейха и несколько прилежащих зданий, которые колонизаторы решили использовать под казармы для своих солдат [95, с. 142—144]. Однако пребывание гарнизона в Рас-эль-Хайме оказалось недолговечным, так как среди

пришельцев начался повальный мор от невыносимой жары и болезней, и летом 1820 г. англичане переместились оттуда на о-в Кешм.

С огнем и мечом англичане прошли вдоль берегов Эш-Шамала, грабя, убивая, уничтожая на своем пути города и укрепления, суда и склады. Впрочем, многие транспорты англичане конфисковали для собственных нужд, а часть пленников и заложников отправляли в Индию. Лох описал героизм защитников маленькой крепости Зайи, что в двенадцати милях к северо-востоку от Рас-эль-Хаймы. Они стояли насмерть, причем даже шейх Хасан Али занял место у орудия. Лох упоминает о каком-то индийском мальчике, перебежавшем к англичанам, который рассказывал, что среди осажденных есть желающие сдаться на милость победителей, но шейх принудил трусов оставаться внутри крепостных стен.

Следом за Рас-эль-Хаймой были захвачены Умм-аль-Кайвайн, Аджман, Шарджа и Дибай; англичане сожгли арабские суда у Манама [117, с. 165]. Потеря судов для местного населения, в основном ловцов жемчуга и рыболовов, обрекала их на голод и нужду, но карателям и этого казалось мало — они забирали и продовольствие [95, с. 144]. Так было сломлено сопротивление племен Персидского залива процессу английской колонизации, и жители, как явствует из заключенных в результате экспедиции «договоров», усмирены.

Даже самых ярых сторонников «твердой позиции» Англии в этом районе смутил второй этап экспедиции, когда каратели перенесли свои действия на северный берег Залива, в Линге и другие иранские порты. Инструкции английских властей в Индии начальнику экспедиции Кейру гласили, что каково бы ни было отношение иранского правительства к экспедиции, ее задачей является полное искоренение пиратства в Персидском заливе. Это означало: бомбардировать и жечь города и селения, разгонять жителей либо брать их в плен, уничтожать все средства их к существованию и тем самым утверждать власть Великобритании террором, используя любой повод, подозрение, а то и без всяких поводов.

Когда же правительство Ирана заявило решительный протест против уничтожения Лохом и Кейром судов — имущества жителей Линге, Харка, Асалу, Магу и других иранских портов, то англичанам пришлось фактически впервые задуматься над «обоснованием» своих беззаконий. При всем желании резиденты Персидского залива не смогли приписать населению северного берега соучастие в антианглийской борьбе племен союза кавасим. Автор книги об английской политике в Персидском заливе Келли, основательно изучив официальные документы этого периода и тенденциозно толкуя их, вынужден при всех натяжках констатировать следующее:

«Могут задать вопрос, почему же Кейру был дан приказ в

первую очередь атаковать персидские порты, хотя соучастие персов в пиратстве кавасим не было доказано. Ответ частично можно найти в готовности Ивена Непина (губернатора Бомбея) признать большую часть племен Персидского залива, знакомых с мореплаванием, виновными в пиратстве, частично же объяснить недостатком постоянной информацией, доступной ему и его правительству. Рапорт, составленный в 1818 г. капитаном Тейлором из резидентства в Басре²², перечислял несколько портов на персидском берегу как находившихся в союзе с кавасим, но Тейлор писал об этом в рапорте, по-видимому, исходя из убеждения, разделяемого и Непином, что раз жители персидских портов главным образом арабского происхождения, и многие при этом кавасим, да к тому же некоторые из них находились под влиянием ваххабитов, то поэтому они «должны были совершать такие же акты грабежа, как и их арабские сородичи»²³.

Как видим, англичане вовсе не заботились о поводах к проведению экспедиции. И если слабое иранское правительство в какой-то степени заставило их задуматься над оправданием своих действий, то ясно, что лишь полная безнаказанность и отсутствие организованного отпора агрессии привели к установлению колониального режима на южном побережье Персидского залива.

К середине января 1820 г. шейхи капитулировавших городов были доставлены на флагманский корабль Кейра, стоявший на рейде перед разрушенной Рас-эль-Хаймой, и принуждены подписать обязательства, точнее, условия капитуляции. По этим условиям они сдавали англичанам «все, что составляло их силу»: города, порты, пушки, суда, склады, припасы и т. д. Со своей стороны, английский генерал пообещал, что «не позволит своим войскам войти в города и опустошать их» [92, т. 10, с. 122—131]. Однако опустошать там более было нечего, а нужные позиции англичане, как обычно, прибрали к рукам: они остались в Рас-эль-Хайме (покинув ее в дальнейшем, как писалось выше) и на о-ве Мухаррак. 15 февраля к Кейру был приведен представитель бахрейнских шейхов (братьев Сулеймана и Абдаллы) сеид Абд аль-Джалил, которого также принудили подписать капитуляцию. Даже если встать на позицию англичан, то они давили и на правого, и на виноватого — и на кавасим, и на их соперников бахрейнцев. Продиктованные шейхам обязательства закрепляли власть англичан над стратегически важным участком — побережьем Эш-Шамал.

Помимо индивидуальных обязательств, имевших значение личной присяги на верность англичанам, Кейр составил коллективный «Генеральный договор»; шейхи капитулировавших городов были принуждены подписать и его. Этот «договор», не имевший ничего общего с действительными договорами, подчинял безраздельному контролю Англии весь район Персидского

залива (англичане в дальнейшем принудили подписать его и других правителей побережья). Основные, третья и пятая, статьи этого документа требовали, чтобы «усмиренные» арабы в отличие от «враждебных» подымали на каждом судне бело-красный флаг, имели паспорта с описанием данных судна (длина, ширина, тоннаж) и путевой лист с указанием имени владельца, верховного шейха племени, груза, места назначения, вооружения, цели плавания и т. д. Паспорта требовалось возобновлять ежегодно; разрешение конфликтов было отдано в руки английского резидента, а контроль за судоходством в Персидском и Оманском заливах — капитанам английских кораблей; по первому их требованию арабские моряки «были обязаны предъявлять упомянутые документы», а в дальнейшем и содействовать обыску своего судна (см. Приложения).

В дневнике Лоха содержится суждение о том, что в 1819 г. большинство торговых и иных судов, ходивших по Персидскому заливу, принадлежало англичанам или связанным с ними лицам. Заинтересованная в новых рынках сбыта, Англия в это время стояла на пути монополизации судоходства и торговли в рассматриваемом районе; «Генеральный договор» официально закреплял эту монополизацию.

Напомним, что «договор» этот вошел не только в историю английской колонизации на Ближнем Востоке, но и во всеобщую географию, положив начало наименованию «Договорный Оман». Примечательно, что местное население никогда не признавало и не признает по сей день этого неправильного ни по форме, ни по существу названия побережья.

Захватив в свои руки фактическую власть над побережьем Эш-Шамал, англичане поставили здесь номинальным верховным шейхом известного уже Сагра [147, с. 208]. Что касается сеида Саида, то ему они приготовили роль подставной фигуры, имея в виду утвердиться еще в одном стратегически важном пункте этого района — на северо-восточной оконечности Аравийского полуострова в Суре. Племена бу али, обитавшие здесь, также как и арабы иранского побережья, не участвовали в стычках с англичанами, поэтому последние использовали в качестве предлога для посылки туда военного отряда междоусобия бу али с Саидом. И это после того, как англичане многократно отказывали тому же Саиду в помощи в подобных расприх, либо ссылаясь на нежелание вмешиваться во внутренние дела местных племен, либо подчеркивая, что военные силы используются Англией здесь лишь как карательные вследствие пиратских нападений на британские корабли [117, с. 125, 177, 219].

Осенью 1820 г. англо-оманский отряд под командованием Томпсона высадился на берег, пытался штурмовать крепость, в которой засели бу али, но потерпел позорное фиаско: бу али, имевшие лишь холодное оружие, смяли ряды нападавших и принудили их спасаться бегством на свои корабли. В Бомбее и

Калькутте закричали о «потере престижа», а английская пресса взывала к отмщению. В результате Томпсон был отдан под суд, а против бу али направлены значительные силы, истребившие племя в начале 1821 г. Англичане не довольствовались уничтожением дотла форта и жилищ населения, они вырубали и выжгли плантации финиковых пальм и разрушили ирригационную систему, созданную руками поколений. Даже Келли называет кампанию против бу али «позорной от начала до конца». Он считает, что с честью из нее вышли лишь сами бу али, мужественно защищавшие свою землю и дома [117, с. 178—180]. Немногие из оставшихся в живых представителей племени были захвачены в плен и отправлены в Бомбей и Маскат.

Во время кампании против бу али, продемонстрировавшей уязвимость создаваемой в районе залива колониальной системы, иранское правительство предъявило англичанам официальное требование немедленно эвакуировать их войска с о-ва Кешм, указывая, что пребывание их там является вопиющим нарушением ст. XI англо-иранского договора 1814 г. Вопреки попыткам англичан разъяснить шаху «желательность присутствия английских военных сил в Заливе» и несмотря на отправку в Тегеран специальной миссии Джюкса и Фрейзера с целью убедить иранцев «принять оккупацию острова», правительство Ирана было крайне озабочено «целями британской политики в отношении Персии» и продолжало настаивать на прекращении оккупации [117, с. 182, 184]. Садр-азам (премьер-министр) Ирана направил соответствующие письма генерал-губернатору Индии и министру иностранных дел Англии.

Такая позиция шаха в вопросе оккупации англичанами о-ва Кешм объяснялась главным образом тремя обстоятельствами. Во-первых, Иран в эти годы имел возможность сосредоточить свои силы и внимание на положении в Персидском заливе, которое с начала XIX в. продолжало оставаться тревожным; во-вторых, поведение англичан в Заливе к этому времени обнажило истинные цели британской политики; в-третьих, судьба соседней Индии была достаточно красноречивой сама по себе.

Шах, наследник престола Аббас-мирза, садр-азам и другие высшие сановники в официальных и частных беседах не раз указывали английским представителям на эти обстоятельства. Именно поэтому, убедившись в невозможности сбить шаха с его позиции в вопросе о Кешме, посол Уиллок пренебрежительно писал в своем донесении из Тегерана губернатору Бомбея Эльфинстону: «Тщеславие персов побуждает их смотреть на свою страну как на наиболее лакомый кусок вселенной и объект зависти и алчности соседних государств»²⁴.

Уиллок демонстративно потребовал паспорта и покинул Тегеран, а Эльфинстон приказал усилить гарнизон на Кешме. Но ни та, ни другая меры давления на Иран на сей раз не возы-

мели желаемого англичанами действия, и после серии проволок 30 августа 1822 г. в Ширазе было заключено англо-иранское соглашение, по которому Англия признавала права Ирана на о-ва Кешм и Бахрейн, а также соглашалась компенсировать стоимость судов, сожженных во время карательной экспедиции. Верховные английские власти, однако, отказались признать соглашение как нарушающее «все принципы британской политики в Персидском заливе» [117, с. 190]. Британский резидент в Бушире Брюс, подписавший его, предстал для ответа перед советом директоров Ост-Индской компании.

Чем же не угодил своим начальникам Брюс, настойчиво проводивший в жизнь те самые принципы британской политики, в нарушении которых его обвиняли? Деятельность Брюса в Иране послужила причиной требования иранских властей сместить его [117, с. 183]. В то время Брюс лучше других английских чиновников знал в деталях и общем виде положение в районе Залива, разбирался в пружинах и «подводных течениях» британской политики. Поэтому подпись Брюса под соглашением означала, что все пункты соглашения, констатирующие права Ирана, находятся в полном соответствии с действительностью. Но именно это никак не устраивало английские правящие круги: права Англии в Персидском заливе определялись силой и только силой.

Англия не только не собиралась отдавать отчет в своих агрессивных действиях, но и постоянно ставила под сомнение принадлежность Ирану различных пунктов Залива — Бендер-Аббаса, Кешма, Бахрейна и др. Англичане в первую очередь старались прибрать к рукам земли, на которые не распространялась власть шаха, да и сам Иран рассматривался ими в далеко идущих планах как очередной объект колониальной экспансии. Признание же за Ираном каких бы то ни было прав на территории Персидского залива создавало (и создало)²⁵ прецедент на будущее, ставило хотя бы на бумаге предел экспансии.

Подпись Брюса обнажила механизм английской агрессии: предлоги борьбы с пиратством, введения порядка, защиты интересов союзника Саида и т. д. представляли тем, чем они и были на самом деле, — не более как предлогами. Поэтому-то Келли назвал в своей книге шаг Брюса «бестактным» и был вынужден констатировать, что оккупация Кешма выглядела в свете шираского соглашения «несправедливой агрессией» [117, с. 190]. Такой она и была в действительности.

Но, уходя в силу сложившихся обстоятельств с Кешма, Англия угрожала и огрызалась: во время переговоров губернатора Фарса с оманским правителем о совместном походе на Бахрейн англичане писали, что если *«мир в Заливе будет нарушен, Британское правительство будет вынуждено восстановить присутствие в Заливе его вооруженных сил»* (курсив наш.— Н. Т.)

[117, с. 191, 220]. Как видим, в отношении Ирана англичане отбросили предлог о пиратстве, как не оправдавший себя, и взяли на вооружение новый — «поддержание мира на Заливе», под который им оставалось лишь подвести любую стычку или междоусобицу.

После карательной экспедиции 1819—1820 гг. англо-оманские отношения вступили в новый этап. В первые годы XIX в. правитель Омана был нужен англичанам в качестве прикрытия агрессии; затем они использовали его для того, чтобы расколоть фронт антианглийской борьбы (вспомним о коалиции, возглавлявшейся Типу-Султаном, а позже о предложениях Саиду ваххабитов присоединиться к ним и племенам союза кавасим для совместной борьбы с захватчиками). Более того, как уже отмечено, подчинение племен Персидского залива англичанами было на девять десятых достигнуто силами оманского правителя. К 20-м годам XIX в. Саид выполнил роль, предназначенную ему англичанами, и они выбросили его из игры как ненужную фигуру. 27 августа 1822 г. командир английского корабля «Мини» Морсби явился в Маскат и продиктовал Саиду требования, которые тот безоговорочно подписал, ибо англичане грозили войной. Выраженные в самой категорической и унижительной форме, эти требования были названы «договором» и ставили оманского правителя в такие же условия, как и шейхов, подписавших «Генеральный договор» [92, т. XI, с. 56—58].

Англичане «отличили» Саида за его ренегатство только тем, что «договор» 1822 г. был навязан под предлогом борьбы не с пиратством, а с работорговлей. По этому договору Саид предоставлял англичанам под резиденции любые места на побережье Омана и Занзибара, которые они «сочтут подходящими для наблюдения за работорговлей». Суда Омана должны были иметь паспорта и предъявлять их по первому требованию английских капитанов. Более того, по подозрению в работорговле (и без оного, конечно) любое оманское судно могло быть захвачено англичанами. Итак, Саид «выиграл» от союза с Англией и раскола фронта борьбы с колонизаторами только то, что они забрали его в свои руки раньше, чем других шейхов региона, а англичане оказались действительно в выигрыше — в дополнение к позициям в Персидском заливе они установили контроль над всем побережьем Аравии и Африки, водворили в облюбованных ими местах своих резидентов.

После заключения договора 1822 г., приравнявшего Саида, союзника англичан, к шейхам — их противникам, своекорыстная политика англичан в Омане стала очевидной, и Саид понял, что ни своими силами, ни с «помощью» англичан ему не удастся ни подчинить Бахрейн, ни добиться хотя бы формального выражения его зависимости Оману (последнее гарантировало получение больших доходов от богатых жемчужных промыслов Бахрейна). «Саид испытывал большое разочарование в поли-

тике Британии», — пишет Келли в своей книге об этом периоде [117, с. 217].

В конце 20-х годов Саид пытался найти опору в Иране. Намечавшийся ирано-оманский союз был скреплен формальным выражением его вассалитета Ирану и женитьбой саида на сестре губернатора Фарса²⁶. Союзники договорились о совместном походе на Бахрейн, чтобы положить предел проискам англичан в этом направлении и утвердить власть шаха над островами, тем более что в минувшие двадцать лет бахрейнские шейхи не раз предлагали свое подданство Ирану. Лишь противодействие Англии помешало осуществлению планов: английские власти в Индии сделали заявление о том, что военные действия в Персидском заливе будут рассматриваться как нарушение мира, а следовательно, опять-таки как пиратство, и пригрозили карательными мерами [117, с. 220].

Такая постановка вопроса вполне закономерна: объединение сил Ирана и Омана могло помешать установлению английского контроля в зоне Персидского залива. Поэтому в дальнейшем англичане использовали любые инциденты для обострения отношений между потенциальными союзниками, а когда дело дошло до конфликта, принялись усиленно раздувать его и, наконец, добились снаряжения оманской экспедиции против Бушира²⁷. На сей раз нарушение мира было на руку англичанам, и они не упоминали ни о каком пиратстве.

Заинтересованность Англии в походе Саида видна из следующего обстоятельства. Англо-иранский договор 1814 г. гарантировал Ирану в случае нападения на него с моря помощь Англии. Однако англичане всячески уклонялись от выполнения ими же навязанного Ирану договора. Когда же шахское правительство поставило перед Англией вопрос категорически, англичане запросили за участие своих кораблей в операции иранских войск такую сумму денег, что для удовлетворения их аппетитов шахскому правительству пришлось бы идти в финансовую кабалу к так называемым союзникам²⁸.

Малейшее проявление Саидом самостоятельности, слабые попытки его выйти из упряжки английской политики тут же пресекались. При рассмотрении цепи их интриг в Омане в 20—40-е годы XIX в. видно, что английские резиденты постоянно держали оманского правителя в поле зрения, все более прочно забирая его в свои руки. Как и ранее, в самом начале века, и в этот период они неоднократно осложняли положение Саида, ставя его под удар. Так, в начале 1824 г. англичане взяли под свое покровительство жителей Момбасы (Восточная Африка), восставших против власти Саида. В декабре 1825 г. они отказались поддержать Саида в его борьбе против ваххабитов, и тот вынужден был пойти на мировую, уступив требованиям последних [117, с. 231].

Договор 1820 г. был поворотным в истории мелких шейхств

побережья Эш-Шамал. Англичане не сразу обосновались в Рас-эль-Хайме лишь по причине тяжелого для европейцев климата. Однако они зорко следили за этим участком южного побережья Персидского залива. В 1823 г., узнав о том, что в Рас-эль-Хайме кто-то начал восстанавливать разрушенные стены города, некий капитан Фейсфул приказал подвергнуть город бомбардировке. Даже резидент Залива Маклеод, узнав о случившемся пост фактум, был озадачен ненужной прытью младшего офицера, ибо в Рас-эль-Хайме тогда сидел послушный воле англичан Сагр.

В 1826—1829 гг. на побережье Эш-Шамал наиболее острыми были столкновения между кавасим и оманцами, а в 1831—1834 гг. — между кавасим и бенн яс. Обращает на себя внимание, что и в том и в другом случае активная роль принадлежала верным приспешникам англичан: в первом случае — Саиду, во втором — Сагру. Зная основные принципы английской политики, нетрудно за спиной обеих враждовавших партий увидеть руку англичан, направлявших мелкие склоки в удобное для них русло. Во время подобных столкновений английские корабли неизменно оказывались поблизости, готовые вмешаться в дело и высадить десант. Когда же во взаимной борьбе племена ослабляли друг друга, англичане диктовали и тем и другим свои условия. В 1835 г. очередным «соглашением» с шейхами англичане навязали им свое вмешательство во все междуусобицы в качестве арбитров [38, с. 67].

Подводя итог агрессивным действиям Англии в Персидском заливе в первой трети XIX в., следует констатировать, что, хотя многие ее попытки создать опорный пункт в северной части Залива (на о-ве Харк) и не увенчались успехом, ей удалось захватить позиции в Ормузском проливе, поставить под контроль побережье Эш-Шамал, подчинить прибрежную полосу Омана; ее базы вплотную приблизились к Бахрейнским островам. Англичане поставили под свой контроль судоходство и торговлю в водах Персидского и Оманского заливов, Аравийского моря и западной части Индийского океана. В результате северное побережье и западный угол Персидского залива, хотя над ними и не был установлен непосредственный контроль, оказались в значительной степени в зависимости от Англии. Все эти действия англичан носили агрессивный характер и не имели ни малейшего отношения ни к какой обороне. Установление английского контроля над районом было возможным потому, что сопротивление агрессии со стороны шейхств и племен ослаблялось междуусобицами, зачастую провоцируемыми самими захватчиками. Экспансия Англии сопровождалась подстрекательствами Ирана к войне против России, против афганцев и т. д.

Таким образом, в первой трети XIX в. Англия заложила фундамент своего господства в зоне Персидского залива. В последующие десятилетия она шаг за шагом укрепляла свои пози-

ции, вела экспансию вширь и вглубь, разрабатывала детали колониальной системы специально для этого района. Очередные этапы проникновения официально закреплялись кабальными договорами с шейхами, превращаемыми в марионеток в руках некоронованного короля Персидского залива — британского резидента.

В 1820—1830-е годы оформилась английская колониальная администрация в районе Персидского залива во главе с резидентом, находившимся в Бушире. С 1823 г. гражданских резидентов сменили военные [117, с. 199, 254]. В вопросе субординации резидента сквозило намерение англичан обособить район Персидского залива от Ирана: во всех делах, касающихся района Залива, резидент был ответствен лишь перед британскими властями в Индии, согласовывая с английским послом в Иране лишь общеполитические проблемы.

Этот процесс обособления деятельности резидента проявился особенно четко, когда Макнил заявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном и покинул Тегеран, а резидент в Бушире Хеннель продолжал исполнять свои функции. Еще одна британская резиденция находилась в Басре; она считалась второй по значению. В Маскате в конце 30-х годов было учреждено консульство, хотя еще с начала века Оман был опутан сетями английских интриг, а сеид окружен английскими советниками, послушно исполняя их распоряжения. В городах Эш-Шамала (Рас-эль-Хайме, Шардже и др.), на о-вах Кешм, Бахрейн и в других пунктах Персидского залива англичане содержали гласные и негласные агентства, наблюдателей либо разведчиков [117, с. 290, 321, 327 и др.]. По всему району они раскинули постоянно действующую агентурную сеть; их шпионы проникали в глубь Аравии, в Иран и Турцию. В 20-е годы они провели серию обследований береговой линии и островов, дна Залива, устья Шатт-эль-Араба. При этом особый интерес был проявлен к западному углу Залива, где позиции Англии тогда были слабее.

Договором 1820 г. Англия присвоила себе полицейские функции на Заливе. Была разработана целая система патрулирования Персидского и Оманского заливов кораблями британского флота. Три корабля постоянно крейсировали вдоль побережья Эш-Шамал, держа под дулом своих орудий Рас-эль-Хайму, Шарджу, Дибай и другие города. Два корабля курсировали по линии Маскат — Мусандам — Басра (один из них был предназначен поддерживать связь с Бомбеем) [117, с. 195—197].

Резидент в Бушире выдавал паспорта на право торговли и регулярно совершал инспекционные поездки вдоль побережья, чиня суд и расправу, в том числе и оружием. Во время таких поездок шейхов доставляли на корабль резидента, где они получали инструкции и давали нужные англичанам сведения. Полная зависимость шейхов от англичан выразилась, например, в

том, что резидент, снабжая их оружием, натравливал на активизировавшихся на рубеже 20—30-х годов ваххабитов, а позже на египтян [117, с. 322—324, 331].

Постепенно шейхи стали дополнять сеть агентов, превратившись, по сути дела, в английских марионеток. И патрулирование, и инспекционные поездки имели целью не только удерживать контроль за судоходством и торговлей, но и усилить зависимость здешнего рынка от Англии. В ход был пущен старый предлог борьбы с пиратством, которому англичане в своих интересах придали более широкий смысл, имея при этом в виду вмешаться в дела более обширного района побережья. На новом этапе под пиратством разумелось «любое нарушение мира» на Заливе, любая междоусобица [117, с. 105, 109, 201, 214, 220, 229, 249, 254 и др.]. Принимая во внимание, что все юго-западное побережье Персидского залива от Кувейта до Омана было по-прежнему охвачено не без английского участия феодальными распрями, район «пиратства» значительно расширился²⁹.

Помимо прежних предлогов англичане стали использовать и новые: «борьбу с работорговлей» и «поддержание мира». На деле это означало, что судьба местных племен в целом и каждого судовладельца в отдельности полностью зависела от произвола британских властей. Англичане в качестве полицейской власти вмешивались во всякие споры и конфликты, задерживали «подозрительных» любящих суда. Серия инструкций о задержании «подозрительных» судов, «идущих на пиратство», была начата резидентом Станнусом, вступившим в должность в конце 1823 г. [117, с. 206], и впоследствии получила наиболее полное выражение в специальной инструкции генерал-губернатора Индии капитанам английских судов о так называемой борьбе с работорговлей³⁰. По этой инструкции английские капитаны могли задерживать, осматривать и захватывать в Персидском и Оманском заливах любое местное судно, причем отсутствие на корабле рабов не снимало обвинения в работорговле. Захваченное судно, исключая суда Ирана и Турции, англичане отводили в Индию, а араба-капитана отдавали в Бомбее под английский суд, которому он должен был доказать несостоятельность обвинений. Капитаны и команды английских кораблей получали премию за каждое захваченное «работорговое» судно соответственно его водоизмещению (четыре фунта стерлингов за каждую тонну), причем и в том случае, когда рабов на судне не было.

В результате подобной практики Персидский залив стал излюбленным местом подлинной охоты английских капитанов, стремившихся нажиться на захвате «подозрительных» судов. Отсюда становится понятным, что возможности какого-нибудь бахрейнского судовладельца оправдаться в Индии перед английским судом сводились к нулю. Произвольно захваченное судно, как правило, конфисковывали, а хозяин его либо успевал

разориться, пока в суде тянулось дело, либо, находясь в полной власти англичан, давал какие-нибудь нужные им обязательства.

Приспособив колониальную систему к условиям района, англичане пустили здесь корни, вели экспансию в глубь региона. Целям экспансии служила политика Англии и на участках аравийского побережья, куда захватчики ступили ранее — в первой трети XIX в. (например на побережье Эш-Шамал); местные шейхи были опутаны целой сетью договоров.

Продолжала функционировать и система карательных экспедиций, хотя во второй четверти XIX в. они не проводились в столь широких масштабах, как в 1819—1820 гг., ибо шейхи, подавленные превосходством английского вооружения, были вынуждены подчиниться диктату Великобритании. В 1826 и 1829 гг. англичане ставили эскадру у берегов Эш-Шамала, демонстрируя силу, а в 1833 и 1834 гг. планировали совершить интервенцию в Персидский залив [117, с. 225, 234, 238]. Попытки английских авторов объяснить готовящуюся акцию активизацией ваххабитов несостоятельны, ибо в 30-е годы ваххабиты не распространили свое влияние столь широко, как в начале века. Показательно, что когда сеид Саид, против которого в основном были направлены завоевательные устремления ваххабитов, обратился за помощью к англичанам, те посоветовали ему согласиться на условия, выдвинутые ваххабитским командующим Омаром ибн Уфейсаном. Отсюда естественно заключить, что новое появление на арене ваххабитов не только не беспокоило англичан, но было им на руку, ослабляя их вассала Саида и привнося новые осложнения в непрекращающиеся распри шейхов Эш-Шамала.

В конце 20—30-х годов в масштабах так называемой большой политики англичане снова вытащили на свет спекулятивную идею «обороны Индии». В новой модификации этой идеи Индии угрожали ваххабиты, египетские войска и... русские. Шумихой об опасности со стороны ваххабитов и Мухаммеда Али англичане прикрывали активизацию своих происков в западном углу Залива и в районе Бурайми — Бахрейн, а разговорами о возможном продвижении русских по суше к Персидскому заливу — процесс упрочения Англии на берегах Евфрата³¹. В действительности власти Англии в районе Персидского залива в этот период не угрожал никто, и это обстоятельство вынуждены признать даже некоторые апологеты британского колониализма. Например, Келли, посвящая не один десяток страниц английским теориям о русской угрозе Индии во второй четверти XIX в., пишет, что такого рода теории никто не принимал всерьез [117, с. 270]. Старая идея была использована на новый лад для обработки общественного мнения и прикрытия двух линий британской политики этого времени — политики закрепления на захваченных позициях и «округления» своих владений в районе Персидского залива.

Превращение Персидского залива
в «британское озеро»

В первой трети XIX в. определились основные направления британской политики в зоне Персидского залива: постоянное, все усиливающееся давление на Иран, возрастающее влияние на Оман под видом дружественных отношений с его правителем, открытый диктат на побережье Эш-Шамал, расширение и углубление захваченных позиций в районе Басры.

Давление Англии на Иран было всесторонним — и политическим, и экономическим, и военным. В 30-е годы в связи с преобразованием всей «внутренней и внешней, финансовой и торговой политики в соответствии с интересами промышленных капиталистов» [10, с. 333] Иран все более стал интересовать Англию как рынок сбыта ее товаров, источник сырья для бурно развивающейся промышленности. Уже в эти годы баланс торговли Ирана с Англией был пассивным, а ввоз английских текстильных товаров доходил до 90% всего его импорта¹. Не удовлетворяясь этим, англичане требовали заключения торгового договора и получения прав экстерриториальности. К этой цели были направлены и их действия в области политики, и угроза их военного вторжения со стороны Персидского залива.

В нарушение ранее заключенного договора Англия в начале 1838 г. использовала очередной поход шахских войск на Герат для активного вмешательства в ирано-афганские отношения и вторжения на территорию Ирана. Она действовала по трем линиям. Во-первых, в Бомбее были срочно подготовлены военные силы для переброски в Персидский залив. Во-вторых, для обеспечения тылов англичане принудили шейхов Аджмана, Дибая, Абу-Даби и других мест Эш-Шамала подтвердить их обязательство 1820 г. о предоставлении права осматривать, задерживать и даже конфисковывать местные суда. В-третьих, английский посол в Иране Макнил, активно противодействуя военным усилиям шаха, использовал любую ситуацию для осложнения англо-иранских отношений в целом².

Решение о вторжении английских войск на территорию Ирана было принято в конце апреля 1838 г. Письмом от 1 мая секретарь британского правительства в Индии по иностранным делам Макнотен уведомил об этом Макнила³, и тот 16 мая вру-

чил шаху меморандум с рядом требований, главными из которых было заключение торгового договора и предоставление англичанам права экстерриториальности. Шах в тот же день выразил согласие рассмотреть все требования, но посол продолжал нагнетать обстановку. 18 мая он направил шаху письмо, содержащее угрозы в адрес Ирана, если торговый договор не будет заключен незамедлительно. Хотя шахское правительство предложило обсудить условия договора, Макнил 4 июня, в день отплытия английских войск из Бомбея, вручил шаху ультиматум и через несколько дней покинул свою резиденцию под Гератом, где находился около полугода⁴.

К началу июня в Бомбее был полностью оснащен фрегат «Семирамида» с 500 солдатами и двумя орудиями на борту, а также корабли второго эшелона войск, предназначенных для операций в Персидском заливе. Общее командование военными действиями в Заливе было поручено полковнику Ширеффу, который подчинялся резиденту в Бушире Хеннелю. Последний должен был обеспечить высадку британских войск на о-в Харк. Все расходы на эту экспедицию предполагалось возместить за счет народов Индии.

Вторжение 1838 г. во многом напоминало экспедицию Малькольма 1808 г. Правда, высадка на Харк на этот раз планировалась без поддержки военной эскадры, хотя та двигалась следом. Объяснялось это тем, что шейх Харка был заранее подкуплен англичанами. Поведение шейха Бушира в связи с прибытием туда, а затем и на о-в Харк британских войск, а также последующее его бегство к англичанам изобличают и его (шейх Харка Абдалла приходился шейху Бушира Насиру дядей). Английское командование договорилось с Абдаллой о высадке войск на остров. Абдалла заявил, что он сам, все жители острова и их имущество «находятся в полном распоряжении» англичан. Для разгрузки «Семирамиды» шейх послал специальные баркасы. Корабль пристал к острову в ночь на 19 июня, и к вечеру все вооружение, снаряжение и солдаты были переправлены на берег⁵.

Так, с помощью предательства английские войска без единого выстрела оккупировали Харк. Только окопавшись на нем, Хеннель решил известить об оккупации острова губернатора Бушира мирзу Аббаса. Резидент лицемерно просил губернатора оказать содействие оккупационным войскам. В ответ тот запретил отправку на Харк продовольствия⁶.

Через несколько дней после вторжения в лагерь шаха под Гератом явился полковник Стодарт, подкрепивший угрозы Макнилла извещением о высадке на о-в Харк английского десанта⁷. Получив и от губернатора Фарса известие об оккупации Харка (в последних числах июня около этого острова была сконцентрирована дополнительно английская эскадра), шах 14 августа заявил Стодарту, что принимает требования Мак-

нила; на следующий день иранские войска, стоявшие под Гератом, начали подготовку к снятию осады, что и было сделано к 28 августа, причем Стоддарт из лагеря осаждавших тут же перенесся в самый Герат⁸.

Казалось бы, что после снятия шахом осады Герата англичане должны были отвести с Харка свои войска. Однако здесь-то и вскрылись истинные цели агрессоров: они не только не думали об отводе, но уже спустя два месяца после снятия осады Герата вдвое увеличили численность войск на Харке⁹. В ближайшие после этого месяцы англичане стали вынуждать различные поводы для придинок к иранским властям в целях углубления «гератского конфликта»¹⁰.

17 ноября 1838 г. в Бушире возникли беспорядки. Начались они со спора между купцами и мирзой Аббасом. На требования губернатора уплатить налоги купцы ответили, что уже выплатили их прежнему губернатору шейху Насиру, укрывавшемуся на Харке у англичан. В виде протеста закрылись городские базары. Мирза Аббас послал солдат, чтобы принудить купцов продолжать торговлю. Местный шейх Хусейн призвал купцов с оружием в руках противостоять солдатам. В стычке выяснилось, что некоторые из последних были пьяны, и тогда толпа, возглавляемая шейхом Хусейном и городским судьей, принялась громить винные погреба; среди прочих была разгромлена лавка одного буширского еврея, связанного с англичанами (как известно, продажа спиртного по мусульманскому обычаю запрещена). Весь этот эпизод имел определенную подоплеку: англичане укрывали на оккупированном о-ве Харк губернатора Бушира, прикарманившего налог с местных торговцев, поэтому-то ненависть толпы и обратилась против лавочника, связанного с англичанами.

В дело вмешался британский резидент, который, будучи официальным представителем английских властей в Иране, в то же время укрывал предателя и казнокрада шейха Насира на оккупированном Харке. Он заявил, что вылитый спирт предназначался не для продажи, а для вывоза... в Индию, и потребовал возмещения ущерба лавочнику, находившемуся под протекцией английского правительства. Губернатор провинции Фарс Феридун-мирза указал на беспочвенность претензий, ибо лавочник был уроженцем Бушира и иранским подданным. Хеннель, признавая это, вместе с тем настаивал на том, что, поскольку лавочник был на службе у английского правительства, он, следовательно, пользовался правами британского подданного¹¹.

Затем англичане затеяли спор из-за дома в Тегеране, арендованного английским офицером Тоддом. Когда Тодд выехал из Ирана, шахское правительство передало дом офицеру иранской армии. Секретарь английского посольства, усмотрев в этом оскорбление, выразил протест, а английское правительство раздуло этот инцидент и потребовало специальных извинений ми-

нистра иностранных дел Ирана мирзы Масуди. Ноты протеста по этому поводу Англия посылала в течение нескольких лет [102, т. I, с. 56, 65, 81, 84].

В ноябре Макнил заявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном и выехал из страны, используя в качестве непосредственного предлога нежелание иранского правительства принести извинения Тодду и другие столь же надуманные предлоги. Отъезд Макнила характеризует один из методов английской дипломатии; в дипломатических отчетах и в английской прессе для введения в заблуждение общественного мнения разрыв отношений объяснялся личной инициативой Макнила [102, т. I, с. 52].

Действительная причина разрыва дипломатических отношений состояла в том, что к этому времени англичане сосредоточили войска для похода против Афганистана и им нужен был предлог для продолжения оккупации Персидского залива в целях давления на Иран с юга, которое сковывало бы инициативу шаха.

2 февраля 1839 г. англичане при поддержке корабельной артиллерии с боем высадились в главном порту Синда Карачи. Особенно большие разрушения карачскому форту нанес 64-пушечный линейный корабль «Уэлсли». Десантной операцией командовал адмирал Мейтланд. Эмиры Синда вынуждены были подчиниться¹².

20 февраля колонны английских войск двинулись на Кандагар и Кабул, а эскадра, состоявшая из «Уэлсли», трех других военных кораблей и нескольких транспортов, направилась к Буширу. На следующий день по прибытии туда адмирал Мейтланд приказал матросам перевезти грузы из английской резиденции на борт «Уэлсли», минуя таможеню. Иранские чиновники запротестовали. Тогда Мейтланд в сопровождении двух офицеров явился к губернатору Бушира, настаивая на вывозе грузов без досмотра. При этом он заявил, что «сочтет агрессивней любую попытку помешать такой погрузке», а если губернатор попытается все-таки сделать это, то моряки с «Уэлсли» обеспечат операцию силой. Мейтланд ссылался также на несколько случаев, когда под тем или иным предлогом английским чиновникам удавалось проходить таможеню без досмотра. Он пытался таким образом установить бесконтрольное сообщение английской эскадры с резиденцией. Но это, по существу, означало высадку в Бушире десанта, а в перспективе оккупацию порта, о чем и сказал Мейтланду начальник порта. Не скрывая своих захватнических намерений, адмирал напомнил губернатору, что именно его эскадрой был разгромлен форт Карачи.

Тогда отряд иранцев занял башню в ста метрах левее резиденции; другой отряд укрылся за бруствером из мешков правее ее. Обе позиции господствовали над пристанью, и занявшие ее отряды имели целью не пропустить английских солдат с ко-

раблей в резиденцию. Узнав о попытках англичан высадить десант, население Бушира и его окрестностей во главе с Багирханом поспешило на помощь иранским солдатам [51, с. 29].

25 марта англичане попытались захватить позиции на суше. Под прикрытием корабельной артиллерии 500 солдат при шести пушках погрузились на баржи и направились к берегу, где кроме нескольких сот иранских солдат собралась большая толпа негодующих буширцев. Из толпы доносились возмущенные выкрики в адрес резидента Хеннеля, адмирала Мейтланда и офицеров, стоявших около резиденции¹³. Когда баржи приблизились к берегу, один из иранских солдат, выйдя вперед, криками и жестами потребовал, чтобы они повернули обратно, но английский офицер из окружения Мейтланда и Хеннеля вырвал у него мушкет. Буширцы схватились за камни, «которые с силой полетели в офицеров» [122, т. II, с. 105]¹⁴. Завязалась перестрелка. С барж ударили пушки. Примерно 30 английских матросов оттеснили иранцев с бруствера и прорвались в резиденцию. В жаркой схватке с обеих сторон были жертвы, но о численности их Мейтланд в своем донесении умалчивает. В тенденциозном сочинении Лоу говорится лишь о коммодоре Бруксе и других офицерах, сильно пострадавших под градом камней, да о нескольких раненых персах [122, т. II, с. 105]; по донесению же Дюгамеля, англичане оставили много убитых [12, д. 20, л. 104]. В результате оказанного сопротивления англичане вынуждены были вернуться на суда¹⁵.

В дальнейшем англичане намеревались обманным маневром переправить в резиденцию значительный отряд солдат, но губернатор Бушира окружил ее отрядом иранских войск и дал бой захватчикам при высадке их с барж, опираясь на поддержку населения города и окрестностей. Расчеты на захват врасплох провалились. Оставался выбор между тем, чтобы ввести в действие корабельную артиллерию и развернуть серьезные боевые действия или уйти. Поскольку для штурма Бушира у англичан не было достаточных сил, им пришлось отступить.

Характеризуя действия иранских войск, нужно отметить их ограниченность. Губернатор был больше озабочен тем, чтобы локализовать бой, чем ликвидировать десант. Он дал английским солдатам возможность убраться восвояси, не рискуя ни преследовать их, ни выбить из резиденции 30 оставленных там матросов. Все же он распорядился соорудить башню, господствующую над пристанью и резиденцией, и поставил снабженный артиллерией отряд. Он блокировал засевших там матросов¹⁶.

26—28 марта возбуждение населения стало особенно угрожающим, и Хеннель был вынужден перебазироваться на Харк, причем не преминул расценить весь инцидент как оскорбление британской короны, хотя он и был спровоцирован вылазкой Мейтланда (в дальнейшем одобренной английским правительством)¹⁷.

Узнав о происшествии, губернатор провинции Фарс направил в Бушир Мухаммед Хасан-хана с двумя батальонами солдат и десятью пушками, ибо было ясно, что и с уходом резидента ненависть жителей Бушира к англичанам не умерилась. Немаловажной причиной тому было их повсеместное засилье в южных районах Ирана¹⁸. В донесении Пальмерстону из Ирана было правильно подмечено, что отъезд Мейтланда и Хеннеля «считают бегством и поражением резидента и адмирала»¹⁹. Население продолжало возмущаться тем, что на Харке скрывался шейх Насир, и Хеннелю пришлось убрать его с острова.

События в Бушире быстро стали известны во всех уголках Персидского залива, показав, что происки англичан можно пресечь энергичными и решительными мерами. «В дальнейшем на Персидском заливе всегда говорили, — писал по этому поводу Лоу, — о трусости англичан, о том, что линейный корабль и британская эскадра были побиты храбрыми персами и изгнаны вместе с резидентом на Харк» [122, т. II, с. 105]²⁰. После событий в Бушире «обязанности эскадры Персидского залива стали крайне беспокойными»: приходилось вести усиленное наблюдение за обоими берегами Залива, несмотря на то что англичане раздавали «много денег и подарков среди прибрежного населения, чтобы увеличить число своих приверженцев»²¹. Англичане прибегали к подкупам еще и потому, что население отказывалось продавать им продукты; продовольствие приходилось подвозить из Бомбея.

Ради восстановления пошатнувшегося престижа англичан Мейтланд, помощник резидента Эдмундс и коммодор Брукс совершили рейд вдоль берегов Персидского залива с заходом в Манаму, Линге, Рас-эль-Хайму. В Рас-эль-Хайме шейхов ряда местных племен принудили подтвердить навязанные им обязательства. Через месяц, в конце мая 1839 г., новым соглашением англичане заставили оманского правителя продлить право контроля над судоходством в водах Омана и подписать кабальный торговый договор. Тогда же в Омани было учреждено консульство. Первым консулом был назначен капитан Камертон [117, с. 336].

Особая активность англичан в 1839 г. в Персидском заливе имела и еще одну причину — выступление египетской армии Мухаммеда Али, который намеревался упрочить свое влияние среди шейхов Персидского залива. Во время переговоров с шейхами Мейтланд и Эдмундс настойчиво расспрашивали об их взаимоотношениях с египетскими эмиссарами. Англичане в полной мере воспользовались потенциальной угрозой их растущему влиянию в зоне от Персидского залива до Красного моря. Еще в начале 1839 г. они оккупировали Аден, чтобы «противостоять возможному захвату этой территории египтянами» [117, с. 326]. Попытка шейха Бахрейна заручиться поддержкой Египта в его борьбе с Оманом послужила Англии поводом

предъявить свои притязания на обладание архипелагом и обосноваться в оазисе Бурайми якобы для упрочения мира в этих краях.

В июле 1839 г. под новым нажимом Хеннеля шейхи Эш-Шамала выдали по указке англичан письменные обязательства выступить против египетских войск Хуршид-паши, а также не вступать ни с кем в переговоры без их санкции [117, с. 321—322]. Показательно, что во время этой и следующей, зимней, инспекционных поездок в Оман и на Эш-Шамал Хеннель распределял между племенами рис и оружие. Совершенно очевидно, что при этом Хеннель не столько заботился о поддержании сил голодающих, сколько о том, чтобы удержать их от перекочевки, которая могла изменить ситуацию не в пользу англичан. Предоставляя оружие, Хеннель тем самым громогласно заявлял миру, что пиратства на берегу Эш-Шамала нет. Формально оружие предназначалось для совместной борьбы арабских племен против армии Хуршид-паши. На деле же оно стимулировало продолжение междоусобиц. Двуличие британской политики проявилось и в том, что официально Хеннель настаивал на запрещении ввоза оружия в Персидский залив²².

Одновременно с инспекционными поездками Хеннель запрашивал в Индии военные корабли, с тем чтобы, поставив их против Эль-Катифа, не допустить ни одно судно с вооруженными людьми на борту к берегам Эш-Шамала вопреки интересам Англии. Он настаивал также на военной демонстрации в Заливе, и к концу 1839 г. три крупных английских военных корабля направились было в Персидский залив, но обострение ситуации на Дальнем Востоке побудило индийские власти вернуть их. В то же время велись военные приготовления и в северном углу Залива — от Басры и Багдада до Мохаммеры, а Пальмерстон слал в адрес Мухаммеда Али угрожающие послания о том, что британцы силой заставят его покинуть любую базу в Заливе, в которой он попытался бы обосноваться [117, с. 327—328, 317].

Наличных военно-морских сил в Персидском и Оманском заливах теперь англичанам казалось мало, хотя с вводом в строй паровых судов мощность их флота увеличилась. Коммодор Брукс запрашивал в Индии два-три корабля в дополнение к постоянно курсировавшим вдоль побережья, ибо «в любой момент могли потребоваться одновременно два-три крейсера сразу»²³.

Англичане продолжали наращивать силы и на Харке. Летом 1839 г. численность их войск здесь достигала 3—4 тыс. человек. На острове устанавливались тяжелые орудия, возводились укрепления²⁴. Теперь уже никого не могли убедить фальшивые объяснения Макнила, что «единственная причина разрыва между правительствами Лондона и Тегерана — отказ последнего дать требуемое удовлетворение за арест курьера английской

миссии» (т. е. шпиона Мухаммеда Али-бека)²⁵. Оккупация Харка продолжалась и после согласия шаха вывести гарнизон из Гуриана, и после того, как иранские официальные лица принесли требуемые англичанами извинения за «оскорбления», и после издания фирмана о предоставлении служащим английских миссий в Иране особых прав [102, т. I, с. 91—92]. Пальмерстон прямо заявил, что по выполнении всех условий Лондона британская миссия вернется в Иран, но обсуждать вопрос о выводе войск с Харка соглашался только после заключения торгового договора. Таким образом, Харк на неопределенное время оставался залогом торгового договора, и Англия не давала никаких обещаний о выводе войск с оккупированного острова.

Колониальная система, установленная англичанами в Персидском заливе, периодически приводила к столкновениям недовольного населения с захватчиками вроде происходившего весной 1839 г. в Бушире. К сожалению, в источниках мы находим лишь разрозненные свидетельства того, что население противилось процессу превращения обширных территорий, примыкающих к Персидскому и Оманскому заливам в колонии. Одним из проявлений недовольства было нежелание продавать продукты для английского гарнизона на Харке. Были и случаи расправы с теми, кто, соблазнившись высокой платой, продавал оккупантам съестные припасы. Англичанам приходилось снабжать крупное воинское подразделение на Харке главным образом из Бомбея, а это было связано с большими дополнительными расходами и сложностью доставки, ибо прибрежные племена, движимые ненавистью к захватчикам, перехватывали суда с продовольствием. Особенно отличились племя асалу, жители Фарра, Бидаа, Бахрейнских островов и др.

Перерывы в доставке продовольствия отражались на положении оккупационных войск, и без того страдавших от тяжелого климата и болезней. Смертность среди английского гарнизона была очень высокой. Солдаты не выдерживали здесь службы более 8—10 месяцев. В конце 1839—начале 1840 г. среди английских войск на Харке вспыхнула эпидемия, чуть было не вынудившая их вообще покинуть остров²⁶. Не желая, однако, выпускать его из рук, англичане в мае—июне 1840 г., несмотря на повальные болезни, доставили туда свежие силы [122, т. II, с. 111].

Незадолго перед тем, весной 1840 г., Англия в целях давления на шаха направила в Персидский залив новую эскадру, флагманом которой был только что вступивший в строй паровой военный корабль «Сезострис», вооруженный новейшими восьмидюймовыми пушками. Его появление в Персидском заливе, по словам Лоу, повергло в смятение всех шейхов. Командовал эскадрой ранее упоминавшийся в связи с событиями в Бушире Брукс.

И на этот раз эскадра вошла в Бушир без всякого разрешения местных властей, как это повелось у англичан в те годы. Появление на рейде военных кораблей вызвало большое волнение в городе [122, т. II, с. 136]. Брукс предъявил претензии по поводу перехвата судов, доставлявших продовольствие оккупационным войскам на Харке. Но поскольку местное население подчас действовало по собственному почину, то претензии Брукса можно расценивать как демонстрацию силы или провоцирование очередного инцидента. Простояв два дня в Бушире и считая, что о произведенной демонстрации будет доложено шаху, Брукс направился в карательную экспедицию по Заливу. Невдалеке от Бахрейна он приказал открыть пальбу из орудий «Сезостриса» по берегу. Канонада должна была соответствующим образом подготовить местного шейха к последовавшим переговорам, в ходе которых Брукс требовал принять меры против тех, кто нарушал снабжение английского гарнизона на Харке. Он настаивал на том, чтобы продовольствие войскам поставляли из местных ресурсов²⁷. Из Фарра эскадра направилась в Бидаа, который был подвергнут сильной бомбардировке. Затем эскадра посетила Сир, Абу-Найди, Абу-Даби, Дибай (последний тоже был обстрелян артиллерией «Сезостриса»). В Шардже и Умм-эль-Кайвайне на борт «Сезостриса» призвали шейхов близлежащих племен, для которых была устроена демонстрация мощи корабельной артиллерии. Так эскадра прошла вдоль берегов Залива, навязывая волю колонизаторов одним — демонстрацией силы, другим — огнем артиллерии.

После вывода шахского гарнизона из Гуриана в марте 1841 г. английское правительство уже не имело никаких поводов для продолжения оккупации Харка. Тем не менее Англия не собиралась эвакуировать войска; напротив, судя по установленным тяжелым артиллерийским батареям, захватчики намеревались осесть там навсегда. За три прошедших года они построили каменные казармы, проложили дороги и прочно обосновались здесь.

Английские должностные лица, причастные к оккупации Харка, на все лады обсуждали возможности закрепиться на острове. Генерал-губернатор Индии Окленд восклицал: «Харк должен стать Сингапуром Персидского залива» [117, с. 347]. Наиболее предприимчивые колонизаторы предлагали английской администрации Индии предъявить шаху невыполнимое условие и под этим предлогом захватить Харк, купить остров у шахского правительства и т. п. Однако трезвые умы понимали, что уйти все-таки придется, и заблаговременно пытались найти другую подходящую базу в Заливе. Так, еще в начале 1838 г. Эдмундс обследовал о-в Файлака близ берегов Кувейта, но счел, что гавань Файлаки, открытая северо-восточным и юго-восточным ветрам, не подходит для военно-морской базы. В феврале — апреле 1841 г., когда англичане оказались перед необ-

ходимостью эвакуации Харка, снова рассматривался вопрос о перебазировании в Кувейт, но из-за губительного климата этого края и отсутствия пресной воды пришлось отказаться и от этой идеи. Неоднократно обсуждалась возможность учреждения базы на Бахрейнском архипелаге, однако в тот период подобные планы оказались нереальными не только из-за тяжелого климата, но и в силу активно проявлявшегося враждебного отношения населения этих островов [117, с. 338, 347].

В конечном счете именно всеобщее недовольство англичанами в южных провинциях Ирана принудило их отказаться от надежды остаться на Харке. После заключения торгового договора с Ираном в октябре 1841 г. англичане под различными предлогами затягивали эвакуацию войск с Харка, хотя и опасались взрыва негодования, даже находясь за стенами возведенных ими укреплений.

Оценивая общие настроения в Иране в 1841 г., еще до подписания торгового договора, Дюгамель писал: «Вы не поверите, до какой степени здесь возбуждены умы против Англии, так как здесь замечают, что все пожертвования и все уступки, сделанные Персией... остались без последствий... Остров Карак и несколько других островов в Персидском заливе по-прежнему заняты англичанами. Английские эмиссары бродят по стране и возбуждают в ней волнение; английское правительство поддерживает деньгами и своим одобрением восстание Агахана в керманской провинции; англичане стараются при помощи денег возбуждать волнения в Хорасане; они недавно подучили хивинцев напасть на Герат; наконец... положительно доказано, что никто другой, как англичане, оказывали до сих пор покровительство укrywшимся в Багдаде персидским принцам и что они делали из этих принцев пугало против Персии»²⁸.

Если к этому прибавить, что вырванные силой у Ирана уступки имели следствием наводнение иранского рынка английскими товарами и это пагубным образом отразилось на местной промышленности, что право экстерриториальности давало англичанам возможность для бесконечных интриг и вмешательства во внутренние дела Ирана, что продолжалась оккупация Харка, что для всех было очевидно — чем больше уступает иранское правительство англичанам, тем быстрее растут их притязания, то можно себе представить, что к концу 1841 г. в Иране для англичан создавалась грозная атмосфера. Последней каплей, которая могла переполнить чашу всеобщего недовольства, были известия о первых успехах восстания против англичан в Афганистане.

В связи с этим английское командование в середине декабря 1841 г. срочно направило в Персидский залив эскадру, чтобы немедленно вывезти войска с Харка, ибо начиная с последних дней ноября — первых чисел декабря генерал-губернатор Индии получал из Афганистана вести одна другой тревожнее.

Аналогичная катастрофа могла разразиться и в Персидском заливе.

Состав эскадры, предназначенной для эвакуации, показывает, что англичане были сильно напуганы. Только этим можно объяснить, почему в Залив были направлены не обыкновенные транспорты, а новейшие паровые линейные суда, подходящие скорее для морского сражения²⁹. В течение января — февраля 1842 г. на корабли были погружены и отправлены в Индию войска и тяжелые пушки, ранее установленные оккупантами в расчете остаться здесь навсегда.

Чтобы иметь в будущем предлог для возвращения на Харк, англичане добились разрешения шаха на создание там угольной станции для пароходов, курсировавших в северной части Залива. Однако накал антианглийских настроений, затронувший и придворные круги Ирана, особенно в связи с афганскими событиями 1841—1842 гг., вынудил англичан в конце концов оставить и эту затею в марте 1844 г. [117, с. 350].

Лондонские газеты, плохо представлявшие напряжение последних месяцев в Иране, протестовали против бегства с Харка, крича о неблагоразумии отступления с этой важной стратегической позиции, которая командовала над Буширом и над устьем Шатт-эль-Араба. «Таймс» считала, что, оккупировав единожды Харк, Англия на этом основании сможет в будущем повторно захватить остров, не вызывая международного осложнения.

Иначе говоря, хотя и на этот раз захватить остров не удалось, но судьба его, мол, предрешена: он должен стать английским владением, и это должен признать весь мир. Та же «Таймс» писала, что, если бы Англия обладала Ормузом на одном конце Персидского залива и Харком на другом, то «это внутреннее море было бы практически *британским озером*» (курсив наш.— *Н. Т.*) [122, т. II, с. 168].

После неудавшейся попытки захватить военный плацдарм у берегов Ирана англичане, едва покончив с авантюрой в Афганистане, приступили к оформлению колониальных владений на аравийском побережье Персидского и Оманского заливов, связывая в единую цепь отдельные опорные пункты, расположенные от Маската до Катара. По их указке шейхи Эш-Шамала подписали так называемый Договор о десятилетнем мире (1843), по которому английские власти на Заливе становились высшей карательной инстанцией. «Договор» обязывал шейхов не братья за оружие даже в том случае, если кто-либо из них подвергнется нападению; пострадавший должен был известить об инциденте английского резидента либо командующего эскадрой, базировавшейся на о-ве Кешм, предоставив им решать участь его княжества [92, т. X, с. 135]. Тогда же англичане продиктовали аналогичный «договор» и оманскому сеиду. Спустя еще три года все местные правители подписали «соглашение»,

ставившее жизнь племен арабского побережья в полную зависимость от Англии.

На рубеже 40—50-х годов англичане «округлили» свои колониальные владения, дугой опоясывавшие Персидский и Оманский заливы с юга. Единственным звеном, долгое время выпадавшим из этой цепи, был Бахрейнский архипелаг.

Установление протектората над Бахрейном приобрело наибольшую известность среди действий Англии по расширению владений в районе Персидского залива. Вообще история бахрейнского протектората породила обильную литературу, особенно в среде иранских авторов — историков и специалистов в области международного права³⁰.

Уже в начале XIX в., испытывая неудачи в попытках захватить Харк, англичане обращали взоры на Бахрейн. Британский представитель Уиллок в конце 10-х годов настойчиво навязывал Ирану свое посредничество в его отношениях с Бахрейном³¹. Англия намеревалась овладеть этим архипелагом таким же образом, каким она добилась подчинения Омана и шейхств Эш-Шамала: возбуждением междоусобиц, вмешательством во внутренние дела и внешнюю политику княжества, навязыванием обязательств, провоцированием к объявлению такой независимости, которая на деле оборачивалась для местных правителей зависимостью от Англии.

Шейх Бахрейна Абдалла непосредственно познакомился с английскими методами колонизации в 1820 г., когда его и брата-сопровителя Сулеймана (ум. в 1825 г.) принудили подписать упоминавшийся выше «Генеральный договор», а после того огнем английской корабельной артиллерии были сожжены суда жителей Бахрейна, чье занятие, как известно, связано с морскими промыслами.

Поняв, что один на один ему не выстоять против Англии, шейх Абдалла на протяжении последующих двадцати с лишним лет своего правления не пытался объявить себя независимым от Ирана и постоянно выражал подданство шахскому правительству. Такая позиция ставила преграду английскому вмешательству в дела Бахрейна. С тем большим усердием англичане подталкивали зависимого от них оманского сейда Саида на военные провокации против Абдаллы. Одновременно они, сначала исподволь, затем все более откровенно, вели линию на обособление Бахрейнских островов от Ирана, препятствуя любой попытке губернатора Фарса предпринять экспедицию на Бахрейн, ибо помимо формальных знаков подданства иранское правительство претендовало на долю доходов Бахрейна. По той же причине англичане противодействовали намерениям шаха создать свой флот, а также дезавуировали англо-иранское соглашение, подписанное в Ширазе, поскольку в нем констатировались права Ирана на Бахрейн. Таким образом, англичане стали постепенно отходить от политики замалчивания к изъяс-

лению сомнений в том, что названные острова принадлежат Ирану. Последнее подкреплялось прямым вмешательством и военным давлением. Наконец, англичане угрожающе заявили шахскому правительству, что любая его военная акция для подтверждения власти Ирана на означенных островах будет встречена огнем английских кораблей [91, с. 131].

До поры до времени все английские провокации имели здесь лишь относительный успех, но к концу 30-х годов XIX в. англичане перешли в открытое наступление на Бахрейн. Идеологическая подготовка нашла свое отражение в бумагах английских должностных лиц, которые изыскивали различные предлоги для утверждения власти Англии на Бахрейне. Так, в своих донесениях в Индию резидент Хеннель писал в 1839 г. о том, что в дополнение к гарнизону в Бурайми британская оккупация Бахрейна создала бы барьер продвижению Хуршид-паши. Тогда же Пальмерстон предлагал «хотя бы временно» оккупировать Бахрейнские острова, следующим образом инструктируя английские власти в Индии: «Обладание постоянной базой в Заливе не только усилит там британские позиции, но и даст возможность британскому правительству действовать более эффективно в политике Аравии, а может быть, и Персии»³².

Переходя от планов к прямым действиям, англичане противопоставили Абдалле его внучатых племянников Мухаммеда ибн Халифу и Али, которые с их помощью в 1843 г. изгнали старого шейха³³. В поисках поддержки Абдалла бежал с приверженцами на нескольких судах сначала в Бушир, а затем в Даммам, надеясь объединить для продолжения борьбы шейхов южного побережья [91, с. 127]. Многие из них остались верны ему, в том числе правитель одного из крупнейших городов, Эль-Катифа; главным образом отсюда Абдалла в течение нескольких лет направлял силы против своих соперников [38, с. 66].

В том же, 1843 г. Англия непосредственно предъявила свои «права» на Бахрейн. В британских правящих кругах было заявлено, что «обладание персами Бахрейном несовместимо с жизненно важными интересами британцев»³⁴. Английские представители в Иране «в типичном для них оскорбительном тоне» потребовали доказательства своих прав на Бахрейн у... Ирана. По этому поводу Адамийат совершенно справедливо пишет, что уже постановка Англией подобного вопроса была основана на праве сильного: «Если бы Персия была сильной,— пишет он,— она сама потребовала бы у Британии, пришельца, представить доказательства, на основании которых она вмешивается в бахрейнские дела» [91, с. 130, 133]. Шахские министры представили соответствующую аргументацию, которая, конечно же, была сочтена английской стороной недостаточной. Впоследствии конфликт из-за Бахрейна перешел в сферу проблем международного права [15, д. 177, л. 35а].

Пока велись разговоры о правах, английское вмешательство

в междоусобицу бахрейнских шейхов приняло вооруженный характер. Под предлогом борьбы все с тем же пиратством³⁵ (отметим, кстати, что даже Келли считает неправомерным говорить о пиратстве в Персидском заливе в 40-е годы) [117, с. 251] коммодор Хоукинс с двумя кораблями в начале 1845 г. напал на о-в Ганна, расположенный недалеко от Эль-Катифа и населенный малочисленным племенем умайр. Дело было отнюдь не в пиратстве, а в том, что шейх этого важного в военном отношении острова отказывался подчиниться Мухаммеду ибн Халифе, поддерживая сторону Абдаллы. В результате нападения на остров англичане захватили суда племени. Позднее они согласились вернуть их, но как самые настоящие пираты потребовали выкупа в размере более 2 тыс. рупий.

Под видом помощи шейху Бахрейна в утверждении его власти над южным берегом Залива Хеннель потребовал, чтобы правитель Эль-Катифа передал управление этим участком побережья Мухаммеду ибн Халифе. Правитель Эль-Катифа наотрез отказался. Тогда Хеннель в 1846 г. направил к островам два крейсера, угрожая начать военные действия. Однако шейхи южного побережья не поддались провокационной угрозе. Они готовились под руководством Абдаллы высадиться на Бахрейне и изгнать оттуда Мухаммеда ибн Халифу.

В 1847 г. они осуществили эту высадку, и Мухаммед ибн Халифа вынужден был взывать о помощи к своим покровителям. За дело взялся командующий английской эскадрой в Персидском заливе Лоу. Его вмешательство было типичной для английской политики провокацией. Лоу предложил противникам Мухаммеда ибн Халифы не начинать боя до тех пор, пока не будет дано разрешение... английского резидента. Наслушавшихся он угрожал обрушить огонь артиллерии своих судов. Тем самым Мухаммед получил время собрать свои силы.

Одновременно, пользуясь критическим положением своего ставленника, английский резидент принудил Мухаммеда ибн Халифу подписать обязательство, предоставлявшее англичанам право осматривать и конфисковывать суда Бахрейна в целях пресловутой борьбы с работорговлей. Кроме этого англичане требовали от него присоединения к соглашению о десятилетнем мире, заключенному в 1843 г. с шейхами юго-восточного берега (по нему Англия гарантировала «защиту» архипелага от нападений других правителей, т. е. обеспечивала протекторат над Бахрейном). От последнего требования Мухаммед упорно отказывался, но первое вынужден был принять. Отложив установление протектората над Бахрейном до более благоприятного момента, Хеннель соизволил «разрешить» шейхам начать сражение, когда перевес уже был на стороне Мухаммеда ибн Халифы. Союзники Абдаллы потерпели поражение, а сам он был убит [122, т. II, с. 325].

При таких обстоятельствах англичане присвоили себе право

задерживать и конфисковать суда бахрейнского шейха, «подозреваемые» в работорговле³⁶. Принудив его принять на себя это обязательство, Англия очередной раз нарушила условия договора 1814 г. с Ираном, запрещавшего ей вмешиваться во внутренние дела княжеств Персидского залива и заключать с ними соглашения.

Шейх Бахрейна был последним сравнительно крупным правителем этого района, которого Англия принудила подчиниться ее интересам. Присвоенное англичанами право обыска и конфискации бахрейнских судов они использовали в целях превращения Бахрейнских островов в базу — стоянку английского флота и для вмешательства во внутренние дела района.

Оказав Мухаммеду ибн Халифе поддержку в борьбе с Абдаллой, англичане не замедлили продемонстрировать ему, чего стоят их услуги. Хеннель распорядился доставить в главный город Бахрейна Манаму большую группу купцов и других влиятельных лиц, ранее бывших в оппозиции к Мухаммеду и поэтому изгнанных им с Бахрейна или бежавших от его преследования. Командующий английской эскадрой Портер (сменивший на этом посту Лоу в 1848 г.) потребовал от Мухаммеда ибн Халифы принять их и в дальнейшем не преследовать [122, т. II, с. 326]. Тем самым Портер указал Мухаммеду на то, что в Персидском заливе именно Англия диктует свои условия всем шейхам; кроме того, он этой мерой обеспечил себе расширение агентурной сети. Затем Портер под предлогом борьбы с пиратством атаковал один из островов архипелага и взыскал деньги за якобы разграбленный груз.

Возмущенный таким самоуправством, Мухаммед ибн Халифа направил к резиденту нарочных с заявлением о нанесенных ему обидах. Ответом на его жалобы было появление перед Манамой английского военного корабля, капитан которого потребовал у шейха извинений «за оскорбление британского правительства». Брату Мухаммеда ибн Халифы шейху Али пришлось ехать в Бушир. Однако резидента Хеннеля не удовлетворили принесенные им извинения; сущим глумлением было его требование, чтобы Мухаммед ибн Халифа лично прибыл с повинной к Портеру, на самоуправство которого дерзнул пожаловаться³⁷. Так как английские военные корабли по-прежнему стояли на рейде против Манамы в ожидании ответа шейха, а шахское правительство не могло прийти на помощь, Мухаммеду пришлось исполнить унижительную процедуру.

В исторической литературе традиционно считается, что Англия установила свой протекторат над Бахрейнским архипелагом в 1862 г., после англо-иранской войны 1856—1857 гг. Этот взгляд основывается на так называемом «соглашении» с бахрейнским шейхом, датированном 31 мая 1861 г. [92, т. X, с. 118—119]. Между тем в сентябре 1849 г., т. е. за 12 лет до того, генерал-губернатор Индии направил английскому резиден-

ту в Персидском заливе специальную инструкцию об установлении протектората над Бахрейном; военное обеспечение протектората было возложено на командующего английской эскадрой [122, т. II, с. 324]. На этом основании мы имеем право считать, что Англия в действительности установила протекторат над Бахрейном в 1849 г., а 1861 год следует считать лишь временем формального его объявления.

Характерной особенностью английской агрессии в отношении Бахрейна после 1849 г. является ее замаскированный характер. Определяющим моментом в оценке действий Англии могут служить взаимоотношения шейха Бахрейна и английских представителей в Персидском заливе, которые можно охарактеризовать как двенадцатилетнюю борьбу Мухаммеда ибн Халифы против Англии, закончившуюся изгнанием его с Бахрейна и объявлением британского протектората над архипелагом.

В 40-е годы усилились английские происки и в северном углу Залива — от Кувейта до Мохаммеры. Не были оставлены и проекты пароходных сообщений по р. Карун. По этому поводу русский посол в Иране Д. И. Долгоруков писал, что в случае осуществления этих проектов «будет лишняя петля сети, накинутой островитянами (т. е. англичанами.— Н. Т.) на южные берега Персии» [15, д. 133, л. 189].

Не прекращалось давление и на правительства Ирана и Турции. Исчерпав возможности прежних средств давления под предлогами борьбы с пиратством и поддержания мира на Заливе, англичане ухватились за новое — борьбу с работорговлей.

В 40-е годы «борьба с работорговлей» была использована Англией для вмешательства во внутренние дела Турции и Ирана. Пользуясь своим посредничеством на Эрзерумской конференции³⁸, англичане за четыре месяца до подписания ирано-турецкого договора вынудили султана выпустить особый фирман, предоставлявший им право осматривать и задерживать турецкие суда, подозреваемые в работорговле³⁹. Хотя они и не получили права конфискации турецких судов, подобного полученному ими по «договорам» с шейхами, тем не менее отныне Англия могла осуществлять бесцеремонный контроль над турецким судоходством по Персидскому заливу, причем в форме, недопустимой в мирное время.

Добившись права на обыск турецких судов, Англия стала предъявлять аналогичные требования и к Ирану, а 12 июня 1848 г. английский представитель в Иране подполковник Феррант направил премьер-министру Мирзе Агаси ультиматум, в котором предлагал в тот же день сообщить ему, намерено ли шахское правительство запретить работорговлю в зоне Персидского залива. Феррант предупреждал, что Англия не согласится ни на какое промедление в решении этого вопроса [92, т. X, с. 66—68]. Шаху пришлось принять ультиматум Ферранта, поскольку вслед за английскими угрозами мог последовать само-

суд над владельцами иранских судов. В тот же день шах выразил согласие запретить ввоз рабов в район Персидского залива, о чем был издан специальный фирман.

Но британские домогательства имели целью не столько запрет работорговли, сколько установление контроля над иранским судоходством и торговлей. Поэтому Англия продолжала настаивать на предоставлении ей права обыска иранских судов, заявляя, что запрещение шаха должно быть подкреплено действенным контролем на Персидском заливе, и указывая при этом на отсутствие у Ирана собственного флота. В результате в августе 1851 г. была заключена англо-иранская конвенция сроком на 11 лет об обыске и задержании судов Ирана английскими военными кораблями по подозрению в работорговле. Хотя по ее условиям обыск необходимо было производить лишь в присутствии иранского чиновника, на практике англичане получили возможность полностью контролировать судоходство, дезорганизовывать иранскую торговлю и разорять любого судовладельца как своего конкурента [92, т. XI, с. 69—70]. При этом они так же мало думали о действительной борьбе с работорговлей, как ранее о борьбе с пиратством. Практически борьба англичан с работорговлей даже в конце XIX в., по заявлению русского консула в Багдаде, сводилась к тому, что они забирали рабов с чужих кораблей и присваивали их себе⁴⁰.

Хозяйничанье англичан в водах Персидского залива создавало постоянную угрозу их военного вторжения на территорию собственно Ирана: достаточно было малейшего повода, чтобы разразилась война. Англичане все чаще вмешивались в политику шахского правительства, диктуя свои условия. В 1851—1852 гг. своими происками они способствовали началу похода афганских войск на Герат, правитель которого придерживался проиранской ориентации. Типичным для политики Англии было одновременное требование, предъявленное ею шаху,—отказать в помощи гератскому правителю. При этом, как это уже бывало в практике прошлых лет, Англия угрожала разрывом дипломатических отношений (не обошлось и без затасканных спекуляций русской угрозой). В подкрепление своих требований британское правительство снова направило орудийные стволы своих кораблей на берега Ирана. Сконцентрировав в Бушире эскадру под командованием Робинсона⁴¹, англичане планировали оккупацию Харка—на сей раз навсегда. При этом они взвешивали, что ценнее—Герат или Харк. Красноречивы в этом отношении рассуждения английского посла о том, являлась ли «передача Герата Персии эквивалентом» овладения Харком⁴².

Под угрозой разрыва дипломатических отношений при военной демонстрации с Персидского залива иранское правительство было вынуждено отказаться от поддержки гератского правителя [92, т. X, с. 71—72]. Однако и на этот раз уступка Ирана не уменьшила давление Англии со стороны Персидского

залива. В 1852—1853 г. она прибегла к обходному маневру, намереваясь руками оманского правителя захватить район Бендер-Аббаса, включавший о-ва Кешм и Ормуз. По наущению англичан оманский правитель отказался принять чиновника, присланного губернатором провинции Фарс, и потребовал пересмотра условий аренды, на которых он владел этим районом от имени иранского правительства.

Английские корабли были подтянуты к Бендер-Аббасу. Кроме того, они посетили и южные берега Залива, где шейхам Эш-Шамала был навязан «вечный протекторат» (в 1853 г. истекал срок десятилетнего мира, обусловленного предыдущим договором с шейхами) [92, т. X, с. 35—36]. Пребывание английского флота в Персидском заливе продолжалось и во время Крымской войны. Корабли особенно зорко следили за событиями в Бушире, Басре и Маскате⁴³. Три эскадры (всего около десяти крупных боевых кораблей) постоянно сменяли одна другую. Под таким нажимом Англии Иран в 1854 г. объявил о своем нейтралитете в Крымской войне. Что касается Турции, то англичане на Черном море афишировали защиту ее интересов, а в Персидском заливе действовали в противовес им.

После вмешательства Англии в дела Бахрейна и фактического установления там протектората население аравийского побережья Залива, особенно Эль-Катифа, повело против бахрейнского шейха борьбу. При этом шейх Эль-Катифа опирался на помощь правителя Неджда и в начале 50-х годов XIX в. признал его власть над Эль-Катифом при верховном суверенитете Турции. Над городом был поднят турецкий флаг.

Однако в своем стремлении захватить наиболее важные командные пункты на южном берегу Залива колонизаторы так же мало считались с Турцией, как и с Ираном, и переход под суверенитет Турции не оградил Эль-Катиф от посягательств. Британский резидент в Персидском заливе продолжал вмешиваться в дела местных шейхов и в 1854 г., воспользовавшись очередной междоусобицей, снарядил против Эль-Катифа крупную военно-морскую экспедицию. По циничному выражению Лоу, было сочтено необходимым сделать, «как говорят французские дипломаты, *saignée* — легкое кровопускание, прежде чем политическая основа будет поставлена на здоровую почву» [122, т. II, с. 326—328].

Шейх протестовал против английского вмешательства, заявляя, что территория Эль-Катифа принадлежит султану Турции; он указывал на то, что турецкий флаг, развевающийся над Эль-Катифом, защищает его от посягательств Англии. Хотя Англия считалась тогда союзницей Турции, бомбейские власти санкционировали военную экспедицию против Эль-Катифа в составе двенадцати кораблей.

Вооружение карателей было подавляющим — местные жители, например, не имели понятия о фугасных снарядах. Очевидец

рассказывал, что один из арабов поднял упавший английский снаряд и, не подозревая о том, что он может взорваться, принес его к товарищам; взрывом было убито несколько человек. В этом же бою англичане впервые «познакомили» население Эль-Катифа с картечью. Кроме того, они для устрашения пускали ракеты.

Хотя пушки Эль-Катифа были намного слабее английской артиллерии, население стойко оборонялось. Во время перестрелки начался отлив, и английские тяжелогруженные корабли оказались на мели. Арабы бросались вплавь, чтобы в рукопашной схватке овладеть вражескими судами, но, потеряв много убитыми от картечного огня, вынуждены были отступить. С приливом английская артиллерия потопила или подожгла суда местных жителей, стоявшие в гавани; однако англичане не рискнули высаживаться на берег.

Этот эпизод чрезвычайно характерен для политики Англии в данном регионе: в то время как на Черном море одна эскадра англичан, союзников Турции, бомбардировала Севастополь, другая эскадра бомбардировала Эль-Катиф, обстреливая картечью турецкий флаг [76, т. II, с. 157].

Неудачи в Крымской войне англичане стремились компенсировать за счет Ирана. Всемерно развивая политический нажим на шахское правительство, они настойчиво добивались открытия агентств в Исфахане и Ширазе и пересмотра условий торгового договора. Одновременно они продолжали происки через посредство оманского правителя, направленные на то, чтобы отторгнуть район Бендер-Аббаса у Ирана. Претензии по этим трем пунктам знаменовали собой новый этап британской экспансии в зоне Персидского залива. К 50-м годам Англия утвердила свое господство в водах Залива, на южном его побережье и прилежащих островах и повела развернутое наступление на Иран, имея в качестве отправного плацдарма район Кешма — Бендер-Аббаса. Закрепившись на участке побережья у Бендер-Аббаса и на о-ве Кешм, формально арендуемом оманским сеидом у Ирана, англичане держали эти опорные пункты под дулом артиллерии сильной эскадры, базировавшейся в Бассадоре. Постоянное присутствие эскадры в водах Залива и поддержка англичанами сеида в ирано-оманских боевых действиях за район Бендер-Аббаса в конечном счете привели к взаимному ослаблению и Омана и Ирана. Англичане же использовали ситуацию в целях пробы сил накануне англо-иранской войны.

Для дальнейшего распространения зоны английского влияния с юга на север в качестве очередных опорных пунктов были намечены Исфахан и Шираз. Требуя открытия агентств в этих городах, английский посол Мэррей аргументировал это желанием его правительства, чтобы британские агенты, находившиеся там, приобрели официальный статус⁴⁴. Шахский премьер-министр парировал этот «довод» следующим образом:

«Если британское правительство имеет своих секретных и признанных агентов во всех частях света — купцов, путешественников... и они пользуются протекцией... это еще не значит, что они облечены официальными полномочиями»⁴⁵.

Переписка Мэррея с премьер-министром Ирана по поводу открытия агентств наглядно убеждает в том, что англичане поставили своей целью развязать войну во что бы то ни стало. И на сей раз, как и в 1838 г., они использовали надуманные предлоги. Мэррей проявил прямо-таки недюжинную изобретательность, чтобы представить себя оскорбленным и разорвать дипломатические отношения.

В качестве наглядного примера приведем один из предлогов, использованных Мэрреем, так называемое дело Хашима. Хашим — свояк шаха, служащий военного департамента Ирана, в 1854 г. оставил свой пост и укрылся в английской миссии. Ссылаясь на статью англо-иранского договора 1841 г. о протекции английского правительства над служащими его миссии, поверенный Англии в Иране Томсон заявил, что этот дезертир является первым секретарем британского посольства; несколько позже Томсон называл его английским агентом в Ширазе (последнее утверждение было бесцеремонным вдвойне, ибо по договору 1841 г. Англия имела право открыть агентства в Тегеране, Тебризе, Бушире, но не в Ширазе). На заявление шахского правительства о том, что Хашим не был уволен со службы, а дезертировал из военного департамента и поэтому подлежит выдаче, английский посол никак не реагировал, продолжая держать Хашима в здании миссии. Тогда иранское правительство задержало жену Хашима — сестру жены шаха, и Мэррей счел эту меру... оскорблением британского правительства и на этом «основании» разорвал дипломатические отношения⁴⁶.

Английские, а следом за ними и другие буржуазные историки обычно называют в качестве причины англо-иранской войны 1856—1857 гг. попытки подчинения Ираном Герата, т. е. повторяют официальную версию британского правительства. В действительности английскую политику экспансии в середине XIX в. определяло бурное экономическое развитие метрополии и, как следствие, стремление ее правящих кругов к расширению рынков сбыта, захвату источников сырьевых ресурсов [34, с. 168—169]. О подлинных целях войны было упомянуто в английских ультиматумах 27—28 ноября 1855 г., где кроме вопроса об отводе шахских войск из-под Герата содержались требования передачи управления района Бендер-Аббаса Оману (точнее, стоявшей за его спиной Англии) и заключения нового торгового договора. Именно по этому поводу К. Маркс писал: «Стоит только [Ост-Индской] компании бросить алчный взгляд на владение любого независимого государя, на любую область, имеющую важное политическое и торговое значение или известную своим золотом и драгоценными камнями, как жертва обви-

няется в нарушении того или иного мнимого или действительного договора, в невыполнении какого-либо фантастического обязательства или ограничительного условия, в нанесении какого-нибудь неуловимого по смыслу оскорбления, а затем объявляется война, и в английскую историю вписывается еще один кровавый эпизод, подтверждающий извечность зла, неизменную мораль о волке и ягненке» [1, с. 73—74].

Весной и летом 1856 г. в Персидском заливе были сконцентрированы дополнительные военно-морские силы англичан — паровой фрегат «Адждаха», вооруженный новейшими восьмидюймовыми орудиями, крупнейший военный корабль англо-индийского флота «Ассай» и др. [122, т. II, с. 338]. Чтобы обеспечить тылы в ходе готовившейся войны, эти силы были использованы и против населения арабского побережья Залива. В мае 1856 г. британский резидент Джонс навязал шейху Бахрейна Мухаммеду ибн Халифе и шейхам Эш-Шамала дополнительные обязательства, по которым на территории княжеств запрещалось рабовладение; фактически же колонизаторы получали возможность вмешиваться во все внутренние дела местных правителей [92, т. X, с. 117—118]. Как видим, на этом этапе Англия действовала по той же схеме, что и в 1838 г.

Усиленная подготовка к переброске войск в Залив началась в августе. В сентябре на корабле «Фируз» в Бушир были доставлены офицеры, предназначавшиеся для организации вторжения [49, т. II, с. 402], фактически они представляли собой штаб будущей армии. Однако едва офицеры высадились на берег и направились в резиденцию, в городе начались волнения. При виде угрожающего возбуждения среди населения резидент Джонс не смог поручиться за безопасность высадившихся, и они вернулись на корабль, который доставил их в Басру [122, т. II, с. 337—338]. Отсюда через своих явных и тайных агентов они начали непосредственную подготовку вторжения. Однако далеко не все шло гладко. Так, известно, что, когда один из офицеров производил заготовку продовольствия для прибывающих войск, «арабы едва не отняли у него две тыс. овец» [25, № 20, с. 95].

Пунктами высадки были намечены Бушир и Бендер-Аббас, причем последний — «с разрешения» оманского сеида [145, с. 435]. 15 октября командующий морскими силами вторжения Лик издал приказ о погрузке. Одновременно для ведения боевых действий на р. Карун были приведены в готовность специальные мелкосидящие речные паровые военные суда. Это показывает, что планом было предусмотрено нападение и на Мохаммеру — Ахваз.

8 ноября в Персидский залив направились пять боевых кораблей и дивизион транспортов. 11, 13 и 15 ноября из Бомбея вышли основные силы. Местом сбора был определен Бендер-Аббас, который Англия формально собиралась передать Оману.

Эта передача, вероятно, должна была создать видимость компенсации Оману за утрату о-вов Куриа-Муриа, которые в 1854 г. Саид «уступил» Англии⁴⁷. Обещая передать Оману Бендер-Аббас, англичане тем самым втягивали его в ведение войны на их стороне. О предполагавшемся участии оманских войск на стороне англичан уже в ходе войны сообщал в своем донесении из Лондона флигель-адъютант полковник Игнатьев⁴⁸.

Концентрация вооруженных сил Англии в Бендер-Аббасе побуждала иранское правительство уступить требованиям Омана о продлении сроков аренды Бендер-Аббасского района. По новому ирано-оманскому договору иранское правительство оставляло за собой право смещать местного правителя. Острова Кешм и Ормуз и прибрежная полоса у Бендер-Аббаса по-прежнему считались частью иранской провинции Фарс [92, т. X, с. 83—86]. Договор был подписан за неделю до сбора в Бендер-Аббасе всего английского экспедиционного корпуса [122, т. II, с. 341].

На следующий день после подписания договора шах созвал совет, чтобы обсудить мероприятия на случай высадки англичан. Совет назначил командующего, подготовил циркуляр духовенству об объявлении «священной войны». Было принято также решение о разрушении населенных пунктов на 25 миль в глубину от побережья, которым могли в первую очередь угрожать английские войска.

Однако все эти решения были запоздалыми: английский экспедиционный корпус уже находился в Персидском заливе. Как доносил 18 ноября 1856 г. его командующий в Бомбей, в то время в Бушире у него было 5 тыс. человек [132, с. 87]. Официальное объявление войны было сделано уже после вторжения в воды Залива, когда на буширском рейде стоял отряд боевых судов и транспорты⁴⁹. К 3 декабря в Персидском заливе находилось 45 паровых и парусных кораблей с 5 тыс. солдат, 1150 кавалеристов и 450 тягловых животных на борту. 4 декабря англичане заняли Харк, причем было объявлено, что остров присоединяется к владениям Великобритании [51, с. 215].

7—8 декабря английский десант высадился при поддержке корабельной артиллерии в бухте Халила в 12 милях от Бушира⁵⁰. На помощь Буширу спешили отряды иранцев с севера [51, с. 217], но недостаток артиллерии у них сказался уже во время сражения у форта Решир, где атаку англичан поддерживали дальнобойные орудия «Ассая». Иранцы вынуждены были отступить. 10 декабря эскадра подвергла Бушир ожесточенной двухчасовой бомбардировке, после чего от имени губернатора города был послан парламентар с предложением прекратить обстрел и открыть переговоры об условиях сдачи. Английское командование не соглашалось ни на какие уступки, требуя полной капитуляции. После этого бомбардировка возобновилась. Угловая башня, ближайшая к берегу, и часть стены были раз-

рушены. Устаревшие пушки иранцев могли ответить лишь слабым огнем. Все же им удалось повредить два английских корабля [122, т. II, с. 343].

Хотя английские войска ни доблести, ни отваги не проявили, так как главный урон Буширу нанесла четырехчасовая бомбардировка с моря, губернатор вынужден был сдать город. После капитуляции англичане вывесили на городских воротах приказ, первый пункт которого гласил о том, что отныне они считают Бушир своим владением. Остальные пункты устанавливали жесткий военный режим для населения [51, с. 220].

В свою очередь, иранская армия сделала в Линге попытку перейти в наступление. Трехтысячный отряд готовился переправиться на Кешм и захватить английскую базу в Бассадоре. Английские шпионы донесли об этом Лику, который, срочно приплыв в Линге, подверг иранский лагерь бомбардировке из тяжелых орудий «Ассая» [122, т. II, с. 345—348]. Иранский отряд не смог переправиться на Кешм из-за господства английского флота над береговой линией, но его присутствие сковало действия англичан, вынудив командующего постоянно держать у Кешма часть судов.

Занятие Бушира не привело к ожидавшейся капитуляции Ирана; иранское правительство продолжало отправлять на юг (в Хузестан и Фарс) дополнительные войска.

Англия с самого начала войны стремилась втянуть в активные боевые действия правителя Омана и использовать местную агентуру, чтобы поднять население против иранского правительства. Как справедливо отмечала русская пресса того времени, в подобных случаях британская политика не разбирает путей [78, с. 89]. Так, английское командование направляло агентов в различные районы Ирана. Игнатьев, например, доносил о капитане Янче и поручике Плайфере, которые орудовали в Бендер-Аббасском районе, «дабы побудить их (местных жителей.— Н. Т.) изменить Персии и выставить на службу Англии за известную плату вспомогательное войско»⁵¹. Этими происками англичане готовили отторжение Бендер-Аббасского района. Лоу сообщает также о направлении в январе 1856 г. с аналогичной целью агента Погелли в турецкую Аравию [122, т. II, с. 340—341].

В связи с этим английская газета «Пресс» в начале 1857 г. цинично писала: «Мы должны посеять семена возмущения в Герате и его окрестностях, дать субсидии афганцам, вести кампанию на наших собственных границах и поддерживать диверсию на берегах Персидского залива» [25, № 21, с. 99]. Этим и объяснялось отчасти некоторое замешательство в действиях английской армии сразу же по занятии Бушира: Англия безуспешно намеревалась воевать чужими руками.

Ощущая нехватку войск, английское правительство в Индии с прибытием нового командующего войсками вторжения гене-

рал-лейтенанта Утрэма в январе направило в Персидский залив дополнительный контингент [122, т. II, с. 349]. В начале февраля 1857 г. по прибытии из Индии первого отряда основные силы выступили из Бушира на Боразджан, куда и прибыли 5 февраля. Защищавший город восьмидесятысячный иранский отряд отступил еще до подхода англичан. Однако англичанам пришлось занимать здесь позиции в течение двух дней из-за неожиданных нападений иранцев, в том числе ночью. По свидетельству Уотсона, англичане вынуждены были пролежать в обороне целую ночь [145, с. 440—442].

8 февраля произошло сражение под Хушабом. Перед боем иранские войска были выстроены в правильном боевом порядке, казались вымуштрованными по-европейски. Но, как отметил Энгельс, говоря об этом сражении, «введение европейского строя само по себе еще недостаточно, чтобы подготовить иранских солдат действовать в соответствии с введенной организацией. Они могли храбро сражаться в привычном иррегулярном строе, но оказывались слабыми в непривычном для них новом строе» [8, с. 220].

Хотя в бою под Хушабом иранская армия потерпела поражение, однако и англичане боялись увязнуть в глубине страны и отступили к Буширу. Это отступление и появление нового оперативного направления по Каруну свидетельствовало как о неспособности англичан оторваться от берегов (они рассчитывали на поддержку корабельной артиллерии), так и о том, что в своих планах ведения войны они делали немалую ставку на такие обходные маневры, как провоцирование междоусобиц в лагере противника.

В начале марта к Мохаммере по Каруну стали подходить корабли с войсками. Их сосредоточение закончилось к 24 марта, и утром 26 марта английские мелкосидящие в воде корабли открыли огонь по иранским укреплениям. Ответным огнем иранской артиллерии был поврежден корабль «Беренис».

Материально-технический и количественный перевес артиллерии был полностью на стороне англичан, у которых действовали до 80 орудий, а с иранской стороны всего 30 [122, т. II, с. 356, 359—360], причем лишь немногие из них могли накрыть огнем английские корабли. Сказалась также и выучка англичан — по мере продолжения артиллерийской дуэли огонь с иранской стороны становился менее метким. После трехчасовой бомбардировки на берег при поддержке корабельной артиллерии высадился пятидесятысячный десант. Солдаты выступили тогда, когда с иранской стороны отвечали лишь три-четыре пушки [145, с. 450].

Английские войска заняли Мохаммеру, так же как и Бушир, благодаря мощи своей артиллерии [51, с. 298]. Хотя захватчики и похвалялись, что заставили отступить более чем вдвое превосходившую по численности иранскую армию (около

13 тыс.), они, однако, умалчивали о тройном количественном превосходстве их артиллерии. Оба сражения показали вместе с тем и неподготовленность иранской армии; этим она была обязана тем же колонизаторам, которые срывали ее реорганизацию. Особенно страдала иранская армия из-за недостатка подготовленного офицерского состава [8, с. 219]. Все же в некоторых боях иранские части оказывали упорное сопротивление захватчикам, что были вынуждены признавать даже сами англичане.

После захвата Мохаммеры английское командование двинуло вверх по Каруну разведывательно-диверсионную экспедицию. 1 апреля английские войска при поддержке речной флотилии из шести кораблей и трех канонерок захватили Ахваз. Как правильно отметил советский исследователь П. П. Бушев, миф о победе в Ахвазе английского отряда в 300 человек над семитысячным иранским соединением являлся обманом, так как иранские войска находились на противоположном берегу реки, отрезанные от Ахваза английской флотилией [34].

Одной из целей, которые ставили англичане при движении на Мохаммеру-Ахваз, было отторжение Хузестана. Заместитель Утрэма генерал Якоби прямо предлагал овладеть Хузестаном и включить его и Харк в число владений Великобритании. Апологет английского колониализма Уотсон, перечисляя выгоды захвата Хузестана, добавлял к этому и некоторые свои собственные выгоды [145, с. 455]. «Британские пушки научили народ,— цинично писал Лоу, сравнивая захваты Англии с римскими завоеваниями,— что иная держава (т. е. Англия.— Н. Т.)... требует наследства на господство, которое ранее было у могущественных наций античных времен» [122, т. II, с. 356].

Между тем в Париже уже давно шли переговоры о мире. Англия не удовлетворялась тем, что Иран был готов выполнить почти все ее требования, но настойчиво стремилась глубже внедриться в сферу экономики этой страны, а также отторгнуть район Бендер-Аббаса. Английский посол в Стамбуле Стратфорд де Редклиф и за ним посол в Париже Коули (они вели переговоры с Фаррух-ханом — чрезвычайным послом Ирана в Париже) упорно добивались открытия британских агентств по всему Ирану и пересмотра ирано-оманского договора 1856 г. об условиях аренды Бендер-Аббасского района. В ходе переговоров Коули несколько умерил требования, добиваясь посредничества Англии в спорах Ирана с Оманом. Совершенно очевидно, что этим маневром англичане надеялись получить лазейку для вмешательства в дела той и другой стороны. Понимая это, Фаррух-хан отказывался от английского посредничества⁵².

В конце концов англичане пошли на заключение договора и без уступок, которых они домогались с 1853—1855 гг. и которые шах был готов предоставить еще до начала войны. Дело

объяснялось подъемом освободительной борьбы в Индии, перераставшей в начале 1857 г. в народное восстание.

Антианглийские выступления случались в Индии и в ходе Крымской войны. Сведения «о неудачах в Крыму не замедлили усилить брожение умов, разжечь ненависть, страсти»,— писал французский консул в Калькутте де Вальбезен [143, т. I, с. 26]. «Восстание в англо-индийской армии совпало с проявлением всеобщего недовольства великих азиатских народов английским владычеством, ибо восстание бенгальской армии, без сомнения, тесно связано с персидской и китайской войнами»,— так оценил создавшуюся ситуацию К. Маркс [2, с. 241]. Английскому командованию в Индии срочно требовались войска. В результате захватчики вынуждены были вторично отступить из Персидского залива.

Парижский договор был заключен 4 марта 1857 г. [92, т. X, с. 74—78]. Он содержал статьи об отказе шаха от вмешательства в дела Герата, на что иранское правительство соглашалось еще в 1852—1853 гг. Хотя Англия не добилась признания своих «особых интересов» в Персидском заливе, договор продлевал до 1872 г. под видом «борьбы с работорговлей» конвенцию об осмотре иранских судов. По истечении этого срока Иран имел право расторгнуть договор только спустя год после соответствующего заявления (в течение этого времени английское правительство предполагало найти средства для его продления).

* * *

Колониальная экспансия в Персидском заливе в 40—50-е годы XIX в. вступила в завершающий этап. Была окончательно оформлена английская администрация Залива. Увеличилось количество резидентов и официальных агентов. Большое значение имело учреждение нового консульства в Маскате и агентства в Бурайми. В связи с расширением агентурной сети и круга обязанностей главного резидента, находившегося в Бушире, на эту должность назначали лиц из высшего офицерского состава англо-индийских колониальных войск. Военный флот Англии, постоянно пребывавший в водах Персидского залива, был увеличен как по числу кораблей, так и по их мощности (в том числе по мощности корабельной артиллерии). Англия присвоила себе полицейские функции в зоне Персидского залива, которые осуществлялись посредством регулярных инспекционных рейдов и карательных экспедиций вдоль побережья и островов.

Старому методу провоцирования конфликтов, сколачивания разного рода союзов и блоков, возбуждения междоусобиц был придан более широкий размах⁵³. В каком бы углу Залива от Маската до Басры и от Бендер-Аббаса до Бахрейна ни происходили столкновения племен, в них непременно оказывались замешаны англичане. И если не всегда конфликтные ситуации

были спровоцированы ими, то почти во всех на заключительной стадии они выступали в роли третейского судьи, исходя в первую очередь из собственных интересов.

Особенностью английского колониального режима в районе Персидского залива в первой половине XIX в. была система кабарльных обязательств шейхов. Начало ей было положено так называемым соглашением, продиктованным Сетоном шейху Сагру в 1806 г., а после «Генерального договора» такого рода документы были буквально «пущены в серию», следуя один за другим с интервалом в три-пять лет. Наиболее существенные из договоров, например с шейхами Эш-Шамала, были заключены в 1835, 1843, 1847 и 1853 гг. и завершились установлением английского протектората над этим районом⁵⁴. Эта особенность получила отражение в географическом наименовании, введенном в обиход английскими колонизаторами,— они стали называть побережье Эш-Шамал Договорным Оманом (см. выше).

Для упрочения английской колониальной системы большое значение имело установление фактического (а с 1861 г.— юридического) протектората над Бахрейнским архипелагом. Бахрейн стал последним звеном в цепи опорных пунктов Англии на аравийском побережье Персидского залива. С течением времени он был превращен в первую по значению базу британского колониализма в этом регионе.

Образцом для подражания другим княжествам англичане считали систему управления, сложившуюся под их влиянием в Омане. Они называли Оман «стабилизировавшейся единицей в политике британского правительства в Персидском заливе» [117, с. 224]. Эта «стабилизация» выражалась в том, что за десятилетия хозяйничанья англичан в Омане они установили полный контроль над местным правителем, который фактически держался на силе английских штыков. Англичане периодически давали ему почувствовать, что стоит им убрать эти штыки, как кончится и власть сеида.

Полувековая эволюция английской политики в зоне Персидского залива особенно наглядно прослеживается на примере взаимоотношений Англии с шейхами побережья Эш-Шамал. Им первым англичане продемонстрировали систему своего колониализма в действии. На словах тогда Англия заявляла всем о заинтересованности лишь в развитии торговых отношений, об отсутствии у нее территориальных притязаний, о невмешательстве во внутренние дела местных племен. Экспансионистские устремления прикрывались предложениями «обороны» Индии от французов, борьбой с пиратством и т. д. Но стоило англичанам обосноваться на мысе Мусандам, почувствовать, что оманский сеид начинает поддаваться под их нажимом, а шахское правительство недостаточно прочно, как они стали угрожать Ирану, оказывать воздействие на сеида, разобщать племена Эш-Шамала.

Поскольку разговоры о политике невмешательства вступали в явное противоречие с такими действиями, англичане на этом этапе провозгласили «синтетический принцип»: «соблюдать нашу систему нейтралитета, вмешиваться только тогда, когда вмешательство неизбежно, и тогда действовать эффективно»⁵⁵.

К середине 30-х годов, установив контроль над судоходством и торговлей по Персидскому заливу, подчинив своей власти южную береговую полосу и постоянно интригуя при шахском дворе, англичане перестали маскировать свою агрессию. 16 апреля 1834 г. совет директоров Ост-Индской компании официально постановил, что с английской политикой невмешательства (той самой, которая подразумевала весь комплекс действий, включая карательные экспедиции) отныне покончено [117, с. 237].

К середине XIX в. англичане расчленили южное и северное побережье Персидского залива, а на всем протяжении береговой полосы от Эль-Хасы до Маската был установлен особый режим зависимых территорий. Под их властью оказалась также юго-восточная береговая полоса аравийского побережья вплоть до Баб-эль-Мандебского пролива. Подавив освободительное движение арабских племен и внося раскол в среду участников складывавшихся коалиций (Иран, Оман, шейхи побережья Эш-Шамал и др.), англичане осуществили планы своих идеологов и практиков колониальной политики, провозгласивших: «Берега Аравии являются объектом непосредственного интереса (читай: владычества) королевского правительства»⁵⁶. Всякое отступление от установленной колонизаторами системы каралось огнем и мечом. Англия присвоила себе верховную власть во всем районе Персидского залива, стала арбитром, вершителем судеб местных народов. В исторической литературе Персидский залив во второй половине XIX в. часто называют Британским озером, а весь район — форпостом Англии на Ближнем Востоке.

Обеспечив свои тылы установлением господства на южном побережье Залива, англичане во второй половине столетия усилили нажим на Иран, имея в виду подчинить его своему диктату. Еще в начале столетия Малькольм в своем плане предрекал, что, упрочившись в Персидском заливе, англичане станут вершителями судеб Персии, Аравии, Турции (см. Гл. III). В 1826 г. он возвестил: «Передовая линия обороны Индии лежит в Персии», а в 1839 г., оценивая значение Бахрейна, захват которого завершил экспансию Англии в этом районе, тогдашний глава кабинета Пальмерстон заявил, что база там позволит «эффективно действовать» в Персии [117, с. 262, 337—338]. Такие высказывания творцов английской внешней политики и ее исполнителей имели прямое отношение к Ирану как будущему объекту колонизации.

К середине XIX в. англичане достигли уже многого на этом пути. При тегеранском дворе постоянно вела подрывную дея-

тельность сколоченная ими проанглийская партия; такие же группировки были созданы в крупнейших провинциальных городах, например в Исфахане и Ширазе⁵⁷. Пользуясь агентурной сетью, опутавшей всю страну, англичане были в курсе всех дел государства. Южные районы Ирана находились под их контролем⁵⁸. Они вмешивались в междоусобицы местных властей, зачастую провоцируя их, вели политику обособления южных провинций от центрального правительства⁵⁹. Военное давление англичан со стороны Персидского залива становилось все более угрожающим. Постоянное пребывание в водах Залива английского военного флота в 1808—1810 гг. было заменено системой патрулирования. Опорные базы на Кешме, в портах Бендер-Аббасе, Бушире и других пунктах побережья находились фактически под властью англичан или полностью зависимых от них шейхов. Периодически в целях еще большего военного давления англичане вводили в воды Залива новые эскадры. Подготовка к англо-иранской войне, которая, по мысли английских политиков, была призвана ускорить процесс колонизации всего района в целом, велась задолго до того, как был найден формальный предлог к ней. Этой цели служили и возводимые здесь укрепления, и угрозы, и концентрация сил. Английские авторы старательно замалчивают, например, такой факт, что уже в 1852 г. в Персидском заливе был сосредоточен девятитысячный экспедиционный корпус⁶⁰.

Экспансию Англии в районе Персидского залива в середине XIX в. нельзя рассматривать изолированно. Она отражала активизацию британской политики на всем Ближнем и Дальнем Востоке после торгового кризиса 1847 г., когда «гигантское и быстрое развитие промышленности далеко опередило расширение внешних рынков и рост спроса» [10, с. 332]. Рынки не поспевали за растущей производительностью промышленности Великобритании. Английские капиталисты прибегали к оружию, чтобы с его помощью расчистить путь своим товарам, и в районе Персидского залива вели такую же активную захватническую политику, как и в других районах земного шара.

Освободительное движение поработенных народов Индии сорвало реализацию агрессивных планов Англии в отношении Ирана в полном объеме, но район Персидского залива на целых полстолетия стал зоной ее исключительного влияния, фактической полуколонией.

Заключение

Первые европейцы морским путем проникли в Персидский залив на рубеже XV—XVI вв., когда правящие круги Португалии, встав на путь колониальных захватов, воспользовались открытием морского пути вокруг Африки и мощью своего флота и овладели торговлей бассейна Аравийского моря. Созданная ими в районе Персидского залива колониальная империя опиралась на силу оружия. Захваченные порты и прибрежные города обязаны были платить тяжелую дань, там были размещены португальские гарнизоны, а местная торговля поставлена под контроль пришельцев.

Столетний период португальского владычества в зоне Персидского залива ознаменовался неоднократными восстаниями местных племен против иноземного ига. Повсеместное недовольство населения в конечном счете явилось одной из главных причин падения колониального режима Португалии, но решающей силой, положившей предел хозяйничанью колонизаторов, стали войска Ирана: в 20—50-х годах XVII в. Иран овладел базами Португалии в Персидском заливе. Не располагая собственными военно-морскими силами, иранцы обращались за содействием к конкурирующим с Португалией европейским державам — Голландии, Франции, Англии, корабли которых незадолго перед тем появились в Персидском заливе. Все три державы объединяло стремление уничтожить португальскую колониальную гегемонию; при этом каждая из них рассчитывала одна пожать плоды такой победы, ни в коей мере не желая усиления Ирана. Поэтому роль кораблей названных держав в деле изгнания португальцев была половинчатой, двусмысленной.

С уходом португальцев обострилось англо-франко-голландское соперничество. На некоторое время (вторая половина XVII в.) голландцам удалось добиться преобладания в торговле на Персидском заливе, но к концу этого периода благодаря военным успехам Англии в союзе с Францией союзники значительно потеснили позиции голландцев. В надежде сократить чрезмерно усилившееся влияние Голландии шахское правительство на рубеже XVII—XVIII вв. также пыталось противопоставить голландцам англичан и французов.

По мере отступления Голландии ширилось англо-французское соперничество, переросшее в 1701—1714 гг. в Войну за испанское наследство. Бывшие союзники вели военные действия

и в Европе и в колониях — повсюду, где сталкивались их интересы. В Персидском заливе значительной активностью Франции ознаменовалось первое двадцатилетие XVIII в. В 1708 и 1715 гг. были заключены франко-иранские торговые договоры, представлявшие французским торговцам ряд существенных привилегий, которыми они, однако, не успели в полной мере воспользоваться. Рассчитывая добиться новых уступок шахского правительства, французские торговые компании не спешили выполнять условия заключенных договоров, а португальцы, голландцы и англичане, имевшие свои доли в торговле по Персидскому заливу, всемерно противились французскому влиянию. Англичане и голландцы пытались даже закрепиться на островах в Ормузском проливе, используя осложнение внутренней обстановки в Иране. Лишь стабилизация власти в этой стране в 30—40-х годах XVIII в. положила предел расширению влияния европейцев, и их действия были введены в рамки подтвержденных шахом привилегий.

Со второй половины XVIII в. в экономике и политике стран Персидского залива чем далее, тем более возрастающую роль начинает играть Англия.

Первые попытки англичан проникнуть в Персидский залив относятся к XVI в., когда здесь еще господствовали португальские колонизаторы. Потерпев неудачу в попытках обойти конкурентов с севера, через территории России и Ирана, английские торговые компании устремились к Заливу проторенным португальцами путем — вокруг мыса Доброй Надежды. Но целых полтора столетия (XVII — первая половина XVIII в.) англичанам в Персидском заливе приходилось довольствоваться незначительными торговыми привилегиями, время от времени предоставляемыми им шахским правительством, и ролью партнеров в военных предприятиях Ирана и других европейских держав на Заливе. Характерными для британской политики этого периода в зоне Персидского залива были ее резкие повороты, направленные тем не менее к одной цели — устранению соперников и упрочению позиций Англии. Чтобы достичь этой цели с наименьшими потерями, англичане старались заручиться поддержкой других европейских стран. Так, они выступили против Португалии, объединившись с Голландией; в союзе с Францией действовали против Голландии и т. д.

Наиболее сложным объектом английской экспансии в районе Персидского залива был Иран. Англичане пристально следили за событиями в этой стране. В периоды стабилизации центральной власти в Иране они добивались все больших выгод от торговли по Персидскому заливу; смутное же время в Иране расценивалось ими как удобная возможность для создания опорных баз на Заливе. Укрепление Ирана грозило нарушить их далеко идущие планы, поэтому англичане не жалели усилий, пытаясь помешать этому.

Большое значение в истории английской экспансии в Персидском заливе имел фирман верховного правителя Ирана Керим-хана Зенда о пожалованиях английской Ост-Индской компании (1763 г.). Условия пожалований касались главным образом торговли и свидетельствовали о равноправных отношениях, еще существовавших тогда между Ираном и Англией. Однако в перспективе позиции контрагентов оказались прямо противоположными: одолев Францию в Семилетней войне (1756—1763), Англия достигла колониальной гегемонии и монополии в торговле; в Иране же после смерти Керим-хана (1779 г.) почти двадцать лет продолжался очередной период феодальных междоусобиц.

Укрепившись на рубеже XVIII—XIX вв. в Индии и используя ее как базу, Ост-Индская компания с начала нового столетия приступила к колонизации прилегающих к Индии районов, в частности Персидского залива как исходного плацдарма дальнейшей экспансии в Иран, Малую Азию и Аравию. В военных кругах компании был выработан специальный план экспансии.

В 1808 г. английские военно-морские и сухопутные силы под командованием генерала Малькольма вторглись в Персидский залив и продолжительное время пребывали в иранских территориальных водах, угрожая высадкой десанта. Эта акция, традиционно именуемая в исторической литературе «дипломатической миссией», положила начало постоянному пребыванию английских вооруженных сил в водах Персидского залива и систематическим попыткам англичан силой захватить опорные пункты на побережье Залива и островах для оказания давления на прилежащие страны и последующей колонизации их. Она положила начало непосредственному продвижению англичан в глубь Малой Азии, к Басре и Багдаду.

В результате военного давления со стороны Персидского залива Англия принудила Иран к подписанию неравноправных договоров 1809, 1812 и 1814 гг., поставив внешнюю политику Ирана под английский контроль. Одновременно англичане стали активно вмешиваться в дела Омана — княжества, расположенного на стратегически важном участке пути из Индии в Персидский залив. Под давлением Англии правители Омана за первые двадцать с небольшим лет XIX в. превратились в послушное орудие ее колониальной политики.

Агрессивная политика англичан на побережье и островах Персидского залива поднимала местное население на борьбу с колонизаторами. Англичане, а следом за ними и другие авторы исторических исследований называли эти антианглийские выступления местных племен «пиратством», нарочито не делая различия между народной партизанской борьбой против захватчиков и действительным пиратством. Творцам британской колониальной политики Англии красивые слова о борьбе с пи-

ратством, а позже — с работоторговлей — были нужны в первую очередь как прикрытие карательных экспедиций вдоль побережья Персидского залива и для создания там опорных пунктов. В результате бомбардировок прибрежных городов и десантных операций Англия установила колониальный режим на значительной части южного берега Персидского залива. Это положение было закреплено серией кабальных договоров, из которых важнейшим следует считать так называемый «Генеральный договор» 1820 г. Случалось, что английские резиденты принуждали местных шейхов подписывать такие, с позволения сказать, «соглашения» буквально под дулами корабельных пушек.

Показательна, так сказать, многоступенчатая система порабощения народов, применяемая английскими колониальными властями: в военных действиях английских войск против населения Персидского залива значительный процент составляли сипаи, набранные среди недавно покоренных ими народов Индии; упрочившись в Омане, англичане стали вербовать оманцев, используя их в качестве военной силы против других шейхств региона.

В течение первых 30 лет XIX в. определились основные ударные направления английской экспансии в зоне Персидского залива: Иран, Оман, побережье Эш-Шамал, районы Кувейта, Басры, Ахваза. В 30—50-е годы англичане старались соединить эти участки в звенья одной цепи, создавая здесь оплот британского колониализма. Методы, которыми они при этом пользовались, варьировались в зависимости от «степени прочности» местных правителей.

По отношению к иранскому правительству применялась система устрашения. Дважды за этот период англичане искусственно создавали кризисные взрывоопасные ситуации. В 1838—1842 гг. они оккупировали о-в Харк, надеясь превратить его в «Сингапур Персидского залива». В 1856—1857 гг. они развязали англо-иранскую войну. Результатом первого конфликта было заключение англо-иранского торгового договора, предоставлявшего англичанам права экстерриториальности; результатом второго — договор, фактически закреплявший зависимость Ирана от Великобритании.

Во взаимоотношениях с правителем Омана и шейхами Эш-Шамала англичане применяли открытый диктат, опутывая этих правителей системой кабальных договоров, по которым функции шейхов постепенно переходили к английским резидентам. К середине XIX в. южная прибрежная полоса Персидского и Оманского заливов стала, по существу, владением Англии.

И только в северо-западном углу Залива — от Кувейта до Ахваза — влияние Англии в рассматриваемый период было еще не столь сильным, хотя и в этих краях действовали британские агенты, а временами и английские военные отряды.

Англия фактически присвоила себе верховную власть на Заливе: от решения главного резидента, помещавшегося в Бушире, зависела судьба местных племен; полицейские функции осуществлял английский флот; торговля и судоходство были сосредоточены в руках англичан или зависимых от них местных купцов и судовладельцев.

Колонизационный режим, приспособленный Англией к условиям Персидского залива и во многом повторявший систему португальского колониализма, просуществовал здесь почти без изменений вплоть до первой мировой войны, несмотря на попытки других империалистических государств (США, Германии, Японии) потеснить позиции Англии. И только в результате двух мировых войн, неизмеримо возросшего национального самосознания и подъема национально-освободительного движения в ряде зависимых стран колониальная империя Англии стала разваливаться.

В районе Персидского залива претендентами на «британское наследство» нынче выступают США. При этом показательна преемственность методов, к которым прибегают правящие круги США, намереваясь занять место отступающей Англии. Так, хорошо известно об их всестороннем и глубоком влиянии на шахский режим в Иране. В наши дни мы являемся свидетелями репрессивно-карательной политики, которую США ведут в отношении Исламской Республики Иран. Как и их предшественники, они опираются прежде всего на ударную силу флота, дополнив мощь его артиллерии новым видом оружия — корабельной авиацией, способной наносить бомбовые удары с воздуха в глубине страны. Государства региона испытывают постоянное военное воздействие заокеанской сверхдержавы, которая формирует силы быстрого развертывания и создает здесь для них военные базы. Новые претенденты на роль мирового жандарма раскинули агентурную сеть по всему региону, прибегая и к таким давним методам нажима, как политические и экономические санкции.

Как видим, все эти методы были и в арсенале Англии, а еще ранее — Португалии и других европейских держав, устремлявшихся в район Персидского залива. Это дает основание для обобщающего вывода о том, что в любом обличье колониализм сохраняет свой наступательный, агрессивный характер.

Приложения

Предварительные договоры, заключенные англичанами с правителями княжеств Персидского залива (пер. с англ. [92, с. 122—127, 116—117])

Предварительный договор с Султаном ибн Сагром

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что Султан ибн Сагр имел встречу с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между ними были заключены следующие условия:

Ст. 1. Султан ибн Сагр сдает генералу башни, пушки, суда, которые находятся в Шардже, Умм-эль-Кайвайне и их окрестностях. Генерал оставит суда, предназначенные для добычи жемчуга и ловли рыбы, а остальные будут в его распоряжении.

Ст. 2. Султан ибн Сагр выдаст всех индийских пленных, если таковые имеются в его владениях.

Ст. 3. Генерал не дозволит своим войскам вступить в город и опустошить его.

Ст. 4. После заключения этого соглашения Султан ибн Сагр примет те же условия мира, что и прочие дружественные (букв.— «усмиренные») арабы.

На этих условиях прекращаются враждебные действия между генералом и Султаном ибн Сагром и его подданными, с тем чтобы суда последних не выходили в море.

Рас-эль-Хайма, 20 раби I 1235 г./6 января 1820 г.

Подписи: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Султан ибн Сагр.

Копию статей, заключенных с Султаном ибн Сагром, свидетельствую своей подписью и печатью.

Подпись: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Предварительный договор с Хасаном ибн Рахманом

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что Хасан ибн Рахман имел встречу с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между ними были заключены следующие условия:

Ст. 1. Город Рас-эль-Хайма, Махарра и башни, возвышающиеся в настоящее время над городом, останутся в руках британского правительства.

Ст. 2. Если какие-либо суда Хасана ибн Рахмана есть в Шардже, Умм-эль-Кайвайне или Имаме или в каком-нибудь ином месте, куда генерал намерен явиться со своими войсками, то они должны быть выданы генералу, и он оставит жителям те из них, которые предназначены для добычи жемчуга и ловли рыбы.

Ст. 3. Хасан ибн Рахман выдаст всех индийских пленных, если таковые у него имеются.

Ст. 4. После заключения этого соглашения Хасан ибн Рахман подпишет условия Генерального договора с дружественными (букв. — «усмирненными») арабами.

Рас-эль-Хайма, 22 раби I 1235 г./8 января 1820 г.
Подпись: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Копию статей, заключенных между генералом и Хасаном ибн Рахманом, свидетельствуют своей рукой и печатью.

Подпись: У. Кейр, генерал-майор.
Хасан ибн Рахман.

Предварительный договор с шейхом Дибая

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что Мухаммед ибн Хаса ибн Заал младший в сопровождении Ахмеда ибн Футейса имел встречу с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между ними были заключены следующие условия:

Ст. 1. Население Дибая сдаст генералу все суда, которые находятся в Дибаяе и его окрестностях, а также пушки, имеющиеся в городе и на башнях. Генерал оставит населению суда, предназначенные для добычи жемчуга и ловли рыбы.

Ст. 2. Население Дибая выдаст всех индийских пленников, если таковые здесь имеются.

Ст. 3. Генерал не допустит, чтобы его войска вошли в город и опустошили его. Кроме того, как знак внимания со стороны генерала к Его Светлости имаму Санд ибн Султану, он не станет разрушать форт и башни.

Ст. 4. После заключения этого соглашения Мухаммед ибн Хаса ибн Заал и его подданные примут те же условия мира, что и прочие дружественные (букв. — «усмирненные») арабы.

На этих условиях прекращаются враждебные действия между британцами и Мухаммедом ибн Хаса ибн Заалом и его подданными, с тем чтобы суда последних не выходили в море.

Рас-эль-Хайма, 23 раби I 1235 г./9 января 1820 г.
Подпись: Уильям Грант Кейр, генерал-майор.
Засвидетельствовано подписью шейха Хамза ибн Мухаммеда ибн Зубу аль-Муазина, шейха Кешма собственной рукой.

Копию статей, заключенных между генералом и Мухаммедом ибн Хаса ибн Заалом, свидетельствую своей рукой и печатью.

Подпись: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Предварительный договор с шейхом Абу-Даби Шахбутом

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что шейх Шахбут ибн Дияб аль-Талабидж имел встречу с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между ними были заключены следующие условия:

Ст. 1. Если в Абу-Даби или в каком-либо ином из мест, подвластных шейху Шахбуту, имеются пиратские суда, которые генерал захватил или должен захватить в ходе нынешней войны против пиратов, то он (шейх) обязан выдать такие суда генералу.

Ст. 2. Шейх Шахбут примет условия Генерального договора с дружественными арабами.

Рас-эль-Хайма, 25 раби I 1235 г./10 января 1820 г.
Подписи: У. Грант Кейр, генерал-майор.
[шейх] Шахбут.

Копию статей между генералом и шейхом Шахбутом свидетельствую своей рукой и печатью.

Подпись: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Предварительный договор с Хасаном ибн Али

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что Хасан ибн Али встретился с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между ними были заключены следующие условия:

Ст. 1. Если какое-нибудь из судов Хасана ибн Али находится в Шардже, Умм-эль-Кайвайне, Имаме, Абу-Дабн или каком-либо ином месте, куда генерал направит свои силы, то такие суда будут выданы генералу, и он оставит жителям те из них, которые предназначены для добычи жемчуга и ловли рыбы.

Ст. 2. Хасан ибн Али выдаст всех индийских пленников, если таковые у него имеются.

Ст. 3. После этого Хасан ибн Али присоединится к условиям Генерального договора с дружественными (букв. — «усмирненными») арабами.

Рас-эль-Хайма, 29 раби I 1235 г./15 января 1820 г.

Подписи: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Хасан ибн Али.

Копию статей, заключенных между генералом и Хасаном ибн Али 29 раби I 1235 г./15 января 1820 г., свидетельствую своей рукой и печатью.

Подпись: У. Грант Кейр, генерал-майор.

Предварительный договор с шейхами Бахрейна

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного.

Да будет известно всем, что Саид Абд аль-Джалил, представитель шейхов Сулеймана ибн Ахмеда и Абдаллы ибн Ахмеда имел встречу с генералом сэром Уильямом Грантом Кейром и между генералом и упомянутым Абд аль-Джалилем от имени вышеназванных шейхов были заключены следующие условия:

Ст. 1. Шейхи отныне и впредь не разрешат ни на Бахрейне, ни на иных зависимых от них территориях продажу каких-либо товаров, которые были добыты грабежом либо пиратством; они не допустят, чтобы их подданные продавали что бы то ни было лицам, которые могут быть замешаны в грабеже и пиратстве, и если кто-либо из их подданных станет противодействовать этому установлению, то такое противодействие будет расценено как пиратство.

Ст. 2. Они освободят всех индийских пленников, если таковые у них окажутся.

Ст. 3. Шейхи Сулейман ибн Ахмед и Абдалла ибн Ахмед присоединятся к условиям Генерального договора с дружественными арабами.

12 раби II 1235 г./5 февраля 1820 г.

Подпись: У. Г. Кейр, генерал-майор.

Вышеперечисленные статьи приняты мною, представителем вышеупомянутых шейхов.

Подпись: Сеид Абд аль-Джалил ибн Сеид Ясал Табатабан.

Генеральный договор с арабскими племенами Персидского залива

Во имя Аллаха милостивого, милосердного.

Слава Аллаху, всего сущего ради давшему благоденствие Вселенной.

Между Британским правительством и арабскими племенами, присоединяющимися к настоящему Договору, установлен мир на следующих условиях:

Ст. 1. Арабы, присоединяющиеся к Договору, прекращают грабеж и пиратство на море и на суше.

Ст. 2. Если какой-нибудь человек из числа договаривающихся арабских народов совершит нападение ради грабежа и пиратства, а не на основании признанной войны, на караванном пути какого-либо народа по суше либо по морю, то он будет считаться врагом всего человечества, его следует убить и лишить имущества. Признанная война — это когда одно правительство объявляет войну другому и война признана обеими сторонами, а убийство людей и захват их имущества без объявления войны и указания правительства есть грабеж и пиратство.

Ст. 3. На суше и на море дружественные (букв.— «усмиренные») арабы должны иметь красный флаг с буквами или без букв на нем, по их усмотрению; флаг должен быть по краям белым, причем ширина белой каймы должна равняться ширине красной (форма флага, известная в Британском флоте как «белый, пронизанный красным»). Таким будет флаг усмиренных арабов, и они станут пользоваться им и никаким другим.

Ст. 4. Усмиренные племена могут продолжать все их прежние взаимоотношения, но при том они должны пребывать в мире с Британским правительством и не воевать друг с другом. Символом этого и иного другого является упомянутый флаг.

Ст. 5. Суда дружественных арабов должны иметь на борту документ (регистр), подписанный их шейхом, в котором будет обозначено название судна, его длина, ширина, водонемещение; они должны иметь также разрешение на плавание из порта приписки за подписью шейха, в котором указано имя владельца, капитана, количество людей на борту, вооружение, откуда следует, время следования, куда направляется. И если им встретится британское или какое иное судно, то они обязаны предъявить и регистр, и упомянутое разрешение.

Ст. 6. Дружественные арабы могут по своему усмотрению направить в британскую резиденцию на Персидском заливе своего представителя с соответствующими полномочиями, и он должен находиться там, пока не выполнит всех дел с резидентом; если то будет угодно Британскому правительству, оно также может послать к ним своего представителя на таких же условиях. В этих случаях пусть представитель присовокупит свою подпись к подписи шейха на документе (регистре), находящемся на каждом судне, с указанием длины, ширины и тоннажа. Подпись представителя должна возобновляться ежегодно. Такие представители будут состоять на содержании посланных их.

Ст. 7. Если то или иное племя не удержится от грабежа или разбоя, то дружественные арабы будут действовать против него, сообразуясь со своими возможностями и обстоятельствами. На случай подобного грабежа либо пиратства, между дружественными арабами и британцами должно существовать соглашение.

Ст. 8. Убивать людей после того, как они сдали свое оружие, есть акт пиратства, а не признанной войны. И если какое-нибудь племя предаст смерти каких-либо людей — мусульман или иных — после того, как они сдали оружие, такое племя будет считаться нарушившим мир; дружественные арабы должны в согласии с британцами действовать против них. Аллаху угодно, чтобы война против них не прекращалась, пока не сдадутся те, кто совершил преступление, и те, кто приказал его совершить.

Ст. 9. Ввозить рабов — мужчин, женщин или детей — с берегов Африки или еще откуда-нибудь, перевозить их на судах — это грабеж и пиратство, и дружественные арабы не должны делать ничего подобного.

Ст. 10. Суда дружественных арабов под вышеописанным флагом могут посещать все порты Британии и ее союзников, как бы далеко эти порты ни были расположены; они могут там покупать и продавать, и если кто-нибудь нападет на них, то Британское правительство узнает об этом.

Ст. 11. Вышеназванные условия должны быть общими для всех племен и лиц, которые впоследствии будут присоединяться (к Договору), как и для тех, кто подписал его в настоящее время.

Рас-эль-Хайма, 22 раби I 1835 г./8 января 1820 г.
Подписи: в Рас-эль-Хайме 8.I.—У. Грант Кейр, генерал-майор, Хасан ибн Рахман, шейх Рас-эль-Хаймы; Рази ибн Ахмед, шейх Джурат-эль-Камры; капитан Томсон;
11.I—Шахбут, шейх Абу-Даби;
15.I—Хасан ибн Али, шейх Зайн; У. Грант Кейр, генерал-майор; Томсон, капитан в Шардже;
28.I—за Мухаммеда ибн Хаса ибн Заала, шейха Дибая его дядя Саид ибн Сайф;
15.III—Рашид ибн Хамид, шейх Аджмана; Абдалла ибн Рашид шейх Умм-эль-Кайвайна.

Примечания

Глава I

¹ В 1857 г. с теми же целями было издано около 400 документов, относящихся ко второму «гератскому конфликту» 1851—1857 гг.

² См. в тексте работы ссылки на материалы и документы Архива внешней политики России [12; 13; 14; 15; 16] и Центрального Государственного военно-исторического архива СССР [87].

³ Уилсон в течение восемнадцати лет был британским резидентом в Персидском заливе. О книге Келли см. ниже.

⁴ Мы пользовались первым изданием.

⁵ Судя по его имени, автор происходил из г. Бушира — порта на Персидском заливе [35; 36; 37].

⁶ Помимо «Тухфатан-набаханийе», автор называет сочинения Аллах-Саида Галаба и Мухаммеда Али Садида ос-Салтане Кабабн. О последнем см. стр. 21.

⁷ Важный официальный пост занимал и отец Садида ос-Салтане — Ахмед-хан Саргнб Кабабн (1835—1898), при посредстве которого осуществлялись контакты шахского правительства с шейхами Персидского залива. Послания, донесения, переписка по вопросам политического и экономического положения в Персидском заливе и прочие бумаги Ахмед-хана хранятся в МИДе Ирана (см. 69, с. 10). Худжаста пишет, что перу Садида ос-Салтане принадлежало оригинальное сочинение «Мифтах аль-адаб» (см. [86, с. 40]).

⁸ Ср. статью Анаркуловой, специально посвященную оценке деятельности того же лица [19].

⁹ Таков, например, справочник о современном Кувейте, изданный в Найроби [119].

Глава II

¹ Крайние точки Персидского залива: на севере — у Бендер-Шахпура; на юге — против о-ва Яасат; на востоке — у мыса Мусандам и на западе — Кувейтская бухта. Для площади Залива приводятся разными авторами цифры, колеблющиеся от 237 до 248 тыс. кв. км. Физической географии Персидского залива посвящен доклад Масуда Кейхана на семинаре о Заливе [84, т. I, с. 10—17].

² Об островах Залива см. книгу И. Бушехри [37] и доклад Размара на семинаре, посвященном проблемам Персидского залива [84, т. I, с. 51—83]. Острову Харк посвящен доклад Р. Гиршмана на том же семинаре [84, т. II, с. 114—118].

³ Об Иранском плоскогорье у Персидского залива см. доклад Таджбахша [84, т. I, с. 147—164]; ср. также книгу того же автора о Бахрейнских островах [140].

⁴ О климате Залива см. доклад Ганджи на семинаре [84, т. I, с. 18—37].

⁵ Изнуряющие ветры залива стали причиной возникновения культа особых ветров-духов (см. книгу Г. Сязди, посвященную этому культу [70]).

⁶ О средневековой истории торговых центров на Персидском заливе см. специальный доклад Али Акбара Бинаи [84, т. I, с. 210—225].

⁷ Развалины Сирафа найдены в районе порта Тахирн.

⁸ Марлоу считает переселение следствием монгольского завоевания Ирана [125, с. 4].

⁹ См. доклад Азизи «Краткий очерк политики европейских держав в Персидском заливе» [84, т. II, с. 5—6].

¹⁰ В 1494 г. между Португалией и Испанией было заключено соглашение о разделе мира; западное полушарие отдавалось Испании, восточное — Португалии.

¹¹ Альонсу д'Албукерки, автор «Комментариев великого д'Албукерки» (см. библиографию), был старшим в роду д'Албукерки, принимавшем активное участие в захватнической деятельности португальцев в районе Аравийского моря. Педру д'Албукерки был назначен комендантом ормузского форта в 1515 г., а Матнас д'Албукерки — комендантом Ормуза в конце XVI в.

¹² С уходом португальцев в 1508 г. строительство прекратилось.

¹³ О значении союза с Ираном писал, в частности, в 1515 г. папа Лев X польскому королю [23, т. I, с. 15]. О том же д'Албукерки писал испанскому королю [93, т. IV, с. 184]. Он же сообщал папе, что шаху Исмаилу для разгрома турок не хватает лишь артиллерии.

¹⁴ Ему вменялось в обязанность вытребовать с Ормуза дань в пользу Португалии. Однако это поручение Рун Гомезу выполнить не удалось, так как он был убит в Ормузе [93, т. II, с. 120].

¹⁵ Д'Албукерки лицемерно предлагал Исмаилу лишь указать, где тот желал бы, чтобы португальцы разбили султана [93, т. II, с. 114—118].

¹⁶ На иранском побережье против Ормуза португальцы захватили небольшую город Гомбрун, где позже они построили укрепление (теперь на этом месте стоит г. Бендер-Аббас) [80, с. 45].

¹⁷ Следы этой крепости сохранялись еще в начале XX в. [95, с. 7].

¹⁸ Еще в 1521 г. правитель Бахрейна погиб в сражении с португальским отрядом. Антонио Корреа, командовавший этим отрядом, привез голову убитого в Ормуз в качестве доказательства своего «геройства». Португальский король даровал роду Корреа право добавить к пышному титулу наименование «Бахрейнский» и включить в герб на щите изображение головы «маврнтанского короля в крови и с турбаном». Потомки Корреа и сегодня еще пользуются этим гербом [95, с. 7—8]. О восстаниях см. в докладе Азизи [84, т. II, с. 4].

¹⁹ Португальские укрепления в Маскате и Линге и португальские пушки в Кувейте видел Сыромятников во время своей поездки по Заливу в 1900 г. [75, с. 17]. В настоящее время эти пушки находятся в недавно созданном музее в Эль-Кувейте, где в 1967 г. их довелось осматривать автору этих строк.

²⁰ Пир-раис вскоре был обвинен перед султаном и отстранен от командования флотом.

²¹ Португальцы не всегда считались с представителями Испании. Когда посол испанского короля Гарсия да Сильва прибыл в центр португальских владений в Индии — Гоа, чтобы следовать далее на о-в Ормуз, португальцы задержали его на целых два года [81, с. 45].

²² Два корабля экспедиции были затерты льдами Баренцева моря, люди замерзли. Капитан третьего, Р. Ченслер, был доставлен в Москву к Ивану Грозному. По возвращении в Лондон купцы-предприниматели организовали в 1555 г. «Московскую компанию», которая впоследствии вела через Россию торговлю с Ираном.

²³ См. донесение Эдуардса от 8 августа 1566 г. [110, т. III, с. 58].

²⁴ За период 1561—1581 гг. англо-иранская торговля велась всего лишь в 1561—1574 и 1579—1581 гг.

²⁵ Пираты прославлялись в Англии, как герои. Пайщиками пиратских компаний были купцы, духовенство и аристократия — вплоть до королевской фамилии.

²⁶ С этой же целью иранский посол был отправлен и ко двору индийских Моголов [135, IV, с. 366—367].

²⁷ Это было не первое португальское посольство в Иране: в 1557 г. ко-

роль прислал подарок шаху Тахмаспу, а в 1574 г. в Иран прибыло португальское посольство в составе 50 человек. Оно было задержано шахом под предлогом того, что португальцы «плохо обращались с мусульманами», и посольство возвратилось на родину лишь после смерти Тахмаспа.

²⁶ Так, португальцы, опираясь на созданные ими базы, потребовали, чтобы все иностранные корабли получали визы на проход в Персидский залив у португальских чиновников. Текст одного из пропусков, выданного в Маскате в 1611 г., приводится в [135, т. IV, с. 190—191].

²⁹ Например, при шахе-марионетке Мухаммаде Худабанде (1578—1587) в Иран прибыло посольство от испанского короля Филиппа II. По словам Фалсафи, это посольство ставило такие цели: распространение католичества, продолжение войны с Турцией и получение торговых льгот [81, с. 18—19].

³⁰ На семинаре о Персидском заливе этого вопроса касались Азизи и Байани [84, т. II, с. 6 и 96—97].

³¹ О соперничестве англичан и голландцев при дворе шаха Аббаса в 1617 г. см. [94].

³² Текст фирмана приведен в [135, т. IV, с. 279—280].

³³ О задачах, которые Ост-Индская компания поставила перед Конноком, см. в докладе Байани [84, т. II, с. 98—99].

³⁴ Текст договора приведен в докладе Азизи [84, т. II, стр. 10]. Ср. доклад Байани [84, т. II, с. 99].

³⁵ В 1620 г. король Иаков I прислал шаху Аббасу письмо с изъявлением благодарности за благосклонность к английским купцам [84, т. II, с. 98—99].

³⁶ Во время военных действий против засевших на Ормузе португальцев наглядно проявилось своекорыстие англичан: они крайне неохотно предоставляли корабли иранцам, хотя этот вопрос был специально оговорен в договоре о монопольной торговле шелком; в то же время они были весьма требовательны, когда дело касалось получения дополнительных льгот за подобную «помощь».

³⁷ О тщетных попытках шаха заручиться союзом с Голландией см. доклад Байани на семинаре о Персидском заливе [84, т. II, с. 97—98].

³⁸ Белгрейв, не называя источника, пишет, что бахрейнцы восстали против губернатора — ставленника португальцев, не приводя имени последнего. Поэтому трудно сказать, имел ли он в виду Руки ад-дина Масуда. Интересно другая сообщаемая Белгрейвом подробность: поскольку Иран и Португалия официально находились в состоянии мира, португальцы пожаловались шаху на самоуправство фарсских властей. В своем ответе шах утверждал, что Бахрейн был отнят не у португальцев, а у ормузского правителя — его, шаха, вассала [95, с. 9].

³⁹ Несмотря на возникшие в дальнейшем споры о доле участия англичан в изгнании португальцев из района Персидского залива, даже апологеты британской политики отмечают, что именно персидскими силами были освобождены от захватчиков названные пункты аравийского побережья [125, с. 5; 147, с. 141].

⁴⁰ Персы имели право построить вторую крепость на острове, территория которого по праву делилась между союзниками; пленные христиане должны были быть переданы англичанам, мусульмане — персам.

⁴¹ Об этом пишет Уилсон на основании свидетельства очевидца Фостера [147, с. 149].

⁴² Байани совершенно справедливо отмечает, что голландцы вмешались в борьбу с португальцами на Персидском заливе, чтобы использовать это затем как предлог для официальных требований в торговле [94, с. 137]. Текст договора приведен в докладе Азизи [84, т. II, с. 10].

⁴³ См., например, в книге Уилсона [147, с. 153]; там же названа численность португальского гарнизона [147, с. 147].

⁴⁴ См. документ № 194 от 19 декабря 1622 г. [99, т. III].

⁴⁵ Свидетельства очевидцев Пиндера, Уилсона, Монокса приведены в [147, с. 148]. Ср. мнение Белгрейва, которого никак нельзя заподозрить в проранской ориентации [95, с. 12].

⁴⁶ Руи Ферейра умер в Маскате в 1532 г. и был похоронен в церкви, на фундаменте которой по сей день возвышается дворец султана [95, с. 11].

⁴⁷ В 1641 г. Португалия была вынуждена принять покровительство Голландии.

⁴⁸ Азизи, доклад на семинаре [84, т. II, с. 11]. Представителем голландцев при подписании договора был командующий флотом Николо Блак [84, т. II, с. 11].

⁴⁹ Обеспокоенный чрезмерным ростом претензий голландцев на монополизацию всей иранской торговли, шах отказал им в предоставлении привилегий, равных английским [84, т. II, с. 97, 101].

⁵⁰ Как справедливо отмечает иранский историк Байани, во второй половине XVII в. торговые интересы англичан все теснее переплетались с политическими [84, т. II, с. 101].

⁵¹ Подробнее об Омане и шейхствах Залива в этот период см. гл. IV.

⁵² Со смертью Надир-шаха строительство было приостановлено.

⁵³ Таким образом, предоставив частной компании ряд привилегий, шейх Садун в дальнейшем в случае недоразумений или претензий должен был иметь дело с правительством Англии.

⁵⁴ Текст пожалования Керим-хана и соглашения с шейхом Садуном см. в издании Ачесона [92, т. X, с. 18].

⁵⁵ Об этом, ссылаясь на Selections from State Papers № CXV, пишет Уилсон [147, с. 177].

⁵⁶ Этот факт вынуждены констатировать и современные буржуазные ученые. Так, Марлоу пишет, что привилегии Керим-хана указывали на преобладание Британии в сравнении с другими европейскими государствами в районе Персидского залива, они положили начало почти 200-летнему периоду политического господства Британии в заливе. И далее: с окончанием Семилетней войны британская активность в Персидском заливе приобретала все в большей степени не только чисто торговый, но и политический характер [125, с. 10].

⁵⁷ См. выше об изгнании португальцев с Ормуза.

Глава III

¹ Такого рода суждения перекочевывают из одной английской книги в другую (см. работы Роулинсона, Керзона, Уигхэма, Уилсона и других в библиографии). Их некритически повторяют буржуазные авторы других стран. Французский историк Рунр, например, писал: «Не нужды торговли и не желание монополизировать в своих руках судоходство по Персидскому заливу заставили британское правительство сосредоточить на нем свое внимание; оно решило овладеть морскими путями, которые вели к его индийским владениям через Красное море и Персидский залив в интересах обороны Индии» [67, с. 18]. Подобная точка зрения встречается и в трудах иранских историков (см. гл. I).

² Касаясь причин англо-иранской войны 1856—1857 гг., К. Маркс особо подчеркнул роль Малькольма в подготовке к захвату о-ва Харк еще в начале XIX в. [1, с. 73—74].

³ Кэй цитирует письмо Малькольма Уэлсли, написанное в феврале 1808 г., где говорилось, что даже если предположить, что французские военные корабли войдут в Персидский залив и достигнут места своего назначения, они все равно ничего не смогут добиться. «Правительство Персии, даже если согласится на это (французское вмешательство.— Н. Т.), не сможет снабдить их требуемым... Морская часть экспедиции неизбежно провалится» [116, т. I, с. 407].

⁴ О миссии см. специальную статью Иоаннисяна [44] и книгу Адамийата [91, с. 40].

⁵ Об убийстве Хаджи Халиля см. [65, т. IX, л. 161], о компенсации — [89, с. 361].

⁶ Донесение от 14 января 1801 г. [13, д. 5, л. 4а].

⁷ Гардан пишет, что Малькольмом было израсходовано более 2 млн. рупий [109, с. 41].

⁸ Текст договора см. в издании Ачесона [92, т. X, с. 38—47]; ср. оценку договора, данную в книге Игамбердыева [42, с. 83—86].

⁹ Рассчитывая на соблюдение договора Англией, шах отказался в 1804 г. от подписания аналогичного договора с Францией [52, т. II, ч. I, л. 39—40].

¹⁰ В начале русско-иранской войны багдадский паша напал на юго-западные провинции Ирана, что было весьма на руку англичанам [51, л. 14].

¹¹ Ромье не успел начать переговоры, так как прибыл в Тегеране всего три недели (с 24 сентября по 12 октября), когда скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах [42, с. 79—81]. О нападении на миссию Жобера в Баязете см. [13, д. 8, лл. 13—14], а о поспешном отъезде Жуаннина «единственно по настояниям аглицкого министра Гарфорда Джонса» — [13, д. № 5, л. 112].

¹² Вопросу англо-французского соперничества при тегеранском дворе в первые годы XIX в. посвящена статья иранской исследовательницы М. Раушанзамир [64], интересная подбором фактов.

¹³ Тогда же в водах Залива стал курсировать с полнейшими функциями английский военный корабль «Фокс», а несколькими месяцами позже — целая эскадра под командованием Ферье [117, с. 83 и 86].

¹⁴ Между прочим, договор 1715 г. был заключен дедом генерала Гардана. Имя Гарданов было известно как в Иране, так и в Леванте, где представители этой фамилии долго занимали консульские посты и имели старые связи [104, с. 183].

¹⁵ Письмо Минто Малькольму от 9 марта 1808 г. [116, т. I, с. 411].

¹⁶ Письмо Гардана министру иностранных дел Франции Шампань от 18 июня 1808 г. [109, с. 173]. В достоверности этих сведений сомневаться не приходится, так как они были официально доложены шаху по прибытии в Залив эскадры Малькольма.

¹⁷ Выражение издателя бумаг Малькольма — Кэя (см. [116, т. I, с. 412]).

¹⁸ К этому времени британские экспедиционные войска имели большой опыт ведения наземных операций не только в Индии, но и на южном берегу Персидского залива.

¹⁹ Рапорт Малькольма Минто от 15 апреля 1808 г. [116, т. I, с. 412]. Остров Маврикий — база французских военно-морских сил.

²⁰ Говоря о целях Малькольма в 1808 г., современный историк Махмуд Махмуд писал, что последний стремился захватить базы в районе Персидского залива, чтобы диктовать Ирану свою волю [49, т. I, с. 81].

²¹ Пребывание британских военных кораблей в территориальных водах Ирана в 1819 г. иранец Ф. Адамийат прямо называет оккупацией [91, с. 80], тогда как английские политики, даже высаживая в 1838 г. войска на о-в Харк, избегали говорить о вторжении. Кстати, первый отряд британских войск, захвативший Харк в 1838 г., был малочисленное экспедиции Малькольма.

²² Запись в дневнике Малькольма, сделанная им 8 июля 1808 г., когда он проплывал мимо о-ва Харк [116, т. I, с. 424].

²³ Письмо Минто Малькольму от 9 марта 1808 г. [116, т. I, с. 429].

²⁴ Выражение биографа Малькольма — Кэя [116, т. I, с. 435].

²⁵ Письмо Малькольма Шарлотте Малькольм, сентябрь 1808 г. [116, т. I, с. 435].

²⁶ Письмо Минто Малькольму от 30 сентября 1808 г. [116, т. I, с. 438].

²⁷ Договор был заключен в 1809 г.

²⁸ Выражение Минто. В качестве примера фальсификации английскими авторами исторических фактов характерна оценка, данная Келли инструкцией Минто. Келли пишет, что Минто предложил Малькольму «упрочить дружеские отношения с пашой Багдада». Как будет показано далее, это означало спровоцировать убийство паши. Целью экспедиции Малькольма, по словам Келли, было «единственно обеспечить безопасность Индии», предложив 5 тыс. солдат в качестве «помощи» шаху, турецким властям либо ваххабитам — на выбор [117, с. 91—92].

²⁹ Повествуя об этих событиях, автор «Фарс-наме», к сожалению, не на-

зывает других имен, кроме Мухаммеда Нуби и его брата Мухаммеда Джафара [83, т. I, с. 256].

³⁰ Артур Уэлсли, брат бывшего генерал-губернатора Индии, в то время командовал экспедицией в Испании. С 1809 г.— герцог Веллингтон.

³¹ Иранский автор Фаруги, не сопоставив договор 1809 г. с фактическим положением дел, принимает статьи его о «предоставлении» Ирану английских военных судов за чистую монету [106, с. 76—77].

³² Копия с письма Жуаннинна министру иностранных дел Шампаньи [87, д. 401, л. 26].

³³ По донесению Тормасова Румянцеву, датированному июнем—июлем 1810 г.— 2 тыс. человек [87, д. 422, л. 92]; по донесению 17 февраля и 5 июля 1810 г.— 3 тыс. [13, д. 4, лл. 100 и 130].

³⁴ См. выше, (стр. 65).

³⁵ См., например, историю англо-оманских отношений того же периода в гл. IV.

³⁶ См. гл. IV.

³⁷ Донесение из Тифлиса маркиза Паулуччи Румянцеву от 26 марта 1812 г. [13, д. 5, л. 158].

³⁸ Текст договора см. [92, т. 10, с. 48—53].

Глава IV

¹ Подробнее о географическом положении, населении и племенах Омана см. в книге Келли [117, с. 3—7], где обобщены данные, собранные в течение полутора столетий поколениями английских агентов и резидентов в этом княжестве.

² Своего дядю Сейфа он принудил бежать в Африку.

³ Цифры доходов Омана на основании донесений агентов Ост-Индской компании приведены Келли [117, с. 13—15].

⁴ Характерно, что даже среди английских авторов последних лет, не принадлежащих к числу политиков, появляются лица, видимо задумывавшиеся над неправомерностью названия Пиратский берег. Келли, например, употребляет его с оговоркой. Описывая участок берега Персидского залива за мысом Мусандам, он пишет, что «нынче он известен как „Договорный Оман“ или „Договорный берег“. Прежнее его название „Эш-Шамал“ или „Эль-Сир“» [117, с. 3—4].

⁵ Данные по экономике Бахрейнского архипелага в этот период см. в книге Келли на основании донесений агентов Ост-Индской компании [117, с. 29, 30].

⁶ В своих военных предприятиях Бадр опирался на силы англичан [133, т. II, с. 1872, 1925—1926].

⁷ См. 92, т. 10 и Приложения (выше), с. 163—167. Келли делает оговорку, что в 30-е годы XIX в. это было не пиратство, а «морская война» [117, с. 250].

⁸ Так, например, считает Керзон [103, т. II, с. 449—450].

⁹ Цит. по статье К. Маркса [4, с. 532].

¹⁰ Письмо Гардана министру иностранных дел Шампаньи от 18 июня 1808 г. [109, с. 173]; ср. также гл. III настоящей работы.

¹¹ Адамыят считает, что оманский сеид к этому времени уже давно был английским протеже и единственным арабским правителем этого района, чью политику они контролировали [91, с. 60]. По этому поводу см. откровенное замечание издателя «Перши Гэзеттир» [133, ч. II, с. 1930].

¹² Хотя общая численность судов кавасим в 1808 г. достигала 900, крупных судов было лишь 63 [127, т. II, с. 314].

¹³ Действуя по указке англичан, Саид не избежал участи других шейхов и в то же время ослабил силы сопротивления колонизации, ибо англичанам могли противостоять лишь объединенные силы всех племен района.

¹⁴ Ссылка приведена в комментариях Баджера к сочинению Салиля ибн Разика [137, с. 321—322].

¹⁵ Так пишет Келли на основании материалов «Индиа Оффис» [117, с. 118].

¹⁶ Героизм защитников Шиннаса отмечает и Морьер [129, с. 373].

¹⁷ См. ссылку на документы «Индия Оффис», приведенную в книге Келли [117, с. 125].

¹⁸ Ссылка приведена Баджером в его комментариях к «Историям имамов» [137, с. LXXVI].

¹⁹ Выражение Уилсона [147, с. 205].

²⁰ См. книги Уилсона, Майлса, Келли и многих др.

²¹ Что касается Сагра и Саида, то они рассчитывали с помощью английских штыков удержаться у власти, с тем чтобы со временем избавиться от их опеки.

²² Этот рапорт был положен в основу инструкции губернатора Эльфинстона Кейру. Согласно ей Кейр и действовал во время экспедиции 1819 г.

²³ См. книгу Келли [117, с. 162]. Описывая другую позорную кампанию англичан, Келли резюмировал: «перед началом кампании была проявлена недостаточная озабоченность в том, чтобы точно установить пиратский характер племени бу али» (см. ниже).

²⁴ Донесение от 10 мая 1820 г., хранящееся в библиотеке «Индия Оффис», цитируется по книге Келли [117, с. 170, сн. 2].

²⁵ См. книги иранских авторов Гургани, Адамийата, Таджбахша и других в Библиографии.

²⁶ Донесение нмп. посла и полномочного министра И. Ф. Симоича К. В. Нессельроде от 17 ноября 1833 г. [15, д. 208, л. 184].

²⁷ Донесение И. Ф. Симоича К. В. Нессельроде от 17 ноября 1833 г. [15, д. 208, л. 184].

²⁸ За содержание каждого судна англичане запросили по тысяче рупий [15, д. 208, л. 185]. По этому поводу шах будто бы сказал: «Для чего нужен союз с этими неверными? Коль скоро они ведут себя подобным образом — пусть убираются».

²⁹ В книге Келли названы враждовавшие союзы племен [117, с. 109].

³⁰ Инструкция была составлена в 1850 г. [92, т. XI, с. 154—156].

³¹ В этот период англичане пытались наладить сообщение из Индии в Англию, используя пароходное сообщение по Евфрату. См. донесение русского посла с особым поручением Долгорукова министру иностранных дел Нессельроде от 14 марта 1836 г., где говорится об английских проектах сделать Мохаммеру центром пароходных сообщений между Англией и Индией. О том же доносил русский полномочный министр при тегеранском дворе Симоич 3 августа 1836 г. [15, 1836, д. 204, л. 197].

Глава V

¹ Донесение Дюгамеля Нессельроде от 1 апреля 1839 г. [12, д. 20; 27, с. 110—113].

² Так, поимку военным патрулем шпиона Мухаммеда Али Бека, перса, 30 лет состоявшего на службе англичан, Макнил расценивал как оскорбление британской короны и в качестве возмещения за несуществующую обиду потребовал нескольких публичных извинений иранских властей и права экстерриториальности; этим же эпизодом англичане оправдывали оккупацию о-ва Харк.

³ Письма Макнотена Макнилу и генерал-губернатора Индии тайному комитету совета директоров Ост-Индской компании от 1 мая 1838 г. [101, с. 509—510].

⁴ Меморандумы от 16 мая и 4 июня 1838 г., донесение Макнила Пальмерстону от 17 и 25 июня [101, с. 146—149, 175—184], переписка Макнила с премьер-министром Ирана. На обратном пути из шахского лагеря Макнил «распространял везде самые коварные слухи, чтобы возмутить общую тишину. Господни Мак Нил даже был настолько бессовестным, что заставил воротить большой караван со съестными припасами, шедший по дороге из Мешхеда в лагерь, уверяя, что персидская армия была совершенно уничтожена» [87, д. 56435, л. 14]. О провокациях Макнила см. также протест иранского посла Хусейн-хана Пальмерстону от 22 июня 1838 г. и ответ о

награждении английской королевой Макнила орденом Бани [102, т. 1, с. 45 и 52].

⁶ Хеннель — секретарю бомбейского правительства с борта «Семирамиды» у о-ва Харк, 20 июня 1838 г. [101, с. 514].

⁶ Письмо Хеннеля мнрзе Аббасу от 21 июня 1838 г. и ответное письмо мнрзы Аббаса Хеннелю, датированное тем же днем [101, с. 516, 518—519].

⁷ Послание, переданное Стоддартом шаху [101, с. 189—190]; см. также [87, д. 56435].

⁹ Подробно об осаде Герата в 1837—1838 гг. см. [87, д. 56435, л. 27—35].

⁹ Сообщение Хеннеля секретному комитету от 27 октября 1838 г. [101, с. 515].

¹⁰ О первом гератском конфликте 1837—1842 гг. ср. работы советских историков-востоковедов, например, [21; 85; 22; 48].

¹¹ Переписка Хеннеля с Феридун-мирзой [102, т. 1, с. 4—9].

¹² Об этом подробно сказано в книге В. Ф. Агеева [17].

¹³ Этот эпизод подробно описан в книге Лоу [122, т. II, с. 104].

¹⁴ См. также донесение Мейтланда от 10 марта 1839 г. [102, т. 1, с. 1—10].

¹⁵ Автор «Хакаи ал-ахбар» мнрза Джафар-хан писал, что население Бушира с помощью жителей окрестных мест изгнало англичан и само стало наблюдать за порядком [51, л. 29].

¹⁶ Донесение Хеннеля тайному комитету Ост-Индской компании от 2 апреля 1839 г. [102, т. I, с. 31].

¹⁷ Донесение Мейтланда от 30 марта 1839 г. [102, т. 1, с. 10—14, 16].

¹⁸ Донесение английского агента из Шираза Хеннелю от 7 апреля 1839 г. [102, т. 1, с. 14]. По донесению Дюгамеля Нессельроде от 1 апреля, подкрепление состояло из 1500 солдат [12, д. 20, л. 102]; Бларамберг упоминает также артиллеристов для 30 пушек [87, д. 56432, л. 15].

¹⁹ Донесение Шейла Пальмерстону от 26 мая и 22 июня 1839 г. [102, т. 1, с. 67—72].

²⁰ Лоу — участник английской экспедиции в Персидском заливе в те годы (с 1842 г. командующий английской эскадрой), — скорбя о потере престижа англичан, приписывает бегство не силе организованного отпора, а «миролюбию» своих соотечественников.

²¹ Донесение Дюгамеля Нессельроде от 20 мая 1839 г. [12, д. 20, л. 170].

²² Письма Хеннеля от 15 и 31 марта 1840 г. цитируются Келли на основании бумаг «Индия Оффис» [117, с. 334].

²³ В 1839 г. корабли британского флота, постоянно пребывавшие в Персидском заливе, распределялись так: один у Харка, второй — в виду Бушира, третий и четвертый патрулировали вдоль Кувейта и Эш-Шамала соответственно, пятый осуществлял связь с Бомбеем [117, с. 328].

²⁴ Донесение Дюгамеля Нессельроде от 22 июля 1839 г. [12, д. 20, л. 170]; донесение Бларамберга от 23 июля того же года [87, д. 56432, л. 39].

²⁵ Копия депешы Поццо ди Борго от 3 апреля 1839 г.; и донесение Нессельроде от 1 апреля 1839 г. [12, д. 19, л. 212, 213, 100].

²⁶ Донесение Дюгамеля Нессельроде от 2 декабря 1839 г. [12, д. 20, л. 286].

²⁷ Факт переговоров сообщен Лоу [122, т. II, с. 136].

²⁸ Письмо Дюгамеля генералу Головину летом 1841 г. [68, с. 125].

²⁹ В состав эскадры (под командованием Лоу) входили корабли «Окленд», «Кут», «Ройял Тайгер», «Махи» и др. [122, т. II, с. 168].

³⁰ Следует особо отметить книги Гургани, Фаруги, Таджабахша, Адамниата (см. Библиографию).

³¹ Цитаты из писем Унллока на основании документов «Форн Оффис» приведены Адамниатом [91, с. 89—90].

³² Донесения Хеннеля, датирующиеся ноябрем—декабрем 1839 г. на основании документов «Индия Оффис», цитируются Келли [117, с. 330]; содержание инструкций Пальмерстона приведено им также по бумагам «Индия Оффис» [117, с. 334—335, 337—338].

³³ О вызванных англичанами беспорядках на Бахрейне см. донесение Долгорукова Нессельроде [15, д. 177, л. 35а].

³⁴ Слова лорда Абердниа, руководившего в те годы английской политикой на Востоке. Онн приведены Адамийагом в его книге на основании бумага «Форин Оффис» [91, с. 130].

³⁵ Автор этой фальсификации — командующий английской эскадрой в Персидском заливе с 1842 г. Лоу [122, т. II, с. 324].

³⁶ Обязательства шейха Бахрейна от 8 августа 1847 г. [92, т. X, с. 134].

³⁷ Ответ Хеннеля Мухаммеду ибн Халифе в октябре 1850 г. [122, т. II, с. 326].

³⁸ Основным вопросом конференции было ирано-турецкое пограничное размежевание.

³⁹ Фирман султана от 23 января 1847 г. [92, т. XI, с. 17].

⁴⁰ Копия с донесения Панафидина послу в Стамбуле от 13 января 1891 г. [16, д. 2981, л. 236].

⁴¹ Робинсон сменил Портера в марте 1852 г. [122, т. II, с. 329].

⁴² Шейл — Малмсбери, 13 января 1853 г. [102, т. 2, с. 47].

⁴³ С 1852 г. английские военные корабли вообще не покидали Бушира [25, с. 87].

⁴⁴ Донесения Мэррея Кларендону от 17 ноября 1855 г. [102, т. II, с. 72—73].

⁴⁵ Письмо садр-азама Мэррею от 11 октября 1855 г. [102, т. II, с. 77—80].

⁴⁶ Письма Томсона и Мэррея Кланрикарду и садр-азама Мэррею от 13 июня, 2 сентября 1854 г., 11 октября и 20 ноября 1855 г. [102, т. 2, с. 68, 69, 77—80, 83—84; ср. 34, с. 55—56].

⁴⁷ В преамбуле договора, между прочим, говорилось, что эта уступка сделана «по доброй воле, без применения силы, средств устрашения и какой бы то ни было денежной заинтересованности» оманского сейда [126, с. 126—127].

⁴⁸ Донесение военному министру от 11/23 января 1857 г. [12, д. 21, л. 2—3].

⁴⁹ Копия объявления войны генерал-губернатора Индии от 1 ноября 1856 г. (из донесения Джонса секретарю бомбейского правительства [122, т. II, с. 341—342]).

⁵⁰ Подробно о ходе военных действий см. работу П. П. Бушева [34].

⁵¹ Рапорт Игнатьева военному министру от 21 января 1857 г. [12, д. 21, л. 11].

⁵² Письма Коули Фаррух-хану и ответ Фаррух-хана Коули от 2 и 3 марта 1857 г. [102, т. II, с. 238—239].

⁵³ Об этом см. специальную статью Н. Н. Туманович [79].

⁵⁴ «Состоящий под протекцией британского правительства» — выражение, которое они стали употреблять еще в конце 30-х годов XIX в. (см. [117, с. 322—323 со ссылкой на документы «Индия Оффис»]).

⁵⁵ Цитата из инструкции резиденту Персидского залива приводится на основании документа «Индия Оффис» [117, с. 225].

⁵⁶ Цитата из высказываний короля Вильгельма IV на основании материалов «Индия Оффис» приведена Келли, причем слово «непосредственного» выделено в тексте издания [117, с. 240].

⁵⁷ Донесения Симонича Нессельроде от 14 апреля 1833 г. [15, д. 208, л. 43] и от 6 марта 1835 г. [15, д. 237, л. 99].

⁵⁸ В своем донесении от 1 июня 1848 г. Долгоруков писал Нессельроде, что «англичане совсем не признают власти шаха на южном побережье» [15, д. 177, л. 3296]; ср. донесение Долгорукова от 2 марта 1850 г. [15, д. 133].

⁵⁹ В депеше Долгорукова Нессельроде от 6 июня 1848 г. говорилось, что «приказы британской дипломатической миссии имеют больше влияния» на одного из самых крупных вождей 70-тысячного племени ильхани, обитающего в Фарсе, «чем приказы самого персидского правительства» (см. [15, 1849, д. 178, т. 1, л. 147]). О проанглийской позиции шейха Бендер-Аббаса Сефи, его попытках обособиться от Ирана см. донесение того же тому же от 14 января 1848 г. [15, 1848, д. 177, л. 32].

⁶⁰ Донесение посла в Лондоне Бруннова от 8/20 октября 1852 г. [15, 1852, д. 159, л. 520].

Библиография

Произведения классиков марксизма-ленинизма *

1. Маркс К. Англо-персидская война.— Т. 12.
2. Маркс К. Восстание в индийской армии.— Т. 12.
3. Маркс К. Капитал.— Т. 23—25.
4. Маркс К. Новая китайская война.— Т. 13.
5. Маркс К. Ост-индская компания, ее история и результаты ее деятельности.— Т. 9.
6. Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947.
7. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Т. 21.
8. Энгельс Ф. Персия и Китай.— Т. 12.
9. Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо второе редактору «North-ern star».— Т. 2.
10. Энгельс Ф. Предисловие ко второму немецкому изданию «Положения рабочего класса в Англии».— Т. 22.
11. Ленин В. И. Тетрадь материалов о Персии.— Т. 28.

Официальные документы, монографии, статьи и мемуары

12. АВПР (Архив внешней политики России). СПб. Гл. архив, ф. 1—9.
13. АВПР, СПб. Гл. архив, ф. 1—13.
14. АВПР, Гл. архив, ф. МИД, П-34.
15. АВПР, ф. МИД. Канцелярия.
16. АВПР, ф. МИД. Персидский стол.
17. Агеев В. Ф. Английское завоевание Синда. М., 1979.
18. Адамийат Ф. Амир Кабир в Иран. Дж. I—II. Техраи, [1949] (на перс. яз.).
19. Анаркулова Д. М. К вопросу об оценке деятельности Амира Кабира в современной иранской историографии.— Иран. Экономика. История. Историография. Литература. М., 1976.
20. Ахмеджанов Г. А. Гератский вопрос в XIX веке. Таш., 1971.
21. Ахмеджанов Г. А. Гератский плацдарм в планах британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX веке (30-е—80-е гг.). Автореф. канд. дис. Таш., 1955.
22. Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость (1838—1842 гг.). М., 1960.
23. Баяндур А. А. Халндж-е Фарс. Техран, 1317/1939 (на перс. яз.).
24. Бендер Аббас [б. м., б. г.] (на перс. яз.).
25. Березин И. Н. Бендер Бушир и британская кампания в южной Персии.— «Санкт-Петербургские ведомости». 1857, № 19, 20, 21.
26. Березин И. Н. Персидский залив и Харак.— «Московские ведомости», 1854.
27. Бларамберг И. Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году. СПб., 1853.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся (кроме 6) по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина— по Полному собранию сочинений.

28. Бодянский В. Л. Бахрейн. (К истории стран Персидского залива). М., 1962.
29. Бодянский В. Л. Современный Бахрейн (справочник). М., 1976.
30. Бодянский В. Л. Современный Кувейт (справочник). М., 1971.
31. Бодянский В., Герасимов О., Медведко Л. Княжества Персидского залива. М., 1970.
32. Бороздна В. Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. СПб., 1821.
33. Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.
34. Бушев П. П. Герат и англо-иранская война 1856—1857 гг. М., 1959.
35. Бушехри И. Н. Иран кануни ва Халидж-е Фарс. Тегран, 1325/1946 (на перс. яз.).
36. Бушехри И. Н. Назар-и бе Иран ва Халидж-е Фарс. Тегран, [б. г.] (на перс. яз.).
37. Бушехри И. Н. Фелат-е гарре ва джазайер-е Халидж-е Фарс. Тегран. 1338/1959 (на перс. яз.).
38. Гургани М. Сийасат-и Энглис дар Халидж-е Фарс ва джазайер-и Бахрейн. Нафт у марварид. Тегран, 1325/1946 (на перс. яз.).
39. Джазире-йе Харк. Тегран, 1339/1960 (на перс. яз.).
40. Зарринкалам Али. Сарзамин-е Бахрейн аз дауран-и бастаи та имруз. Тегран, 1337/1958 (на перс. яз.).
41. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.
42. Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961.
43. Ильенко И. Очерки Персии. СПб., 1902.
44. Иоаннисян А. Р. Французское посольство в Иран в 1796 г.—«Советское востоковедение». 1956, № 1.
45. История Ирана. М., 1977.
46. Каиммаками Дж. Бахрейн ва масанл-и Халидж-е Фарс. Тегран, 1341/1962 (на перс. яз.).
47. Кафтырев Д. Исторические, географические и статистические сведения о Персии. СПб., 1829.
48. Массон В. М., Ромодни В. А. История Афганистана. Т. 1—2. М., 1965.
49. Махмуд Махмуд. Тарих-и равабит-и сийасийе Иран ва Энглис дар гарн-и нуздахум-и млади. Дж. I—III. Тегран, 1328—1329/1949—1950 (есть новое изд. в 8 томах. Тегран, 1950—1957) (на перс. яз.).
50. Медведко Л. И. Ветры перемен в Персидском заливе. М., 1973.
51. Мирза Джафар хан. Хакаи ал-ахбар-и Насирн. Тегран, 1284/1867—1968 (литогр. изд. на перс. яз.).
52. Мирза Тагн хан. Насих ат-таварих. Тегран, [б. г.] (литогр. изд. на перс. яз.).
53. Мисль Рустем. Персия при Наср ад-дин шахе с 1862 по 1868 г. Очерки в рассказах. СПб., 1897.
54. Морской атлас. Л.—М., 1952.
55. Мортон А. Л. История Англии. М., 1950.
56. Муджтахеи М. Иран ва Энглис. Тегран, 1326/1947 (на перс. яз.).
57. Муктадир Г. Х. Қалид-и Халидж-Фарс. Тегран, 1333/1954 (на перс. яз.).
58. Мухаммед Хасан хан. Тарих-и мунтазам-и Насирн. Тегран, [б. г.].
59. Муэзи Н. Тарих-и равабит-е сийас-йе Иран ва дунья аз Хахаманш то бе хавалат-е ахир. Дж. I—II. Тегран, 1324—1326/1945—1947 (на перс. яз.).
60. Нафис С. Бахрейн, хоуг-е 1700 сал-е Иран. Тегран, 1333/1955 (на перс. яз.).
61. Нейманн К. Ф. Афганистан и англичане в 1841—1842 гг. М., 1843.
62. Никитин А. Хожеие за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 г. М.—Л., 1948.
63. Поло М. Книга Марко Поло. М., 1955.
64. Раушан-замир М. Нофуз-е сийас-йе Энглис дар дарбар-е Қад-

- жар ва ракабат ба сийасат-е Франсе дар Иран.—«Баррасиха-йе Тарихи». 1977, № 2.
65. Реза Кули-хан. Раузат ас сафа. Техран, [б. г.] (литогр. изд. на перс. яз.).
  66. Риттик П. А. Политико-статистический очерк Персии. СПб., 1896.
  67. Руйр. Англо-русское соперничество в Азии. М., 1924.
  68. «Русский Архив». Т. II. СПб., 1885.
  69. Садид ас-Салтаие М. А. Бендер Аббас ва Халидже Фарс. Техран, 1342/1963 (на перс. яз.).
  70. Саэди Г. Одержимые ветрами. М., 1977.
  71. Семенов. Допрос Ильи Исаева человека, Андрея Семенова о пути в Индию, как он был в 203 году при купчине Маленьком.— Журнал или поденная записка... Петра Великого. Ч. 2. Отд. I. СПб., 1772.
  72. Современный Иран (справочник). М., 1957.
  73. Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии российско-императорского посольства в Персию в 1816—1817 гг. СПб., [б. г.].
  74. Стрельбицкий. Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году. СПб., 1892.
  75. Сыромятников С. Н. Очерки Персидского залива. СПб., 1907.
  76. Гарле Е. В. Крымская война. Т. I—II. М.—Л., 1950.
  77. Томара М. Л. Экономическое положение Персии. Отчет чиновника особых поручений Департамента Торговли и Мануфактур. СПб., 1895.
  78. «Санктпетербургские ведомости», 1859, № 18.
  79. Туманович Н. Н. Организация военных союзов и блоков, как средство английской экспансии на Ближнем Востоке.— «Труды Института истории АН Кирг. ССР». Вып. I. Фрунзе, 1955.
  80. Фалсафи Н. Тарих-и равабит-и Иран ва Урупа дар даура-йи Сафавийе. Техран, 1304/1925 (на перс. яз.).
  81. Фалсафи Н. Сийасат-и хареджи-йи Иран дар дауре-йе Сафавийе. Техран, 1342/1963 (на перс. яз.).
  82. Фарханге-е джуграфия-йе Иран. Дж. 1—10. Техран, 1335/1940—1339/1953 (на перс. яз.).
  83. Фесайн. Фарс-наме-йи Насри. Техран, 1313/1934 (литогр. изд. на перс. яз.); то же: Техран, 1340/1961.
  84. Халидже Фарс. Дж. 1—2, Техран, 1342/1963 (на перс. яз.).
  85. Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX века.— Независимый Афганистан. М., 1958.
  86. Худжаста М. Бахрейн дар ду гарн-и ахир. Шираз, 1338/1959 (на перс. яз.).
  87. ЦГВИА СССР (Центральный государственный военно-исторический архив). Фонд ВУА.
  88. Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.— «Исторические записки». 1950, т. 33.
  89. Эқбалъ А. Тарих-и умуми ва Иран. Техран, 1318/1939 (на перс. яз.).
  90. Якуб Юсеф Абдалла. Объединенные Арабские эмираты. История политико-государственного развития (XIX в.— начало 70-х годов XX в.). М., 1978.
  91. Adamiyat F. Bahrein Islands. A Legal and Diplomatic Study of the British-Iranian Controversy. N. Y., 1955.
  92. [Aitchison C. U.] A Collection of Treaties, Engagements and Sanads, Relating to India and Neighbouring Countries. Vol. 1—12. Calcutta, 1892.
  93. Albuquerque A. de. The Commentaries of the Great Alfonso Dalboquerque. Vol. 1—4, 1875 (Hakluyt Society).
  94. Bayani K. Les relations de l'Iran avec l'Europe occidentale à l'époque safavide. P., 1937.
  95. Belgrave. The Pirate Coast. L., 1966.
  96. Buckingham. Travels in Assiria, Media and Persia. Vol. 1—2. L., 1830.
  97. Burnes A. Voyage de l'embouchure de l'Indus à Lahor, Caboul, Balkh

- et à Boukhara et retour par la Perse pendant les années 1831—1833. T. 1—3. P., 1835.
98. Chardin J. Voyage en Perse 1711. T. 1—10. P., 1811.
  99. Calendar of the State Papers.—Colonial Series. East Indies. Vol. 1—4. L., 1870.
  100. Conolly A. Journey of the North of India Overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan. Vol. 1—2. L., 1838.
  101. Correspondence, Relating to Persia and Afghanistan. L., 1839.
  102. Correspondence Respecting Relations with Persia. Vol. 1—2. L., 1841—1857.
  103. Curzon G. Persia and the Persian Question. Vol. 1—2. L., 1892.
  104. Driault E. La politique orientale de Napoléon. P., 1916.
  105. Esmaili M. Le Golfe Persique et les îles de Bahrein. P., 1936.
  106. Farouhy A. The Bahrein Islands (750—1951). A Contribution to the Study of Power Politics in the Persian Gulf. N. Y., 1951.
  107. Francklin W. Observation Made on a Tour from Bengal to Persia in the Years 1786—1787. L., 1790.
  108. Frayer D. A New Account of East India and Persia, 1679—1681. L., 1698.
  109. Gardane A. Mission du general Gardane en Perse sous le Premier Empire. P., 1865.
  110. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation. Vol. 1—12. Glasgow, 1903—1905 (Hakluyt Society).
  111. Heude W. A Voyage up the Persian Gulf and a Journey Overland from India to England in 1817. L., 1819.
  112. Instructions nautiques. Le Golfe Persique et ses abords. P., 1979.
  113. Ives E. A Voyage from England to India in the Year 1754. Also a Journey from Persia to England in 1758 and 1759. L., 1773.
  114. Jaubert A. Voyages en Arménie, en Perse... en 1805—1806. P., 1821.
  115. Johnson J. A Journey from India to England. L., 1818.
  116. Kaye J. W. The Life and Correspondence of Sir John Malcolm. Vol. 1—2. L., 1865.
  117. Kelly J. B. Britain and the Persian Gulf, 1795—1880. Ox., 1968.
  118. Kinneir J. M. A Geographical Memoir of the Persian Empire. L., 1813.
  119. Kuwait Today. A Welfare State. Nairobi, 1963.
  120. Kumar H. R. India and the Persian Gulf Region. 1858—1907. A Study in British Imperial Policy. L., 1965.
  121. Lockhart L. Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources. L., 1938.
  122. Low C. R. History of the Indian Navy. Vol. 1—2. L., 1877.
  123. Malcolm J. A History of Persia. Vol. 1—2. L., 1823.
  124. Markham G. A General Sketch of the History of Persia. L., 1874.
  125. Marlow J. The Persian Gulf in XX Century. L., 1962.
  126. Martens G. F. Table generale du recueil des traites de Martens et des ses continuateurs 1494—1874. Gottingue, 1876.
  - 126a. Martens G. F. Nouveaux recueil generale des traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international; Continuation du Grande recueil de Martens. Sér. 2. Table generale. T. 1—25. Lpz., 1900.
  127. Miles S. P. The Countries and Tribes of the Persian Gulf. Vol. 1—2. L., 1919 (2-nd ed.: 1966).
  128. Misra G. S. British Foreign Policy and Indian Affairs 1783—1815. Bombay, 1963.
  129. Morier J. A. A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor. 1808—1809. L., 1812.
  130. Morier J. A. A Second Journey through Persia. 1810—1816. Vol. 1—2. L., 1818.
  131. [Mothamen ol-Molk]. Recueil des traités de l'Empire persane avec les pays étrangers. Teheran, 1908.
  132. [Outram]. Lieut-general sir J. Outram's Persian Campaign in 1857; Comprising General Orders and Dispatches Relating to the Military Ope-

- rations in Persia from the Landing at Buchire to the Treaty of Peace. L., 1860.
133. Persian Gazetteer.—Lorimer J. G. and Birdwood L. Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia. Vol. 1—2. Calcutta, 1908—1915.
  134. Persian Gulf. French and Portuguese Possessions. L., 1920.
  135. [Purchas]. His Pilgrims. Vol. 1—20. Glasgow, 1905.
  136. Rawlinson H. C. England and Russia in the East. L., 1875.
  137. Salil-ibn-Razik. History of the Imams and Seyids of Oman. Transl. by G. P. Badger. L., 1871.
  138. Siassi A. La Perse au contact de l'occident. P., 1931.
  139. Stuart D. The Struggle for Persia. L., 1902.
  140. Tadjbakhche G. R. La question des îles Bahrein. P., 1960 (Publication de «La Revue générale de Droit International Public», sér. № 1).
  141. Thieury J. Documents pour servir à l'histoire des relations entre la France et la Perse. Evreux, 1866.
  142. Tour de J. J. La rivalités internationale en Perse et dans le Golfe Persique.—«Revue de Géographie». 1902, № 7—12.
  143. Volbezen de E. Les anglais et l'Inde (nouvelles études). T. 1—2. P., 1875.
  144. [Varthema L. de]. The Travels of Ludovico di Vartema, 1863 (Hakluyt Society).
  145. Watson R. A History of Persia from the Beginning of XIX Century to Year 1858. L., 1866.
  146. Whigham H. The Persian Problem, An Examination of Rival Positions of Russia and Great British in Persia. L., 1903.
  147. Wilson A. T. The Persian Gulf. An Historical Sketch from the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century. Ox., 1928.

Указатель имен

- Аббас, мнрза 130, 131
Аббас, шах 44, 45, 49, 51, 53
Аббас II 49
Аббас-мирза, наследник престола 85, 92, 121
Абд аль-Азиз, турецкий султан 104
Абд аль-Ваххаб, Мухаммед 100
Абд аль-Джалил 119, 165
Абдалла, ширваншах 41
Абдалла, шейх о-ва Харк 130
Абдалла-ага 80
Абдалла ибн Ахмед 99, 119, 140—143, 165
Абдалла Расул 80
Абдалла ибн Рашид 167
Абдалла ибн Сабах 100
Ага Мухаммед Каджар 60, 63, 97
Агахан (Ага хан) 138
Адамият Ф. 20, 24, 25, 69, 141
Адамс, Клемент 39
Азизн 22
д'Албукерки, Алфонсу 8, 12, 32, 34—36, 64
д'Албукерки, Педру 36
Александр I 71
Али, шейх Бахрейна 141, 143
Аллаверди-хан 45, 46
Амнр Низам 24
Андерсон 60
д'Андрода, Руи Ферейра 46, 47, 49
Арйар ибн Садун 100
Ахмед ибн Саид 94, 96, 98, 103
Ахмед ибн Футейса 164
Ахмед ибн Халифа 99
Ахмеджанов Г. 27
Ачесон 6
- Багир-хан 133
Баджер Г. II
Бадр 105
Байанн К. 23, 24
Баяндур 17, 25
Бедвуд 8
Беккер, Томас 45
Белгрейв 10, 38, 46, 114, 115
Бенистер 42
Бернс, А. II
Бинан, Али Акбар 21
Бонтем 70
- Бороздна В. 10, 91
Брукс 133, 134, 135, 136, 137
Брюгьер 66, 67
Брюс 122
Букингэм 9, 10, 90, 107, 108, 115
Бушев П. П. 27, 153
Бушехрн, Исмаил 17, 18, 19, 25
Бэрроу 9, 42
- де Вальбезен 154
Вартема 8, 34
Висинх 45
- да Гама, Васко 33, 34
Гардан 7, 9, 12, 70, 72, 74, 77, 82, 110
Гастингс 61
аль-Гафирн, династия 94
Глоузер 45
Гомез, Руи 36
Грант 85
Гургани, Маншур 18, 107
- Деван Эфпенди 87
Джаббар 54
Джабир 99
Джафар Али-хан 80
Джафар-хан 60
Дженкинсон, Эитони 9, 40, 41
Джонс Х. 9, 12, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 87, 110
Джонс, резидент 149
Джоисон 92
Джюкс 121
Диаш Бартолومهу 33
Долгоруков Д. И. 144
Дубачевский 108
Дуглас 56
Дюгамель 133, 138
- Елизавета I 15
Елизавета II 15
Ермолов 10, 92
- Жобер 70, 71
Жуаншин 7, 70, 83
- Ибрагим-паша 114, 116
Игамбердыев М. А. 27

- Игнатъев 150, 151
 Иктидари А. 21
 Ильенко И. 27
 Имам-кули 47, 48
 Исмаил-бек 76
 Исмаил Сефевн 33, 35, 36
 Исманли 19
- Кадри 24
 Каиммаками Дж. 20, 21
 Кайс ибн Ахмед 96
 Камертон 134
 Кафтырев Д. 27
 Кейр У. 117, 118, 119, 163, 164, 165, 167
 Келли, Дж. Б. 7, 13, 14, 15, 27, 71, 94, 104, 108, 109, 118, 121, 122, 124, 128, 142
 Керзон Г. 16
 Керим-шах Зенд 12, 56, 57, 58, 59, 60, 98, 160
 Клайв 61
 Кишпхаузеи 58
 Ковильхао 34
 Коннок Э. 45, 48
 Констант, Карел 51
 Корнуолис 61
 Коули 153
 Кристн 85
 Кумар Р. 26, 27, 67
 Кэбот, Себастиан 39
 Кэй Дж. 6, 7, 9, 15, 23, 26, 73
- де Лабланш 70
 Ленин В. И. 93
 Лик 149, 151
 Линдсей 85
 Лоример 8
 Лоу 17, 133, 134, 136, 142, 143, 146, 151, 153
 Лох Ф. 10, 116, 117, 118, 120
 Лутф Али-хан Зенд 63
- Майлс С. 15, 96
 Макдональд 85
 Маклеод 125
 Макноген 129
 Макнил 126, 129, 132, 135
 Малькольм Дж. 6, 7, 9, 12, 15, 16, 22, 26, 27, 64—87, 103, 106, 109, 110, 112, 130, 156, 160
 Манистри 103
 Марк, Карл 52, 77, 148, 152, 154
 Маркхэм Г. 16
 Мартенс Г. 6
 Масуди, мирза 132
 Махмуд Махмуд 22, 25, 84
 Мейтлаид 132, 133, 134
 Меррик, Джон 42
- Мехди Алн-хан, мирза 67, 101
 Минто 73, 75, 77—79, 81—85, 111, 112
 Мирза Агаси 144
 Мисль Рустем 27
 Морсби 123
 Мортон А. 43
 Морьер 9, 80, 81
 Муджтахеди М. 25
 Муин ад-дин Фалин 46
 Муктадир 17, 25
 Мурад, султан 43
 Муса-бек 46
 Мутамин ал-Мулк 6
 Мухаммед ибн Абд аль Ваххаб см.
 Абд аль Ваххаб, Мухаммед
 Мухаммед Али-паша 128, 134, 135
 Мухаммед Али-бек 136
 Мухаммед ан-Набахани ат-Тан 18
 Мухаммед Нуби хан 80
 Мухаммед ибн Сауд 100
 Мухаммед ибн Халифа 141—144, 149
 Мухаммед ибн Хаса ибн Заал 164, 167
 Мухаммед Хасаи хан, историк 12
 Мухаммед Хасан Хан, командир отряда 134
 Муханна 58
 Муэзи Н. 24
 Меррей 147, 148
- ан-Набахани, Мухаммед
 Надир-шах 11, 12, 55, 56, 94, 98
 Наполеон 59, 61, 62, 66, 70, 71, 72, 88, 89
 Насир, шейх Бунира 130, 131, 134
 Насир ибн Мазкур 99
 Насир ибн Мурушид 94
 Неджеф Али Зенд 74
 Непин, Ивек 110
 Никитин, Афанасий 8, 32
- Окленд 137
 Оливье 66, 67
 Оллок 41
 Омар ибн Уфейсан 128
 Оузли 9, 87
- Пальмерстон Г. Д. Т. 7, 134, 135, 136, 141, 156
 Перчас, Самуэл 9
 Пири-раис 38
 Плайфер 151
 Плэмтри 42
 Погелли 151
 Поло, Марко 32
 Портер 143
 Поттингер 85
 Пэт 39

- Рази ибн Ахмед 167
 Рассел, Уильям 42
 Рахман ибн Джабир 99, 108, 114—116
 Рашид ибн Хамид 167
 Рейтер 16
 Риттих П. А. 27
 Рич 86, 87
 Робинсон 145
 Ромье 70, 71
 Роулинсон Г. 16, 26
 Руи Ферейра см. д'Андрала
 Рукн аддин Масуд 46
 Румянцев 87
- Сагр ибн Рашид 98, 99, 105, 109, 111,
 120, 125, 155
 Садид ас-Салтане Кабаби, Мухам-
 мад Алн 21
 Садун, 56, 57
 Садык-хан 59
 Саид ибн Ахмед 96
 Саид ибн Сайф 167
 Саид ибн Султан 75, 87, 89, 105,
 110—114, 116, 120, 122—128, 140,
 150, 164
 Саиды, династия 94
 Сайкс 16, 26
 Сайф аддин 35
 Сайф ибн Ахмед 96
 Сайф ибн Султан 94
 Сайф II ибн Султан 105
 Салль ибн Разик 11
 Саул, эмир 108, 110
 Сетон 105, 106, 155
 Сефевиды 23, 24, 33, 52, 54
 Сефи I, шах 49
 да Сильва, Гарсия 49
 Скабический 68
 Соколов А. 10, 92, 93
 Стаинус 127
 Стефанов 71
 Стнл 45
 Стодарт 130, 131
 Стратфорд де Редклиф 153
 Стрельбицкий И. 27
 Сулейман, шах 53
 Сулейман ибн Ахмед 99, 119, 140, 165
 Сулейман Великолепный, султан 38
 Султан ибн Ахмед 96, 97, 98, 101,
 102, 103, 104, 105
 Султан ибн Сагр 163
 Султан Хусейн, шах 52, 54
 Сыромятников С. 27
- Гулям-Риза 20, 56
- Тахмасп Сефеви 37, 43
 Тейлор 119
- Тимур 31
 Тимуриды 31, 33
 Типу-Султан 96, 101, 123
 Товареш Суза 38
 Тодд 131, 132
 Томара М. А. 27
 Томпсон 120, 121
 Томсон 148, 167
 Тормасов 87
 Тьерн Ж. 6
- Уиллок 121, 140
 Унллоуби 39, 40
 Унлсон А. 13, 14, 17, 19, 24
 Уотсон Р. 16, 152, 153
 Утрэм 152, 153
 Уэлсли 67
 Уэлсли, Артур 81
- Фалсафн Н. 24, 25
 Фаррух-хан 153
 Фаругн А. 18, 19, 55, 89
 Фатх Али-шах 27, 67, 103, 104, 110
 Фейсфул 125
 Ферндун-мирза 131
 Ферраит 144
 Феррейра Мигуэль 36
 Фесан, Хасан 12
 Фигуэроа см. да Сильва, Гарсия
 Филлипп 111 49
 Флеминг 108
 Фрейзер 121
- Хайдар Али 96
 Хаклойт Р. 39, 40
 Халиль-хан 68
 Халифа ибн Мухаммад 98
 Хамад ибн Саид 96
 Хамза ибн Мухаммед ибн Зубу аль-
 Муазин 164
 Хамид 35
 Хасан Али Хасан ибн Алн 105, 111,
 118, 165, 167
 Хасан ибн Рахман 117, 163, 164, 167
 Хилияль ибн Ахмед 96
 Хойд 90, 91
 Хоукинс 142
 Хашим 148
 Хеннель 126, 130, 131, 133, 134, 135,
 141, 142, 143
 Худжаста М. 19
 Хуршид-паша 135, 141
 Хусейн, шейх 131
- Черчилл, Остин 16
 Чнрол 16
- Шарден Ж. 9
 Шахбут ибн Диляб (Шахбут ибн

Дняб аль-Талабидж) 98, 164, 167
Ширефф 130

Эдмундс 134, 137
Эдвардс 9, 41, 42
Эллис 85

Эльфинстон 121
Энгельс, Фридрих 32, 44, 107

Якоби 153
Яков I 42
Янч 151

Указатель географических и этнических* названий

- Абу-Даби 97, 98, 99, 100, 129, 137,
164, 165, 167
Абукир 101
Абу-Найди 137
Аден 134
Аджман 118, 129, 167
Азербайджан 44
Алеппо см. Халеб
Англия см. Великобритания
Аитнохня на Оронте (древн.) 31
Аравийское море 33, 38, 94, 125
Аравия, Аравийский полуостров 3,
30, 34, 38, 61, 64, 65, 69, 77, 94, 100,
120, 123, 126, 141, 151, 156, 160
Архангельск 42
Асалу 118
асалу, племя 136
Астрахань 42
Афганистан 7, 61, 69, 101, 132, 138,
149
Ахваз 149, 153, 161
- Баб-эль-Мандебский пролив 156
Багдад 31, 38, 45, 71, 74, 75, 80, 82,
85—87, 89, 100, 102, 106, 135, 138,
146
Баку 71
Басра 30, 31, 38, 49, 51, 55, 56, 58,
59, 65, 75, 79, 80, 82, 85, 90, 91, 98—
100, 102—104, 106, 119, 126, 129,
135, 146, 147, 149, 154, 160, 161
Бассадор 112, 161
Бахрейн, Бахрейнские острова, Бах-
рейнский архипелаг 10, 14, 18—21,
28, 29—31, 34, 36—38, 46, 49, 54,
55, 65, 91, 98, 99, 101, 103, 112, 114,
116, 122—126, 128, 134, 136—138,
140—144, 146, 149, 154—156, 160,
166
Белуджистан 85
Бенгалия 90
Бендер-Аббас 21, 32, 45—49, 51—53,
56, 58, 67, 96, 97, 102, 103, 105, 106,
122, 146—151, 153, 154, 157
Бендер-Бушир см. Бушир
- Бендер-Рнг 46, 58, 59, 65
бени маин, союз племен 105
бени халнд, союз племен 100
бени яс, союз племен 97, 98
Бидаа 136, 137
Бомбей 64, 66, 73, 75, 78, 79, 81, 82,
90, 91, 113, 119, 121, 126, 127, 129,
130, 134
Боразджан 152
Британния см. Великобритания
Британская империя 43
бу али, союз племен 120, 121
Будапешт 36
Бурайми 94, 104, 128, 135, 141, 154
Бухара 40, 88
Бушир 9, 55—60, 65, 67, 68, 70, 75,
76, 78—81, 84, 87, 90, 99, 113, 115,
116, 122, 124, 126, 130—134, 136,
137, 139, 141, 143, 146, 148—152,
154, 157, 162
- Вавилон (древн.) 31
Великобританния, Англия, Британия
3—7, 9—11, 13—19, 22, 24, 25, 39—
41, 43—45, 48, 50, 52—54, 56, 58,
61—72, 74, 76, 77, 79, 82—85, 87—
93, 101, 102, 108—111, 113, 116,
118—122, 124, 125, 127—129, 132,
134—137, 139—151, 153—162
Вена 36
Венеция 33
- Ганна 142
Гвадар 96
Герат 7, 12, 23, 129—131, 138, 145,
148, 151, 154
Германия 4, 162
Гибралтар 108
Гилян 90
Гоа 36, 54
Голландия 4, 13, 23, 39, 44—46, 50—
52, 54, 158, 159
Грузия 70, 72
Гуриан 136, 137

* Включены только названия племен, племенных союзов и объединений.

- Дабба 98
 Даммам 115, 116, 141
 Дафра 100
 Дербент 71
 Джазирет-эль-Хаммар 111
 аль-джалахима, союз племен 99, 115
 Джаск 45, 46, 49, 52
 Джерун см. Ормуз
 Джурат-эль-Камра 167
 Дибай 118, 126, 129, 137, 164, 167
 Диярбакыр 31
 Доброй Надежды мыс 16, 33, 73, 159
 Гоговорный Оман см. Эш-Шамал
- Евфрат 31, 128
 Египет 16, 33, 134
 Зайя 118, 167
 Закавказье 44
 Занзибар 11, 123
 Зубаре 99, 112
- Имам 163, 165
 Индийский океан 14, 29, 34, 125
 Индия 3, 6, 9, 10, 15—17, 22, 23, 26,
 27, 30—32, 34—36, 39, 41, 42, 47,
 55, 58, 59, 61, 62, 64—66, 68, 69,
 71, 73, 74, 77—85, 87, 88, 90, 92, 93,
 101, 106, 109, 111, 112, 114, 116,
 118, 121, 124, 126—128, 130, 131,
 135, 137—139, 141, 143, 151, 152, 154,
 156, 157, 160, 161
- Ирак 26
 Иран 3—20, 22—27, 31, 33, 35—37,
 39—45, 48—56, 58—94, 96—99,
 101—106, 109, 110, 114, 118, 121—
 124, 126, 127, 129—132, 134, 136,
 138—141, 143—148, 151, 153, 154,
 156—162
- Испания 33, 38, 39, 43, 44, 48, 50, 81
 Исфahan 45, 47—49, 51, 54, 67, 74,
 147, 157
- Йезд 90
- Кааб, племя 59
 Кабул 132
 Кавасим (джавасим), союз племен
 97—99, 104—108, 110, 111, 113, 114,
 118, 119, 123, 125
 Кавказ 16, 40, 70, 84
 Хазань 42
 Халат 8, 34—37
 Халкутта 5, 6, 77, 78, 121, 154
 Хандагар 132
 Харак см. Харк
 Харачи 132
 Харун 144, 149, 152, 153
 Аспийское море 41, 68, 70, 85, 87—
 89
- Катар 29, 34, 38, 99, 100, 139
 Кашан 90
 Кешм 14, 24, 29, 34, 47, 51, 52, 54,
 64, 68, 97, 98, 105, 106, 111, 112,
 114, 117, 121, 122, 126, 139, 146, 147,
 150, 151, 157, 164
 Китай 30, 32, 39, 42
 Киш 30, 32
 Константинополь 33
 Красное море 33, 61, 100, 134
 Крым 154
 Ктесифон (древн.) 31
 Кувейт 14, 26, 28, 38, 62, 98—100, 127,
 137, 138, 144, 161
 Курнат 8, 34, 37, 50
 Курия-Мурня 150
- Лива 98
 Линге 38, 49, 98, 105, 111, 114, 118,
 134, 151
 Лиссабон 34
 Лондон 5—7, 11, 41, 78, 108, 135, 136,
 150
 Лурестан 34
 Луфт 111
- Маврикий 74
 Магу 111, 118
 Майсур 64, 68, 69, 96, 101
 Малая Азия 33, 160
 Маиана 29, 99, 118, 134, 143
 Маскат 8, 11, 14, 23, 30, 32, 34—38,
 46, 49, 50, 75, 87, 90, 91, 94, 96, 101,
 103, 105, 109, 110, 112, 114, 116, 121,
 126, 139, 146, 154, 156
- Матра 94
 Махарра 163
 Мекран 55, 85
 Месопотамия 31
 Минаб 105
 Момбаса 124
 Монголия 33
 Москва 40
 Мохаммера 24, 135, 144, 149, 152, 153
 Мусандам 97, 98, 104, 126, 155
 Мухаррак 99, 119
- Неджд 98, 146
 Нехилу 46
 Нижний Новгород 42
 Ниневия (древн.) 13
 Нью-Йорк 18
- Оман, Оманское княжество 6, 11, 15,
 18, 27, 50, 54, 55, 62, 67—69, 94,
 96, 98, 100—105, 110, 111, 120, 123—
 127, 129, 134, 135, 140, 148—151,
 153, 155, 156, 160, 161
 Оманский залив 29, 31, 32, 34—36, 38,

- 48—51, 63, 68, 94, 96, 120, 125—127,
 136, 139, 140, 161
 Ормуз 8, 9, 12, 13, 15, 17, 18, 23, 24,
 30, 31, 34—38, 40—42, 46—51, 53,
 54, 64, 96, 97, 106, 135, 139, 146,
 150
 Ормузский пролив 29, 32, 60, 75, 105,
 110, 125, 159
 Ормузский пролив 29, 32, 60, 75, 105,
 110, 125, 159
 Оронг 31
 Османская империя 38, 71

 Пальмира (древн.) 31
 Панджаб 16
 Париж 20, 23, 153
 Персия см. Иран
 Петербург 108
 Пиратский берег см. Эш-Шамал
 Пондишери 62
 Португалия 9, 13, 18, 33—35, 38, 39,
 39, 43—46, 48—50, 52, 78, 109, 116,
 125, 158, 159, 162

 Рас-эль-Хадд 34
 Рас-эль-Хайма 46, 98, 106, 109—112,
 114, 116—119, 126, 134, 163—165,
 167
 Решир 150
 Рифа 99
 Россия, Русь 6, 8, 16, 25, 39, 41, 42, 67,
 69, 70, 72, 81—85, 87—89, 93, 101,
 125, 159
 Ростак 96
 Рувайса 99
 Руммс 111

 ас-сабах, союз племен 100, 104
 Самаркаид 88
 Севастополь 147
 Сеута 33
 Сингапур 137, 161
 Синд 132
 Сир 137
 Сираф 32
 Сирия 31, 33
 Сохар 35—37, 46, 49, 50, 94, 96, 110
 Средиземное море 31, 59
 Средняя Азия 11, 33, 55, 61, 68, 70,
 84
 Стамбул 153
 Султанья 85
 Сур 50, 120
 Сурат 46, 47
 США 3, 4, 162

 Тавриз, см. Тебриз
 Татаристан 88

 Тахрир 54
 Тебриз (Тавриз) 45, 83, 87, 91, 148
 Тегеран 6, 12, 27, 66—68, 72, 73, 75,
 77, 81, 82, 103, 121, 126, 131, 135,
 148
 Тильзит 71
 Трабзон 45
 Турция 3, 18, 33—36, 40, 41, 44—46,
 55, 56, 61, 64, 65, 69, 79, 81, 86, 126,
 127, 144, 146, 147, 156

 умайр, племя 142
 Умм-эль-Кайвайн 118, 137, 163, 165,
 167
 Усть-Сысольск 42
 утбийские арабы, племенное объеди-
 нение 98—100

 Файлака 137
 Фарра 136, 137
 Фарс 12, 45, 46, 75—77, 79, 80, 110,
 122, 124, 130, 131, 140, 146, 150,
 151
 Фиккенштейн 71
 Франция 4, 5, 7, 20, 39, 44, 50, 52—
 54, 62, 66, 67, 71, 81, 82, 84, 158—
 160
 ФРГ 3

 Хайдарабад 101
 Халеб (Алеппо) 31, 45, 100
 Халила 150
 аль-халифа, союз племен 98, 99, 104,
 115
 Харк 14, 21, 23, 25, 58, 64, 65, 68,
 70, 76, 78, 81—83, 89, 103, 118, 125,
 130, 131, 133—140, 145, 150, 153,
 161
 Хингам 68
 Холмогоры 42
 Хорасан 24, 44, 88, 138
 Хор-Факкан 35, 49, 75, 98, 110, 111
 Хор-Хасан 99
 Хуфиф 100
 Хузестан 151, 153
 Хушаб 152

 Чахбахар 97
 Черное море 146, 147

 Шарджа 98, 111, 114, 118, 126, 137,
 163, 165, 167
 Шатт-эль-Араб 29, 31, 59, 126, 139
 Шемаха 41
 Шинас 110—113
 Шираз 19, 45, 56, 59, 67, 75, 80, 81,
 84, 122, 140, 147, 148, 157

Эль-Джибаль 29	124—126, 128, 129, 135, 139, 140, 146,
Эль-Катиф 38, 100, 135, 141, 142, 146,	149, 155, 156, 161
147	
Эль-Хаса 100, 115, 156	Японня 3, 162
Эш-Шамал 97, 98, 111, 116, 119, 120,	Ярославль 42

Содержание

Предисловие	3
Глава I. Историография проблемы	5
Глава II. Экспансия европейских государств в районе Персидского залива в XVI—XVIII вв.	29
Глава III. Соперничество европейских держав при тегеранском дворе в начале XIX в.	61
Глава IV. Британская политика в шейхствах	94
Глава V. Превращение Персидского залива в «британское озеро»	129
Заключение	158
Приложения	163
Примечания	168
Библиография	177
Указатель имен	182
Указатель географических и этнических названий	186

Наталья Николаевна Туманович
Европейские державы
в Персидском заливе
в 16—19 вв.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Ю. О. Магидсон*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *В. Варчашик*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Геллякова*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14429

Сдано в набор 19.10.81. Подписано к печати 25.02.82. А-04047. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12. Усл. кр.-отт. 12,25. Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 2000 экз. Изд. № 5012, Зак. № 539.
Цена 2 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Европейские
державы
в Персидском
заливе
в 16-19 вв.

В книге освещается история колониальной экспансии европейских держав — Португалии, Голландии, Франции и Англии — в эпоху первоначального накопления капитала в зоне Персидского залива. Рассматриваются по этапам английское проникновение и укрепление позиций Англии в этом районе, методы ее политического, экономического и военного воздействия в этом регионе.